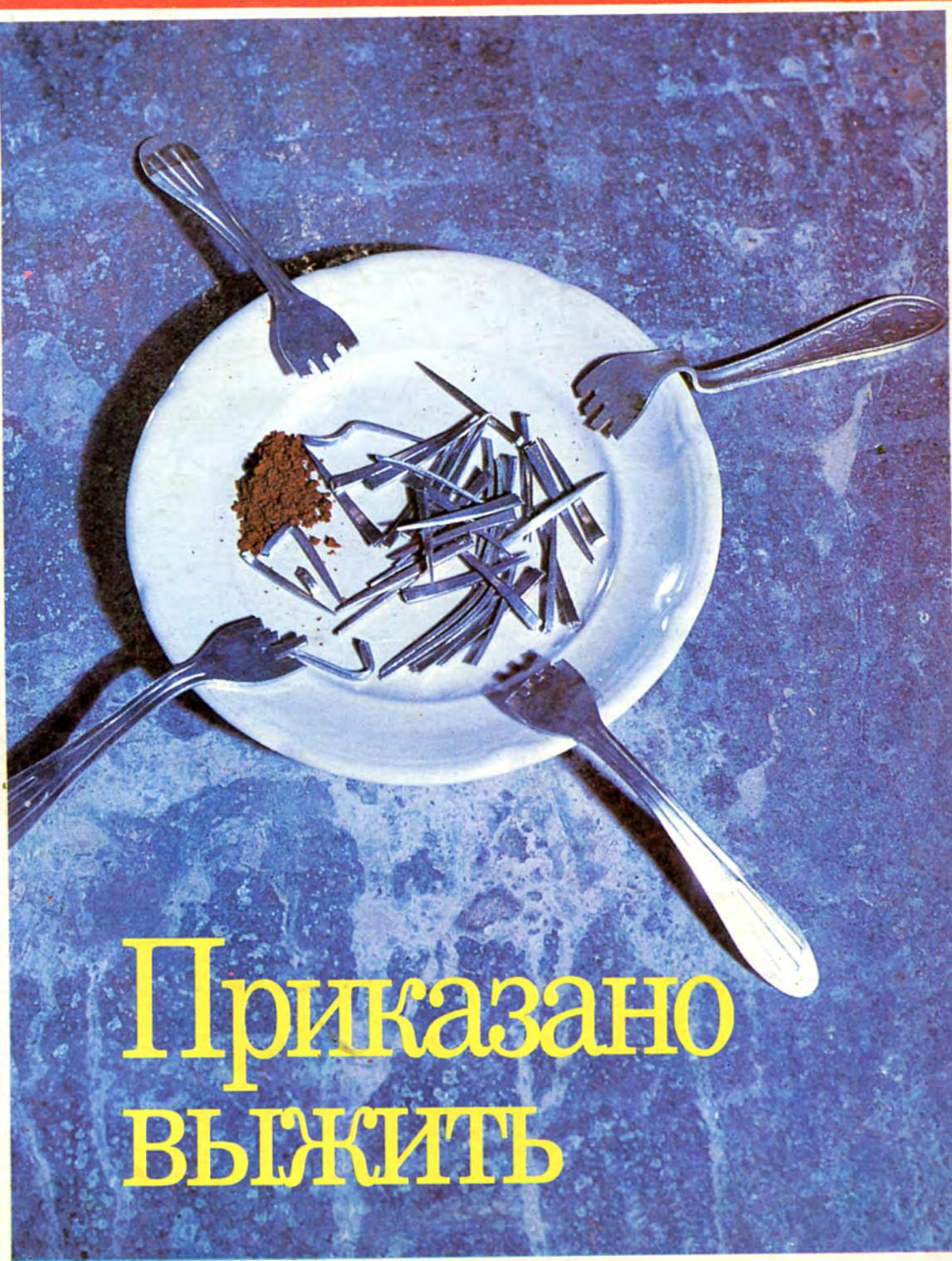

НОВОЕ ВРЕМЯ

май 1991

Из Европы
в ГУЛАГ:
ошибка
резидента

20

Приказано
ВЫЖИТЬ

ISSN 0137 - 0723

Р А К У Р С Ы

ЮЛИЯ ГУКОВА

Читайте в этом номере:

СТРАНА

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ <i>М. Шакина</i> ЕЛЬЦИН И ОСТАЛЬНЫЕ	4
РОССИЯ <i>Р. Хасбулатов</i> Я С ИРОНИЕЙ ОТНОШУСЬ К ПОНЯТИЮ «СИЛЬНАЯ ВЛАСТЬ»	7
МЫСЛИ ВСПЛУХ <i>Л. Безыменский</i> ПРАЗДНИКИ, КОТОРЫЕ УЖЕ НЕ С НАМИ	9
ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ <i>Я. фон Юкскуль</i> НАУКА СОСУЩЕСТВОВАТЬ СО СВЕРХДЕРЖАВОЙ	10
НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ	
<i>В. Брутер, В. Солонарь</i> МОЛДОВА: ГОДОВАЛЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ	12
ПОЛЕМИКА <i>К. Щербаков</i> ПОЧЕМУ НЕ ХОЧЕТСЯ В ЦИВИЛИЗАЦИЮ	14

МИР

СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ «НОВОГО ВРЕМЕНИ» <i>К. К. Дж. Масире</i> ВОЗВРАТ К ПРОШЛОМУ ГУБИТЕЛЕН	16
ЯПОНИЯ <i>Л. Млечин</i> ЗАПАДНЫЕ ВАРВАРЫ В СТАРОЙ СТОЛИЦЕ	18
ВЗГЛЯД ОБОЗРЕВАТЕЛЯ <i>А. Кожемяков</i> ВИД ИЗ НОВО-ОГАРЕВО	21
ЮГОСЛАВИЯ <i>Г. Сысоев</i> ОРУЖИЕ ВМЕСТО АРГУМЕНТОВ	22
МЕКСИКА <i>Ю. Кудимов</i> ЭЛЕКТРОННЫЙ ШПИОНАЖ НА РОДИНЕ АЦТЕКОВ	23
ИДЕИ И ОПЫТ <i>С. Хенкин</i> ЭТО СЛАДКОЕ СЛОВО – СОГЛАСИЕ	24

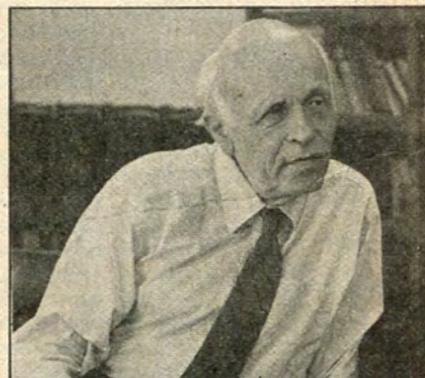
ТРЕТЬЯ КОРЗИНА

СУДЬБЫ <i>В. Страда</i> БОЛЬШЕ, ЧЕМ УЧИТЕЛЬ ИЛИ ПРОРОК	26
<i>А. Козырев</i> ОН ПРИНЦИПИАЛЬНО ОТВЕРГАЛ НАСИЛИЕ	29
ПРАВА ЧЕЛОВЕКА <i>В. Абрамкин</i> ТЮРЬМА И ВОЛЯ	31
ДНЕВНИК СОЦИОЛОГА <i>Л. Ионин</i> ЖИТЬ С НАРКОТИКАМИ?	33
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ <i>Л. Люкс</i> РЕВОЛЮЦИЯ ПРОДОЛЖАЕТСЯ – ДО РЕСТАВРАЦИИ	34
СЕКРЕТНЫЕ СЛУЖБЫ <i>Д. Быстролетов</i> РЕЗИДЕНТ ВОЗВРАЩАЕТСЯ... В ГУЛАГ	37
РУКОПИСИ НЕ ГОРЯТ <i>И. Озеров</i> ДЕНЬГИ, ТОВАР И ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ КОШМАР	41
ЛИТЕРАТУРА <i>Л. Лисюткина</i> КАК ОРУЗЛЛ ПОШЕЛ В НАРОД, ИЛИ «ОПЕРАЦИЯ ГУТЕНБЕРГ»	46
СМЕХ СКВОЗЬ СЛЕЗЫ <i>Ю. Соколов</i> КОЭФФИЦИЕНТ ПОРЯДОЧНОСТИ	48
ПОЧТА (2), ЛИЦА (44)	

Руслан Хасбулатов: горький опыт Кавказа

Стр. 7

Академик Сахаров: эволюция человека и конвергенция систем

Стр. 26, 29

«1984» – судьба одного пророчества

Стр. 46

Главный редактор

**Александр
ПУМПЯНСКИЙ**

Редколлегия:

Александр АРТЕМЬЕВ

(коммерческий директор),

Лев БЕЗЫМЕНСКИЙ,

Алексей БУКАЛОВ

(ответственный секретарь),

Виталий ГАНЮШКИН

(первый заместитель

главного редактора),

Сергей ГОЛЯКОВ,

Лев ЕЛИН,

Виталий ИГНАТЕНКО,

Леонид МЛЕЧИН

(заместитель главного

редактора),

Дмитрий

ПОГОРЖЕЛЬСКИЙ,

Галина СИДОРОВА,

Марина ШАКИНА

Игорь ШЕИН

(главный художник)

Собственные корреспонденты:

Алжир

Михаил ХРОБОСТОВ

Белград

Геннадий СЫСОЕВ

Берлин

Михаил ПОДВИГИН

Бонн

Никита ЖОЛКВЕР

Бухарест

Сергей СВИРИН

Варшава

Рудольф БОРЕЦКИЙ

Вена

Анатолий КОВРИГИН

Гавана

Виталий СОБОЛЕВ

Дели

Сергей ИРОДОВ

Лондон

Сергей БАБУСЕНКО

Прага

Инна РУДЕНКО

Претория

Николай РЕШЕТНЯК

Мехико

Юрий КУДИМОВ

Нью-Йорк

Евгений АНДРИАНОВ

Рим

Павел НЕГОИЦА

Стокгольм

Александр ПОЛЮХОВ

Токио

Владимир ОВСЯННИКОВ

**Учредитель —
журналистский коллектив
«Нового времени»**

Выходит на русском, английском,
французском, немецком, испанском,
итальянском языках

Наш адрес: 103782, ГСП,

Москва, К-6, Пушкинская пл.

Тел. 229-88-72, 209-07-67

Телексы: 411164a newt SU

411164b newt SU

Телефаксы: 200-42-23;

200-41-92

Отдел рекламы: 209-92-82

Печатается в типографии

«Московская правда»

© «Новое время»

П О Ч Т А

■ Беседа журналистов «НВ» с маршалом Ахромеевым дает немало поводов к грустным размышлениям. Если уж так рассуждает боевой офицер Великой Отечественной, Маршал СССР, народный депутат, человек, немало поживший и немало повидавший, открытый к спорам (чем мне и симпатичен), то что же тогда творится под фуражками тех военных чинов, которые действуют либо по секретным приказам, либо по просьбам самозванных «комитетов спасения», либо готовы бросить всю армию на защиту «чести и достоинства» 29 народных депутатов России?!

Лично мне современная Советская Армия напоминает тургеневского бурмистра — «огромного мужа с недоумевающими кулаками». Угроза непосредственного нападения испарилась, разбитые в боях враги шлют продуктовые посылки обнищавшим ветеранам-победителям, братья по «соцлагерю» вежливо просят: мол, погостили — пора и честь знать! Маршал все это вроде бы признает, но заявляет, что «остались государственные интересы Советского Союза и остался социалистический выбор Советского Союза, которые нужно защищать». Но народный депутат

должен понимать, что слово «выбор» обрело свой истинный смысл всего три года тому назад, а «социалистический выбор» в XX веке сделали не только наша страна, но и Германия 1933 года (причем именно выбор), и Вьетнам, и Куба, и Эфиопия, и Афганистан. А вот Кампучия — так она сразу сделала выбор «коммунистический»! По-моему, государственные интересы и социалистический выбор — вещи несколько разные. Государство — это территория, на которой проживает народ, имеющий право переизбрать правительство, если оно не оправдало чаяний народа. Это называется демократия, народовластие.

Если бы Сергей Федорович постарался взглянуть на наш мир «невооруженным» глазом, то увидел бы, что там, где народы сделали свой роковой «социалистический выбор», вспыхнули международные и межнациональные конфликты. Большевики в свое время превратили «войну империалистическую в войну гражданскую». И война эта против собственных граждан длится и по сию пору. Страшно то, что теперь «безработная» наша армия может найти себе применение и выход своему раздражению

в вооруженной борьбе с собственным народом за мифические «завоевания социализма»...

Александр Рубинин,
художник, ефрейтор запаса
Москва

■ Должен вас обрадовать: после 35 лет подписки на ваш журнал все номера начну отправлять в печь, не читая. Как легко вы перекрасились! Идея социальной справедливости существовала задолго до Маркса и Энгельса и переживет всех нас, а таких, как ваш автор Леонид Васильев, и подавно. Этот автор поможет вам потерять подписчиков намного быстрее, чем повышение цены вдвое. Когда вам было выгодно, вы преклонялись перед лжекомпартией, а теперь стали поливать ее грязью. Жаль, нет времени полистать подшивки за прошлые годы — наверняка нашел бы там материалы Васильева, в которых он прославлял КПСС и ее «лидера», своего тезку, — а я его еще в 1975 году звал «мартышка».

Передайте Л.Васильеву, что я вынужден возбудить против него уголовное дело, обвинив его в фашизме, ведь из его статей следует, что европейцы — высшая раса, а мы, азиаты, — второго сорта.

В Латвии не было своей Катыни

■ Материал Л.Елина «Капитан НКВД, который знает о Катыни все» (№ 17/91) продолжил ряд статей «Нового времени» о катынской трагедии. Наша газета «Циня» рассказала о судьбе польских солдат, которые осенью 1939 года спасались от немецких и советских войск в Латвии и были интернированы. Никогда раньше о несчастных польских беженцах, оказавшихся в Латвии, не говорили: пресса и дипломаты независимой Латвии тоже умели молчать.

Журналисты В.Краевска и У.Ласманис пишут, что в сентябре 1939 года в независимой Латвии были созданы лагеря для интернированных польских солдат — в Даугавпилсе, Лиепае, Литене, Лиласте, Цесисе и Ульброке. В те годы наша пресса мало писала об этом. Причина, по-моему, в нейтралитете Латвии, который был провозглашен 1 сентября 1939 года. Латвия скрывала количество пленных, стараясь не раздражать болезненное самолюбие Гитлера, а может быть, и опасаясь русских, хотя в то время о намерениях Советов никто не догадывался.

Рождество 1939 года в лагере интернированных польских военных

Сохранились различные списки пленных лагеря в окрестностях Даугавпилса: 254 солдата и пограничника, 103 солдата, 122 сержанта, капрала и ефрейтора, 257 офицеров и капралов и еще отдельный список из 176 офицеров.

Армия — «огромный мужик с недоумевающими кулаками»?

Приказано быть счастливой

«Мы, азиаты, — второго сорта...»

Да, в Европе не спиваются, но там полно наркоманов. А разве там не убивают своих президентов, не втыкают ножи в министров? Ох и цивилизованные же они! А что, разве там нет воров и проституток? Сейчас все сваливают на марксизм и Ленина. Скоро он уже будет виноват в восстаниях Пугачева и Разина!

Д. Лабарешных
Иркутская область

■ Заметка моего земляка А. Луговского («Почта» № 6/91) отражает идеологические стереотипы, господствующие до сих пор в партии. Они характерны для всей партийной прессы, контролируемой обкомом и райкомом в нашей области. Этим стереотипам присуще крайне негативное отношение к студенческому движению в республике, организовавшему в конце прошлого года политическую голодовку в Киеве. Суть стерео-

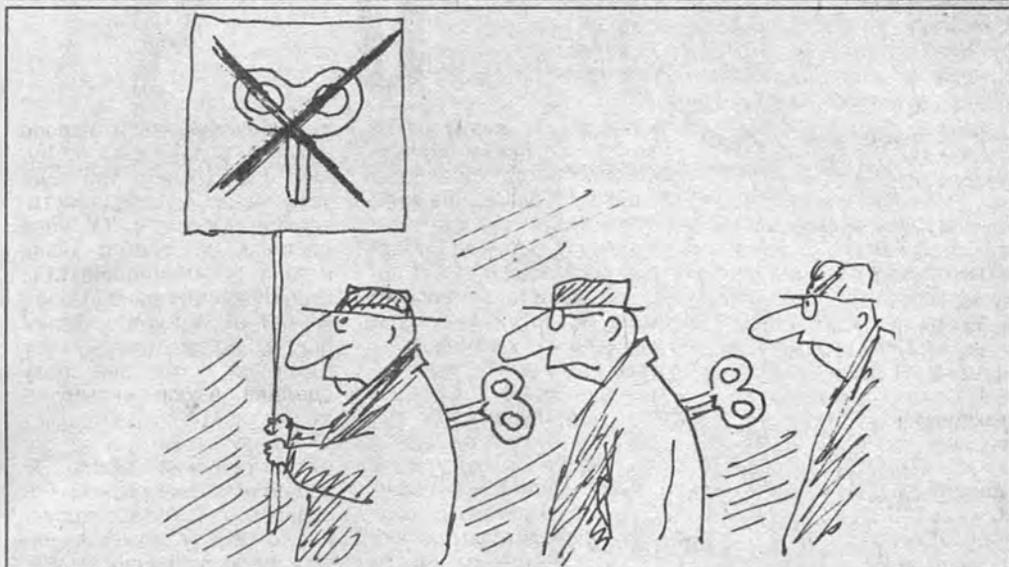

Рисунок Виктора Богорада

типа проста: если движение не зависит от компартии, значит, им могут руководить только темные силы. Автор не может поверить, что взрослые (пусть и молодые) люди могут быть самостоятельной политической силой, что они способны выработать самостоятельную программу и избрать свои методы политической борьбы. Луговской забывает, что акция студентов была лишь частичкой недовольства украинского народа политической властью В. Масола, что и привело к его отставке. Так что вряд ли здесь

можно говорить о незаконных действиях студентов против «законного правительства».

Не выдерживает критики и стереотип: там, где коммунисты сохранили свою власть, — чуть ли не рай, а там, где к власти пришли «демократы», — чуть ли не голод. Шахтеры забастовали в тех областях, где у власти коммунисты, не от хорошей жизни. Да и у нас, в провинции, где у власти коммунисты и (как пишет Луговской) «сосредоточены самые здоровые силы нации», в магазинах хоть ша-

ром покати. Даже после повышения цен.

С. Волин,
учитель истории, член КПСС
Сумская область

■ Я хотела бы ответить автору материала «Между нами, женщинами» (№ 5/91). Наталью Морозову можно назвать свободной женщиной: она говорит что думает и верит в то, что говорит. Вероятно, эта непробиваемая вера фанатика и дает ей право настаивать другим в таком снисходительно-пренебрежительном тоне.

Я родилась и выросла в той же стране, что и Н. Морозова. Я не была такой счастливой: жила не в большом городе, а в забытой, поруганной, растоптанной русской деревне. Я знала и других женщин — не похожих на автора материала. По вечерам они не писали статей о Сталине и коммунизме, а плакали — в доме нечего было есть. Почему бы Н. Морозовой не написать материал на эту тему?

Меня унижали и обманывали, мне приказано было быть счастливой, то есть покорной и молчать. Молчать! Почему за всю мою жизнь в СССР никто меня не спросил: «А согласна ли ты с тем, что мы делаем?» Молчать! И не задавать вопросов!

В. Герин
Сидней, Австралия
Подборку подготовила
Т. Чернова

В декабре 1939 года интернированных опрашивали, куда они хотели бы поехать. Сохранилось предписание помощника штаба армии генерала Бука. Он рекомендовал командиру 7-го Сигулдского пехотного полка разъяснять, что есть возможность выезда в Германию, Россию и Литву, а в нейтральные государства выезд затруднен. Появляются списки желающих выехать в Германию: среди них нет ни одного офицера. В СССР в это время хотели поехать 421 человек.

Сохранился план лагеря в Лиенае — его охраняли 30 латышских солдат и офицеров. В инструкции для охраны лагеря сказано: с пленными не разговаривать, в случае побега применять оружие после двухкратного предупреждения. Кормили в лагерях по нормам латвийской армии. Солдаты получали посылки, книги, им выдавали полушубки, варежки, сапоги, одеяла, гимнастерки, брюки, рубашки, белье, носовые платки... Они работали на фермах, помогали крестьянам. О необычном режиме лагерей свидетельствует документ, разрешающий интернированным «под честное слово» посещать свои семьи, которые тоже

перебежали в Латвию. Больных лечили в Рижском военном госпитале.

Интернированные летчики лагеря во главе со старостой барака избивали тех, кто хотел выехать в Германию. Староста не был строго наказан только потому, что в 1920 году участвовал в освобождении Даугавпилса от большевиков... Несмотря на враждебное отношение поляков к немцам, в Германию выехало 427 человек. Для выезда в нейтральные страны, например Швецию, требовались средства. А в СССР выехали почти две трети польских военных. В картотеке о таких сказано: «Передан представителю Красной Армии». Сохранилась даже одна фамилия такого представителя — Мосолов. Он был работником НКВД.

Поляки, нашедшие убежище в Латвии, избежали судьбы своих товарищей, расстрелянных под Смоленском в апреле 1940 года. А что произошло с теми интернированными офицерами польской армии, которые в конце 1940 года попали в лапы Берии?..

Иварс Розенбергс
Елгава

Ельцин и остальные

Марина Шакина

В списке кандидатов в президенты России уже около десятка фамилий, но реальных претендентов, похоже, останется всего двое

Позади споры о том, нужен ли России президент. На референдуме жители России сказали однозначное «да». На путь президентства вступают одна за другой все республики, в их ряду Россия оказалась чуть ли не последней, но первой, решившейся избрать президента всенародно. 12 июня — первые в нашей стране прямые всеобщие выборы президента суверенной союзной республики.

Президент, получающий мандат непосредственно из рук народа, — довольно неудобная для Верховного Совета фигура, особенно для такого парламента, как российский, в котором все резко обозначаются линии противостояния политических сил. Но нельзя не отметить и другое: за последнее время все чаще российский парламент заходит в тупик. Преодолеть его сможет только президент, получивший власть от народа.

21 мая истекает срок выдвижения кандидатур в президенты РСФСР. Можно сказать, что пока в списке два претендента — Ельцин и все остальные.

Популизм или популярность?

Как-то так получается, что учреждению президентства приходит срок, когда в стране появляется яркая неординарная политическая личность. Вот и сейчас невозможно отделаться от ощущения, что Ельцин и президентство в России крепко-накрепко связаны друг с другом, если не сказать созданы друг для друга. Мы говорим «будущий президент России», а подразумеваем: Ельцин. Отчасти, очевидно, и поэтому идея президентства в России пробивала себе дорогу с таким трудом — не все жаждут видеть Председателя Верховного Совета РСФСР президентом.

Еще в бытность первым секретарем московского горкома КПСС Ельцин «снижал» себе ярлык — популист, то есть нечто несерьезное, бедное по уровню по-

От чрезвычайных полномочий до президентства — один шаг?

литических идей, но ищущее дешевой личной популярности. Со временем он становится все более искушенным политиком — именно способность быстро обучаться наблюдатели отмечают как свойство его натуры. Другое импонирующее качество — отсутствие тщеславия. Ельцин не боится окружать себя яркими, талантливыми личностями, признавать чужую компетентность, ум, принимать советы. Ему не чужды решительность и самостоятельность в критических ситуациях — это проявилось в момент литовского кризиса. Но главное, очевидно, в том, что народ свято верит: Ельцин не способен «продать» интересы России в закулисных политических

сделках за собственную выгоду и благополучие.

И все же пока Ельцин — «гений противостояния». Рейтинг Ельцина рос и креп «на фоне» Горбачева, часто его поддерживали в пику Горбачеву. Ему пока прощали все промахи и неосторожные заявления. Чем дальше будет Ельцин уходить в свободное политическое плавание, чем больше получит возможностей для самостоятельных решений, тем труднее ему придется. В последние месяцы его действия нередко вызывают непонимание то у одной, то у другой части его сторонников. Он уже приобрел стойких оппонентов в парламенте — коммунистов и представителей автономий, которых ошарашил его, на первый взгляд, резкий поворот в федеративной политике — от «берите столько самостоятельности, сколько проглотите» до несогласия с участием автономий в Союзном договоре (на последней встрече Горбачева, Ельцина и представителей российских автономий, к счастью, найден компромисс).

Возможная конфронтация с автономиями, пожалуй, самая грозная из подстерегающих Ельцина опасностей. Договор о передаче шахт в ведение России состоялся, но удастся ли российским властям решить проблемы отрасли так, как этого хотят горняки?

Тем не менее пока волна всенародной любви не спадает, создавая Ельцину все условия, чтобы остаться в истории первым президентом России.

Вторая попытка

А кто остальные? Остальных много. «Демократическая Россия» выдвинула кандидатуру Ельцина и, чтобы не дробить голоса своих сторонников, этим и ограничилась. А вот на противоположном фланге, судя по всему, разброд. Ряд известных личностей согласились баллотироваться в президенты — бывший Председатель Совета Министров Николай Рыжков, генерал Альберт Макашов, профессор Алексей Сергеев. И черта пока не проведена.

Симпатичнейший Николай Иванович, как свидетельствуют последние выступления, убежден, что без него страна не обойдется. При этом его нисколько не смущает, что один шанс помочь стране он совсем недавно упустил, будучи главой Совета Министров. Пока ему не напоминают, что именно в его правление мы «похоронили» рекордный урожай, при нем начала закручиваться

Помешает ли Рыжкову печать «бывшего»?

тугая спираль инфляции, при нем родились три бессильные правительственные экономические программы. Одну из них — последнюю — Николай Иванович и собирается взять за основу для своей новой программы.

Осенью прошлого года не было в стране ни одного митинга, на котором не требовали бы отставки Рыжкова. Но Николай Иванович на поводу «у толпы» не пошел. Он остался не у дел совсем по другой причине — подоспела реорганизация высших государственных структур. Совет Министров канул в вечность, уступив место Кабинету министров.

Каковы взгляды Рыжкова, собирающегося возглавить Россию? Частной собственности на землю быть не должно, торопиться с приватизацией жилья и предприятий не стоит, разграничить сферу компетенции Союза и республик следует после подписания Союзного договора. По мнению Рыжкова, его должны поддержать автономии, коллективы промышленных предприятий, колхозов, совхозов. Ждал Николай Иванович и слова КП РСФСР.

Генералы аграрного сектора на своем последнем форуме уже высказались за Рыжкова. Депутатская группа «Союз» — тоже (хотя их компетенция вроде бы не Россия, а СССР). Подоспела и поддержка компартии.

Алексея Сергеева выдвинул Обьединенный фронт трудящихся и

одобрил второй инициативный съезд российских коммунистов. Сергеев собирается опираться на ту же базу, что и Рыжков, — рабочий класс, колхозное крестьянство и трудовую интеллигенцию. Разительное отличие, пожалуй, одно — Сергеев настроен резко антигорбачевски, в то время как Рыжков числит себя соратником президента.

Сергеев — мозговой трест ОФТ, в рядах которого сплотились работники отечественного военно-промышленного комплекса. Он полковник в отставке, доктор экономических наук, профессор МГУ. Основные экономические идеи профессора — централизованное плановое управление, опирающееся на «стратегический эшелон экономики» — оборонную отрасль, выборы по производственным округам, воссоздание совнархозов, прогрессивный налог на наследство, метод борьбы с инфляцией — зарплата работников тем выше, чем ниже цена выпускаемых ими товаров.

Перед тем как вступить в предвыборную борьбу, Сергеев услышал напутствие товарищей по «Коммунистической инициативе»: «Если станешь президентом, чтоб не было никакого президентства». Профессор согласился подорвать президентство изнутри, и те, кто побывал на 9 Мая в Парке культуры, уже могли видеть, как идет сбор подписей в пользу выдвижения профессора Сергеева — под огромными портретами Сталина.

Генерал Макашов выступил всего один раз на съезде КПСС да с тех пор многим так и запал в душу. Но больше пока яростный критик Горбачева и противник вывода наших войск из Восточной Европы себя ничем не проявил — может быть, к лучшему?

Одна кандидатура в списке стоит особняком — член Совета безопасности Вадим Бакатин. После ухода с поста министра внутренних дел Бакатин мало присутствует на политической сцене. Имя его редко встретишь в прессе. Обстоятельства освобождения от должности молодого, симпатичного, энергичного Бакатина — карьерного партийного работника — окутаны флером недосказанности, посему появилась и о нем своя легенда. Вроде бы пострадал за демократизацию органов внутренних дел, хотел дать самостоятельность МВД Прибалтийских республик. Бросается в глаза, что земляки-кировчане очень любят своего бывшего первого секретаря обкома.

Хотя Вадим Бакатин в целом вызывает симпатию, тем не менее он пока темная лошадка.

Председатели

Следующая группа претендентов проходит под лозунгом «Интерес-

ная профессия — председатель партии». Председатель Либерально-демократической партии Владимир Жириновский, председатель Союза демократических сил имени Сахарова Владимир Воронин и председатель Консервативной партии Лев Убожко — все весьма известные деятели среди московских неформалов. Правда, «Демократическая Россия» держит их на отдалении.

Как увлекателен мир столичных неформалов — мир пышных и торжественных названий, например «Центристский блок партий и движений», «Международный фонд поддержки народных и парламентских инициатив»! Мир захватывающих внутривнутрипартийных скандалов (например, во время зарубежной поездки Жириновского его соратники взяли да исключили своего председателя из рядов ЛДП, но он вернулся и восстановил статус-кво, изгнав из партии отступников). Мир гипертрофированных политических амбиций. Один наш читатель, по-детски увлеченный неформально-партийной деятельностью, включил в устав своей партии с весьма витиеватым названием и состоящей пока из него одного, следующий пункт: «Основатель партии такой-то». И поставил свою фамилию.

Имя Владимира Жириновского прозвучало во «Времени», а наутро появилось во всех центральных газетах, чуть ли не на следующий день после отмены 6-й статьи Конституции. Получилось очень удачно — отменили статью, а у Жириновского как раз в это время проходил съезд партии, и сразу же об этом — информация с колес. Программа ЛДП — полторы машинописные странички без лишних деталей, а сам председатель излагает ее двумя словами: частная собственность и многопартийность.

ЛДП не отрывается от сотрудничества ни с одной политической силой, приемлет и коммунистов. А вот взгляд на будущее Союза нельзя назвать образцом либерализма — Жириновский выступает за консервацию Союза и вольностей с государственными языками не одобряет.

Жириновского можно увидеть на всех митингах, съездах, конференциях нашей многопартийной жизни, столкнуться с ним за рубежом, куда он регулярно наведывается для наведения мостов с родственными партиями, встретить на приеме в иностранном посольстве, где он один представляет все альтернативные КПСС политические силы.

Сколько человек состоит в ЛДП, остается неясным. По заверению председателя, 17 тысяч, для регистрации в Министерстве юстиции,

которую ЛДП успешно прошла, необходимо 5 тысяч подписей (говорят, представили 7 тысяч). А по свидетельству коллег по неформальному миру, партия вряд ли насчитывает и тысячу членов.

Известно другое: ЛДП — ведущая партия «Центристского блока партий и движений», так как второй крупный участник — Союз демократических сил имени Сахарова, говорит, состоит из дюжины человек. Председатель Союза Владимир Воронин — соратник Жириновского по блоку и соперник по кандидатуре в Президенты РСФСР.

Оба деятеля пользуются «режимом наибольшего благоприятствования» у власть предержащих. Их охотно принимают Лукьянов, Рыжков, Крючков, Моисеев, Громов. Именно их, не слишком известных деятелей, вдруг пригласили для обсуждения идеи коалиционного правительства. Жириновский уже примеривал к себе, так сказать, портфель министра.

«Президентом должен быть человек сильный, смелый, который может отстаивать свои убеждения. И еще рядом качеств должен обладать Президент. Моя партия считает, что такими качествами обладаю я». Это слова Льва Убожко — еще одного соперника Ельцина. О какой партии речь? О Консервативной (бывшей Демократической).

Убожко ушел из Демократического союза, не ужившись с Валерией Новодворской. Создал Демократическую партию, причём раньше Травкина. Но Демократическая партия Травкина быстро набирает силу, вес, очки, загораживая собой убожковцев. И вот на своем учредительном съезде партия переименовывается в Консервативную — такой пока еще нет. Не обходится без скандала и конфуза, так как не все члены партии с этим согласны, и лидеры начинают предавать друг друга взаимному отлучению. Короче говоря, Льва Убожко называют профессиональным делателем партий.

В годы застоя Убожко успел пострадать за политику — провел несколько лет в заключении за правозащитную деятельность. Как и Жириновский, он успевает побывать на всех неформальных мероприятиях.

Выдвинуться в кандидаты в президенты — отличная возможность популяризовать свое имя, уникальный шанс для саморекламы. Для регистрации в качестве кандидата необходимо собрать 100 тысяч подписей. Ясно, что не все просочатся сквозь это сито. Но не это главное. Вот, например, идея защиты прав сексуальных меньшинств пока не овладела массами. А после того как представитель соответствующей Лиги и председатель Либертариан-

ской партии выдвинул себя кандидатом, он может быть уверен: о сексуальных меньшинствах узнают во всех уголках страны.

Через второе сито пройдет еще меньше претендентов: не менее чем одна пятая часть депутатов съезда должна проголосовать за то, чтобы имя кандидата внесли в избирательный бюллетень. Наиболее вероятно, что после всех испытаний в списке останутся двое — Ельцин и Рыжков. Напрасно кое-кто усмеяется по поводу Николая Ивановича — Рыжков явно чувствует поддержку за своей спиной. Если на него сделают ставку, сплотившись все, назовем их так: «антиельцинские силы», то не исключено, что он не многим уступит Ельцину. При удачном для него стечении обстоятельств Рыжков сможет привлечь на свою сторону село и автономии, и единственное, что портит ему игру уже сейчас, — это печать «бывшего».

Между нами, президентами

Президенты есть уже во многих союзных республиках — правда, избранные парламентом. Выборы, конечно, обогатят нас опытом и принесут моральное удовлетворение — вот еще одно дело сделали. Изменяют ли они что-нибудь?

Появление в России президента, безусловно, осложнит отношения России с центром, которые, освободившись от лишней «формальностей», предстанут в чистом виде: Президент СССР напротив Президента РСФСР. Россия — становой хребет Союза, его опора и основа. Некоторые политологи просто ставят меж ними знак равенства. Как же уживутся два президента?

Еще интересней формулируется эта проблема в перспективе. В соответствии с «соглашением 10-ти» в течение полугода после подписания Союзного договора должны пройти выборы Президента СССР. К тому времени у России уже будет свой президент — скорее всего Борис Ельцин. И если к тому времени он не потеряет популярность, то успех того или иного кандидата в Президенты СССР будет во многом зависеть от благоволения к нему России и ее лидера. В конце концов именно в России живет большинство избирателей этой страны. А если учесть, что противоборствующие на политической арене силы постепенно овладеют всем арсеналом избирательной тактики — кого и где выставлять, кого давать в вице-президенты, какие приемы использовать для усиления «своего» кандидата, то становится ясно: дальнейшая жизнь обещает нам еще более увлекательную партию политических шахмат.

Руслан Хасбулатов:

Я с иронией отношусь к понятию «Сильная власть»

Первый заместитель Председателя Верховного Совета РСФСР отвечает на вопросы корреспондента «НВ» Ирины Лагуниной

«Новое время». Внеочередной Съезд народных депутатов РСФСР закончился тем, что Председателю Верховного Совета РСФСР были даны чрезвычайные полномочия. Как Борис Ельцин ими воспользовался?

Руслан Хасбулатов. Речь идет не о каких-то «чрезвычайных» полномочиях, сходных с теми, которые Съезд народных депутатов СССР дал в свое время Президенту Союза. Кстати, Съезд народных депутатов СССР сам не обладал теми полномочиями, которые он дал президенту. Он частично узурпировал права союзных республик, полагая, вероятно, что таким образом можно решить ряд проблем. Как показало время, из этого ничего не получилось. В нашем случае произошло небольшое перераспределение функций в пользу Верховного Совета республики. «Контрольным пакетом» акций, разумеется, владеет Съезд народных депутатов России. Съезд перераспределил некоторые полномочия в пользу Верховного Совета, его Президиума и Председателя, и мы ими сполна воспользовались.

«НВ». В какой области вы исполняли новые полномочия?

Р.Х. Мы приняли весь пакет президентских законов и ряд нормотворческих актов по проведению выборов президента России, а также и в экономической сфере. Использовал данные ему новые возможности и сам Борис Ельцин. Один и очень яркий пример. Забастовки шахтеров, которые сотрясли всю страну, смог остановить только Председатель Верховного Совета Российской Федерации. Ситуация была критической: забастовки могли постепенно поразить всю промышленность. Помните, на Съезде народных депутатов РСФСР некоторые выступающие просили Бориса Ельцина обратиться к бастующим, потому что они только его послушают? Я тогда думал: неужели он пойдет на это? Ведь через какое-то время надо будет «расплачиваться» с ними. А чем? Обладая расширенными полномочиями, Председатель Верховного Совета РСФСР смог

создать новые социально-экономические предпосылки для улучшения условий жизни шахтеров. Он использовал правительственный аппарат, подключил к решению вопроса союзные структуры — было заключено специальное соглашение между первыми заместителями премьер-министров СССР и РСФСР

Армения хоронит своих сыновей. Азербайджан — тоже. Поможет ли Россия восстановить мир?
Фото Дмитрия Борко

о переводе отрасли под юрисдикцию России.

«НВ». Что это означает практически?

Р.Х. Многие представляют, что при этом один центр заменяется другим — российским, одни чиновники — другими. На самом деле мы за это время разработали и начали создавать совершенно новые типы предприятий — нечто вроде акционерных обществ, ориентированных на рынок, с тем чтобы значительная часть доходов и прибыли использовалась на социальные нужды, на развитие городов и сел, оставалась бы самим рабочим. Мы не создаем какую-то бюрократическую структуру. Мы просто помогаем формироваться новым рыночным отношениям, в которых рабочие, управленческий персо-

нал сами заинтересованы. Все это потребовало большой работы, но зато мы не приглушили забастовки, а убедили людей в том, что теперь бастовать невыгодно.

«НВ». А что с политическими требованиями забастовщиков?

Р.Х. По-моему, нам удалось доказать им, что лозунг смены президента страны теперь неуместен. Что касается требований создать коалиционное правительство и идеи «круглого стола», то я считаю эти идеи разумными и обоснованными. Нам надо взять на себя решение этих вопросов и вместе с нашими партнерами — союзными республиками вести переговоры с президентом и центральной администрацией, Верховным Советом СССР, чтобы все-таки создать правительство, которое бы пользовалось доверием народа.

Вообще я твердо уверен в том, что экономикой сегодня надо как можно скорее освободить от тирании государства и тем более политиков. Она должна работать на своих, рыноч-

ных законах. Ну а наше дело — создавать нормативные акты, которые будут не препятствовать рыночному механизму, а стимулировать его формирование.

«НВ». Опубликована новая программа рыночного развития России. Сможет ли существовать рынок в одной отдельно взятой республике? Соседняя Белоруссия, например, не собирается менять свой подход к экономическому развитию.

Р.Х. Я не вижу здесь проблем. А как СССР прежде строил свои отношения с рыночными странами? Я не идеализирую наше российское правительство, но все-таки оно движется вперед. И скептически отношусь к тем, кто сейчас демонстрирует свою осторожность. Какая осторожность? Шесть лет топчемся

на месте. Другое дело — взвешенность, расчетливость, тщательное прогнозирование разных последствий. Это, конечно, необходимо.

В новую программу экономического развития вошли основные положения программы «500 дней». К сожалению, приходится опираться только на свои силы. Кстати, я еще осенью предлагал на базе наших представлений о дальнейшем экономическом развитии, вошедших в программу Шаталина—Петракова—Явлинского, создать параллельную программу для России и начать по ней работать. Мне и тогда не верилось, что центральная администрация и правительство Рыжкова согласятся на «500 дней», хотя президент клятвенно заверял, что он будет требовать ее принятия.

«НВ». Если экономика будет развиваться по законам рынка и освободится от государства, то для чего Борису Ельцину нужна сильная власть?

Р.Х. Я с иронией отношусь к этим понятиям — «сильная» или «слабая» власть. Власть должна быть эффективной, дающей конкретные результаты. Посмотрите на Президента СССР. Каких только полномочий он не имеет! А что в итоге? Власть должна быть эффективной, а для этого ее надо упорядочить и по вертикали, и по горизонтали. На днях телевидение показало любопытный сюжет из Сан-Диего. Город с миллионным населением имеет городской совет всего из восьми человек. И они прекрасно справляются со своими обязанностями. Сильная это власть или слабая? А у нас в одном Моссовете больше депутатов, чем членов Верховного Совета РСФСР. И сотни — в районных, сельских, поселковых, городских Советах. Это власть, которую раньше подпирала партийные комитеты. Эту систему надо полностью реорганизовать. Ввести пост президента недостаточно. Основание пирамиды останется прежним. Мы имеем сегодня множество российских городов, которые сами ставят вопрос о том, чтобы сократить количество депутатов, сессий, ввести институт мэра. Почему мы должны сопротивляться?

«НВ». Но для этого, вероятно, надо изменить административно-территориальное деление.

Р.Х. Надо постепенно приходить к мысли о том, что районирование придется менять. У нас районное деление полностью подгонялось под нужды структуры КПСС. Какое-то парткомовское государство.

«НВ». Вы не боитесь, что скажут: новое российское руководство действует авторитарными методами?

Р.Х. Все говорят о приходе какой-то диктатуры. По-моему, эти рассуждения, в том числе и на страницах вашего журнала, сыграли отрицательную роль. Они обосновали надуманную теорию сильной руки и неизбежного прихода диктатуры. Эти идеи как раз и были использованы правым крылом. Попытки контрреволюционного переворота, которые

мы наблюдали, на мой взгляд, во многом были вызваны к жизни именно разного рода псевдонаучными прогнозами в рамках концепции «сильной руки» и неверных оценок «поправки масс».

«НВ». Мне кажется, вы переоцениваете значение прессы. Никто не пытался научно обосновать необходимость вмешательства армии, например, в межнациональные конфликты. Тем не менее ей приказали вмешаться. Как вы относитесь к такой роли армии?

Р.Х. Отрицательно. Было бы лучше, если бы армию не применяли там, где она неприменима, и к тому, к чему она не предназначена по своей природе. Ее конституционный долг — защищать Отечество от внешнего противника. А в межнациональных конфликтах, если уж без этого невозможно обойтись, надо использовать внутренние войска. Во время встречи Бориса Ельцина и Звиада Гамсахурдия мы предложили, чтобы вооруженные силы, использующиеся в Юго-Осетии, были заменены внутренними войсками. К сожалению, это соглашение остается невыполненным не по нашей вине.

«НВ». Как вы относитесь к тому, что граждане России участвуют в боевых действиях против мирного населения?

Р.Х. Мы исходим из того, что у Российской Федерации армии нет. Мы договорились, что создавать ее не будем. Но еще в прошлом году принято постановление Верховного Совета РСФСР, запрещающее использование российских граждан в боевых действиях, связанных с межнациональными конфликтами.

«НВ». В Нагорный Карабах ездил делегация Верховного Совета РСФСР. С какой целью?

Р.Х. Наша депутатская группа ездил в этот регион не впервые. Думаю, что желание депутатов ознакомиться с ситуацией там вполне естественно, особенно сейчас, когда в Нагорном Карабахе, по сообщениям прессы и руководства двух республик, идут бои.

«НВ». Раньше центр сторонился этого конфликта, теперь участвует непосредственно в боевых операциях. Какова позиция России?

Р.Х. Речь идет о двух самостоятельных республиках, и, конечно, в отношении к ним мы равноуважительны. Мы призывали руководство Армении и Азербайджана прекратить вооруженное противостояние. Этот конфликт можно урегулировать только путем переговоров.

«НВ». Россия может предложить выход из тупиковой ситуации?

Р.Х. Очевидно, должна быть программа поэтапного снятия напряжения. На первом этапе, например, на месяц прекращаются боевые действия. Следующий этап — отвод боевиков из конкретных, определенных обеими сторонами районов. Третий — стороны берут на себя обязательство не допускать новых столкновений, не использовать воинские фор-

мирования и вооруженные группы людей в разрешении спорных вопросов. К сожалению, такой программы у центральной администрации, которая и должна была бы ее предложить, я не вижу. И наконец, мне кажется, очень важное нравственное и психологическое воздействие могла бы иметь поездка Президента СССР в этот район, его встречи с руководителями республик, выезд в Нагорный Карабах. Не знаю, почему президент медлит.

«НВ». Насколько я понимаю, российское руководство обеспокоено тем, что конфликты в Закавказье непосредственно затронут Россию.

Р.Х. Синдром вооруженной борьбы может перекинуться и на Северный Кавказ. Там тоже взрывоопасная ситуация. Мы приняли закон о реабилитации депортированных народов, впервые действительно провозгласивший полное уважение к ним, восстанавливающий их права. Закон будет осуществляться поэтапно, не путем захвата спорных территорий и земель. Урегулирование сложнейших проблем, оставшихся нам в наследство, требует терпения. Мы надеемся на понимание, уважение к закону со стороны всех национальных общин.

«НВ». То есть Россия может в какой-то момент непосредственно включиться в процесс примирения в Закавказье?

Р.Х. Россия должна участвовать в решении конфликтов — слишком важная роль на нее возложена самой историей, роль стабилизирующего фактора, способного объединить наши республики. Следовательно, она сама должна выступать единой страной.

На встрече М.С.Горбачева, Б.Н.Ельцина, А.И.Лукиянова и руководителей республик России все участники совершенно ясно высказали основную мысль: без единства России невозможен и единый Союз. Достигнуто полное понимание, что республика России — это составные части единого российского федеративного государства. В то же время мы должны обеспечить им более высокий реальный статус в составе этого единого государства. С таким подходом не согласился лишь Председатель Верховного Совета Татарстана, который не совсем ясно изложил свое понимание статуса Татарстана. Он высказался за то, чтобы его республика подписывала Союзный договор «отдельно». Но что значит «отдельно», я, откровенно говоря, не понял. Ведь другие наши республики тоже будут подписывать «отдельно», но в составе своих делегаций, входящих в общегосударственную делегацию РСФСР.

Так что я расцениваю эту встречу как очень позитивную, тем более что и Президент страны, и Председатель Верховного Совета СССР очень последовательно (и впервые!) показали свое стремление сохранить единство и целостность РСФСР.

Праздники, которые уже не с нами

Лев Безыменский

У меня было много времени для размышлений о судьбах наших праздников, когда 1 мая, в этот всемирно-радостный день, я стоял в очереди за хлебом. Очередь была достаточно длинной и удивительно спокойной. Никто не ругал Павлова, не рассуждал о новых ценах. Стоявший передо мной молодой парень с наклейкой «Левис» на джинсах терпеливо ждал, а милая старушка разъярялась, что в войну, мол, с ночи в очередь вставали. И ничего, выжили...

Выживем и сейчас? Эта надежда — главный секрет советского общества, самого непонятого и дружного общества в истории мировой цивилизации. Для нас праздники всегда были чем-то большим, чем только повод поесть и выпить. Неправда, что нас гнали на демонстрации, — мы шли сами и радовались случаю провести праздничные дни вместе. Лишь где-то после войны ввели бюрократические «демонстрации представителей трудящихся», а торжественные заседания ввели в железный ритуал, напомиравший порядок прочтения с покойником в крематории.

Я не могу поверить, что сегодняшнему обществу нечего сказать на демонстрациях. Митинги на Манежной, незапланированный выход минских рабочих на площадь Ленина тому свидетельство. Тем большим разочарованием было для меня, члена КПСС с военных лет, что моя партия отказалась от проведения в Москве манифестации в День международной солидарности трудящихся, уступив эту роль профсоюзам (господи, где она, «ведущая роль»?).

Но не будем искать в этом принципиально нового, предвещающего смещение акцентов во взаимоотношении партии с рабочим движением. Просто московские руководители, напуганные печальным опытом 1 мая минувшего года (тогда Горбачев был вынужден покинуть трибуну Мавзолея), решили не рисковать. Иными словами, они молчаливо признали, что не владеют настроениями масс и не могут рассчитывать на массы. Я думаю об этом безо всякого злорадства, а с болью за свою партию, которая из союза единомышленников часто превращается в партию единомыслящих и, что еще хуже, в партию единовозражающих. Лозунг «не пущать» (врагов народа, капиталистов, кооператоров и так далее) способен только озлобить и без того озлобленных.

Праздник Победы был утешительнее, естественнее. Но и здесь оставались вопросительные знаки. Особенно после прочтения торжественного обращения Верховного Совета СССР. В нем много правильных слов, хотя вызывает сомнение его оборонительный характер: защитим День Победы. Оборона всегда оборона, она как бы предполагает другую, наступающую сторону. Зачем же искусственно делить Советскую страну? Опять «наши» и «не наши»? Зато обращение почему-то обошло принципиальнейший вопрос: над чем была одержана Победа? Ведь сегодня Победа 1945 года уже не сводится только к военно-государственному акту капитуляции Германии и Японии. Она знаменует всемирно-историческую победу общечеловеческих ценностей цивилизации над идеями и материальными

силами агрессии, расизма, вражды народов, человеконенавистничества. Эти силы не исчезли, они лишь трансформировались, нередко напоминая о себе грязными словоизвержениями, в том числе и на страницах советской печати.

Будем серьезно относиться к нашим праздникам. Конечно, можно считать утешительным медленный процесс освобождения нашей жизни от словесной и процедурной шелухи. Как-то незаметно исчезли из нее такие загадочные для внешнего мира таинства, как социалистическое соревнование, социалистические обязательства, вручение знамен передовикам. Уже никто не берет дома и вагоны на социалистическую сохранность, не объявляет себя ударником коммунистического труда, не идет на политические информации и не спешит на очередное занятие в сети партий-

ного просвещения. Много мы потеряли? По-моему, ничего. Зато приобрели больше уважения к самим себе.

Наверно, на этом пути еще многое предстоит сделать. Непонятные зрелища представляют советские «профессиональные» праздники, заполонившие почти все воскресные дни. Заполонившие настолько, что многотерпеливые ведущие программы «Время» вынуждены каждый раз извиняться: мол, конечно, химикам (пекарям, металлургам, работникам торговли и так далее) хватается нечем, но они собрались в торжественно украшенном зале. Не пора ли прекратить это заседательское издевательство над профессиями?

Задуматься надо и над процедурой награждения орденами и присвоения званий. Конечно, страна должна знать своих героев. Но очень хотелось бы, чтобы эта процедура начиналась где-то «снизу», по инициативе тех, кто действительно хочет видеть своих товарищей награжденными. Что же касается партийных и хозяйственных руководителей, то я бы на их месте добровольно отказывался от звезд Героев. Социалистический труд — их святой долг, а долг красен не звездами, а платожом.

Хочу вернуться и к моей «навязчивой идее» о том, что нам нужны не только праздники. Со страниц журнала я имел смелость внести предложение — объявить 22 июня всенародным Днем Памяти. Может быть, название неудачное. Читатели звонили и предлагали: День Скорби. День Скорби и Памяти. День Поминовения. День Примирения. Другие сомневались, не приведет ли введение этого дня к увековечению недобрых чувств к немецкому народу. На это я отвечал, что историю не переделаешь и день 22 июня 1941 года из нее не вычеркнешь. Но кто сказал, что этот день должен разъединять народы? Как раз наоборот!

Слова незабвенного и незаслуженно забываемого Константина Симонова «Чужого горя не бывает» напоминают сегодняшним поколениям о том, что великая горе войны может дать мужество совместно размышлять о жизни и смерти, о необходимости исторического примирения, в том числе немецкого и советских народов. Коль и Миттеран обменялись рукопожатием на поле Вердена, почему бы Горбачеву и Вайцеккеру не сделать этого, скажем, в Бресте, где-либо на московских огненных рубежах или на Курской дуге? Мы нуждаемся в добрых знаках. Да пребудут они с нами.

Жить по-человечески,
праздновать
по-общечеловечески

Наука сосуществовать со сверхдержавой

В Гааге по инициативе Дебуртской конференции по правам человека и Советского комитета за европейскую безопасность и сотрудничество состоялась международная неофициальная встреча «Права человека, права наций», в которой приняли участие члены парламентов и видные ученые из ряда европейских стран, в том числе советские, российские и прибалтийские парламентарии и эксперты. На ней, в частности, намечалось подвергнуть независимой международной экспертизе некоторые законы, принятые союзным, российским и прибалтийскими парламентами, на предмет их соответствия международным и европейским стандартам в области прав человека, документам СБСЕ.

Западноевропейская общественность продолжает с пристальным вниманием следить за развитием дезинтеграционных процессов в нашей стране. Свидетельство тому — статья известного политического деятеля из ФРГ Якоба фон Юкскулля.

Якоб фон Юкскулля родом из прибалтийских немцев. В 1984—1989 годах был членом комитета Европейского парламента по политическим вопросам, Балтийской интергруппы и Делегации за развитие отношений с СССР.

Джангир Атамали,
ответственный секретарь Советского комитета за европейскую безопасность и сотрудничество

Якоб фон Юкскулля

Предпочтительный сценарий для прибалтийских народов скорее всего таков: Запад предупреждает Москву о введении санкций, если Прибалтике не будет немедленно предоставлена независимость. Москва идет на уступки, а Советская Армия вместе с «мигрантами» возвращается в Россию. Эстония, Латвия и Литва быстро достигают уровня жизни скандинавских стран, превратившись в экономический мост между Советским Союзом и Западом.

Однако реальнее иной сценарий: усилившийся в СССР хаос лишает союзное правительство возможности помешать Прибалтике обрести независимость. Это приводит к тому, что представляющие твердую линию «комитеты национального спасения» в районах, населенных преимущественно русскими, провозглашают свою собственную независимость — если Россия отказывает им в присоединении. В разразившейся гражданской войне Советская Армия оказывает поддержку этим «комитетам» и наносит поражение плохо вооруженным прибалтам. Во вновь провозглашенных «суверенных» республиках насаждаются марионеточные диктаторы. В Литве рабочие Игналинской атомной электростанции, расположенной у границы с Белоруссией, в основном литовцы, вновь выдвигают требование о присоединении к Белоруссии в надежде сохранить свои рабочие места, так как многие литовцы добиваются закрытия этой электростанции. Требование отклю-

нется, рабочие объявляют забастовку и покидают электростанцию, что неизбежно приведет к аварии, в результате которой Прибалтика и соседние с ней страны превращаются в необитаемый регион.

Поможет ли за граница?

Сегодня министров прибалтийских республик принимают на самом высоком уровне в столицах западных стран, они слышат множество добрых пожеланий и выражений сочувствия. Лидеры западного мира слишком вежливы, чтобы прямо заявлять о том, что если Москва или Советская Армия завтра осуществят переворот в Прибалтике, то Запад вряд ли сможет и захочет принять эффективные меры. Экономические санкции будут кратковременными, как в том прекрасно убедились китайские студенты. Поэтому президент Финляндии постоянно призывает своих прибалтийских коллег не полагаться на Запад, а следовать примеру его страны и иметь дело непосредственно с Москвой, как бы это ни было трудно.

Союз, заключенный Прибалтикой с другими антимосковскими силами в СССР, был серьезной ошибкой. Возможно, в эмоциональном плане солидарность с Народными фронтами Грузии, Армении и приносит удовлетворение, однако такая солидарность ослабила позиции тех, кто подчеркивает уникальность прибалтийских стран как признанных в свое время независимых государств и бывших членов Лиги наций. Многие в Прибалтике, по-видимому, считают, что если Москва одновременно

столкнется с множеством трудностей в целом ряде регионов, то в какой-то степени забудет о прибалтийских республиках, что позволит им «выскользнуть» из-под ее опеки. Но Москва знает, что если сегодня Литва что-то получит, то завтра того же потребует Украина.

Два года назад, будучи членом Европарламента от партии «зеленых», я вместе с коллегами-консерваторами приложил все усилия, чтобы заблокировать резолюцию, увязывающую вопрос о Прибалтике с требованиями, выдвигаемыми другими национальностями в СССР. Если вы настаиваете на том, что не являетесь частью СССР и хотите, чтобы Москва прекратила вмешательство в дела Прибалтики, тогда вы должны проявлять осторожность и не вмешиваться в дела Советского Союза. Легко понять чувства прибалтов: они не могут «бросить» тех, кто поддерживал их борьбу. Однако это превращает Прибалтику в заложника процесса демократизации и упорядоченного выхода из состава СССР. Каковы же должны быть пределы такой солидарности?

Что предпочитает НАТО

До сих пор обращение с национальными меньшинствами в Прибалтике не вызывало особых нареканий, чего нельзя сказать о других республиках. Один прибалтийский министр сказал, что Прибалтика «не может бросить на произвол судьбы демократические движения». Включает ли это понятие борьбу Грузии против Москвы или борьбу осетин за восстановление своей автономной области, которую ликвидировали грузины? Борьбу, протекающую в условиях гражданской войны совсем как в Бейруте, по свидетельству журнала «Шпигель».

На Западе с сочувствием относятся к мирной борьбе прибалтийских народов. В то же время Запад не хочет развала СССР. Если прибалты действительно ценят поддержку Запада, им следует помнить, что, если их борьба за независимость будет, например, увязана с возникновением новых исламских республик, тяготеющих к Ирану, большинство на Западе выступит за сохранение статус-кво. Даже НАТО, без сомнения, предпочтет иметь дело со слабым, но единым Советским Союзом, чем с пятнадцатью воюющими между собой республиками, многие из которых будут контролироваться военными режимами и, возможно, обладать собственным ядерным оружием.

Что же делать?

Выражая поддержку демократическим движениям в СССР, прибалтийские государства не должны никоим образом участвовать в антисоветской деятельности, подписывать какие-либо заявления или соглаше-

Вильнюсский телерадиоцентр, захваченный четыре месяца назад, так и не вернули законному правительству Литвы

ния, которые могут создать им антикремлевский имидж. Подобный нейтралитет не будет проявлением эгоизма, так как успешное продвижение Прибалтики к независимости само по себе будет большей помощью другим народам и республикам, чем бессильные декларации поддержки.

Прибалтийским республикам следует обратиться в Международный суд с просьбой рассмотреть законность их включения в СССР. Отдавая себе отчет в том, что суверенитет не волшебная палочка, а результат длительного процесса национального самоопределения, прибалтийские республики должны вступить в переговоры с Москвой, чтобы постепенно расширять сферу своей суверенной деятельности.

Эффект бумеранга

Заместитель министра иностранных дел СССР Владимир Петровский заверил меня, что Советский Союз не станет препятствовать принятию прибалтийских республик в ООН. Украина и Белоруссия являются членами ООН уже много лет, и, хотя подобное представительство во многом формально, членство прибалтийских государств в ООН дало бы им шанс укрепить свой суверенный статус, включающий право обращаться

к мировому сообществу в случае кризиса.

Мне сказали, что прибалтийские государства не хотят становиться членами ООН до достижения полного суверенитета. В теории это может быть и логично, но на практике неразумно. Федеративная Республика Германия добилась полного суверенитета только в 1990 году, но членом ООН была много лет. Еще одна трудность заключается в том, что США уже высказались против вступления республик Прибалтики в ООН, так как это будет означать предоставление дополнительного числа голосов Советскому Союзу. Такая близорукость не должна останавливать Таллинн, Ригу и Вильнюс. В интересах прибалтов дать понять миру, что балтийская внешняя политика не зависит от какой-либо из сверхдержав. Объединение Германии создало впечатление, что Москва пойдет на уступки практически по любой проблеме, если оказывать на нее сильное давление. При этом не учитывается, что Германия могла предложить Москве то, что ей было до разреза нужно.

Высокопоставленные советские представители не раз подчеркивали, что в обмен на согласие СССР отпустить ГДР немцы должны будут поделиться с Советами рецептом экономического чуда. Что могут предложить Москве прибалтийские республики? Прежде всего им нужно следовать примеру Финляндии и научиться сосуществовать со сверхдержавой. Москва должна быть уверена, что независимые прибалтийские республики не станут убежищем для советской оппозиции.

Во-вторых, существует проблема иммигрантов из других областей Советского Союза, которых нельзя винить за политику Сталина и Брежнева. Всем, кто отвечает минимальным критериям оседлости (исключая солдат, временно расквартированных на территории прибалтийских республик), должно быть предоставлено право на жительство, а также все права гражданства и национального меньшинства. Какие бы то ни было колебания в этом вопросе, понятные в свете новейшей истории и демографической ситуации, могут вызвать эффект бумеранга.

Независимость против демилитаризации

Есть один вопрос, в решении которого главную роль может сыграть Запад. Советский Союз захочет по-

лучить компенсацию за потерю стратегически важных территорий прибалтийских республик. Эта проблема должна стать предметом детального обсуждения на переговорах. Например, может быть поставлен вопрос о демилитаризации Прибалтики. Было бы желательно, чтобы министры иностранных дел самих прибалтийских республик выдвинули совместные предложения, в которых бы признавалось наличие у Москвы стратегических интересов в этом районе.

Альтернативный подход, а именно попытка оказать экономическое давление на Советский Союз с целью довести его до политического саморазрушения — это опасная наивность. Такая политика может только укрепить позиции сторонников жесткой линии, поскольку трудно ожидать, чтобы Советская Армия спокойно согласилась на развал страны, безопасность и единство которой она присягнула защищать. Если придется выбирать — или продолжать вывод войск из Восточной Европы и прибалтийских республик, или лишиться западной помощи, — военное командование может принять решение обойтись без помощи и попытаться покончить с дефицитом товаров, силой наведя порядок в стране. Военные не останутся без поддержки, и, как подскажут им их китайские коллеги, Запад недолго будет протестовать...

Концепция блокового паритета, которая раньше лежала в основе переговоров о разоружении, требовала от Советского Союза весьма значительного и зачастую одностороннего сокращения своих вооружений, не учитывая превосходства НАТО в других областях. Но фактический развал Варшавского Договора превратил этот «паритет» в огромное превосходство НАТО — и оно, по всей вероятности, будет увеличиваться, поскольку вооруженные силы Польши, Венгрии и других восточноевропейских стран пока еще числятся в активе Советского Союза.

Советские представители на переговорах в рамках СБСЕ показали, какое значение они придают своим вооруженным силам в Прибалтике, когда согласились на значительные сокращения вооружений, например, в Ленинградском военном округе, но не в Прибалтике. Они не уйдут из прибалтийских республик, не получив от Запада равноценной компенсации. Запад мог бы, учитывая ситуацию, позволить себе проявить великодушные, не подвергая угрозе свою собственную безопасность. Однако ни в одном официальном заявлении Запада, касающемся Прибалтики, проблема даже не упоминается. Это выдает западные приоритеты лучше любых слов, обращенных к прибалтийским политикам во время их визитов на Запад. Именно на этом вопросе друзья прибалтийских народов должны сейчас сосредоточить свое внимание.

Горят бюллетени. Так проходил «бойкот» союзного референдума в Тирасполе

Молдова: годовальщ суверенитет

Со дня на день можно ожидать еще одной Декларации о независимости — на этот раз из Кишинева

Вкакой обстановке встречает республика открытие очередной сессии парламента? Парламентская борьба зашла в тупик, продолжают существовать никем не признанные автономии — гагаузская и приднестровская, национальная идея, сплотившая молдаван, раздваивается...

Пат в парламенте

Парламентские выборы в Молдове в 1990 году не принесли победы ни одной из двух политических сил, располагавших четкой государственной идеей. Народный фронт — основная и весьма радикальная организация молдавского национального движения, костяк которой составляют Союз гуманитариев, часть молдавской интеллигенции и маргинальные городские слои (в основном недавние переселенцы из молдавских сел в русскоязычные города и поселки Бессарабии), — получил менее трети из 380 депутатских мандатов. Интерсоюз — условное название, под которым мы понимаем

широкую коалицию движений, представляющих в основном русскоязычное население городов республики, а также жителей сельских регионов — украинцев, гагаузов, болгар, русских, ориентированных на сохранение СССР и сопротивляющихся молдавской национальной идее, — тоже получил около трети мандатов. Баланс сил определялся тем, чью сторону займут депутаты-центристы, в основном руководители колхозов и совхозов, партийные функционеры районного уровня. Депутаты этой группы не обладают сколько-нибудь выраженной идеологией, политической программой и объединены стремлением сохранить статус-кво.

Политическая инициатива была захвачена Народным фронтом, которому удалось создать «молдавский блок» и обеспечить себе роль лидера в нем. Цементирующей силой блока были не столько политико-идеологические, сколько эмоциональные факторы: поддержание высокого накала «национально-освободительных» страстей, создание

иллюзии своего рода «неудержимого порыва» нации. Обратной стороной этого было постоянное и непрерывное ухудшение межэтнических отношений в республике с самого начала работы нового парламента.

Кого считать «коренным»?

С момента своего создания в июне 1990 года и вплоть до настоящего времени правительство и Президиум Верховного Совета вели линию, которую можно было назвать «коренизацией» государственного аппарата, предприятий и учреждений республиканского подчинения. Чистки «ненациональных» и нелояльных элементов, широкомасштабная кампания по переименованию населенных пунктов стали обычным делом.

Республика Молдова неоднородна в этнодемографическом, историко-государственном и политико-культурном аспектах. Центральные и северные районы Днестровско-Прутского междуречья (Бессарабия) входили в состав Молдавского государства с 80-х годов XIV века и до присоединения Бессарабии к России в 1812 году. В сельской местности в них всегда, в том числе и сейчас, преобладали молдаване (за исключением шести северных районов, где удельный вес украинцев колеблется от 30 до 40 процентов). Левобережье Днестра никогда не входило в состав Молдавского государства и было включено в 1940 году в состав МССР вследствие относительного преобладания там этнических молдаван. Южные районы Бессарабии (Буджак, большая часть которого в 1940 году была отнесена к Украине) с 80-х годов XV века находились под юрисдикцией крымского хана, там кочевали татары. Заселяли эти районы в основном в XIX веке выходцы с Украины, Балкан (болгары, гагаузы), из России, Германии, а также Запрутской Молдовы. В настоящее время население южных районов Буджака, входящих в ССР Молдова, смешанное, выделяются зоны компактного проживания гагаузов, болгар и украинцев. Особым этнодемографическим фактором были и остаются города, исторически обладавшие смешанным славянско-еврейско-молдавским, а также армяно-греко-цыганским составом населения. Можно ли управлять столь разнородной в этнодемографическом смысле республикой, опираясь исключительно на «молдавский блок»?

«Суперцель»

Однако в самой молдавской общине также существуют глубокие поли-

тико-культурные противоречия. Чрезвычайно болезненна проблема оценки румынской государственности.

Румынское государство образовалось в 1859 году в результате объединения двух Дунайских княжеств — Молдовы и Валахии. В XIX — начале XX века в Румынии развился активный процесс вестернизации культуры, который в гораздо меньшей степени затронул Бессарабию и тем более левобережные районы Днестра, входящие в Российскую империю. Там появился ряд культурных особенностей, отличающих ныне «советских» молдаван от румын Румынии. Установленный в крае после насильственного присоединения Бессарабии к Румынии в 1918 году диктаторский националистический режим способствовал закреплению в молдавском национальном сознании комплекса своей специфичности и отрицательного отношения к Румынскому государству. Все это, вместе взятое, а также реалистическая оценка экономических перспектив Молдовы в случае ее присоединения к Румынии объясняет преобладающее среди молдаван неприятие плана воссоединения. Согласно разным опросам среди молдаван доля тех, кто поддерживает такие планы, колеблется от 3 до 10 процентов. Среди же национальных меньшинств республики, а также среди молдаван Левобережья румынофобские настроения, безусловно, господствуют. В то же время прорумынские веяния очень распространены среди молдавской гуманитарной интеллигенции, особенно той, которая активно участвует в политике и играет руководящую роль в НФМ.

Присоединение («воссоединение») для Народного фронта — своего рода «недостижимый идеал», «супер-цель», искушение, к которому нельзя не стремиться, но провозглашать которое открыто опасно. В декабре 1990 года близкая к Народному фронту газета «Литература шимарта» писала: «Что же мы можем поделать, если большинство наших соплеменников боятся слова «румын» и объединения с Румынией».

Три республики — вместо одной

Прошедший в конце июня — начале июля 1990 года II съезд НФМ заявил о том, что «конечной целью Народного фронта является реинтеграция всех румынских земель к востоку от Прута в единое государство — Румынскую республику Молдова». Было также рекомендовано повсеместно внедрять этноним «румын» вместо этнонима «молдаванин». Разразился скандал, который относительно умеренные члены НФМ использовали для того, чтобы покинуть ряды этой организации.

Этот эпизод был началом, вернее, предвестником кризиса власти в республике. Немолдавское население находилось в прострации.

Первыми в наступление перешли гагаузы. 27 июля 1990 года Верховный Совет принял постановление по гагаузскому вопросу, которым он представил гагаузскому народу вместо территориальной автономии статус «этнической группы». Через неделю II съезд представителей гагаузского народа в Комрате принял «Декларацию об образовании Гагаузской республики и ее независимости от республики Молдова». 6 сентября аналогичное решение принял II съезд депутатов всех уровней Приднестровья (левобережье Днестра и расположенный на правом берегу город Бендеры). Были назначены выборы в Верховный Совет Гагаузской республики и Приднестровской Молдавской Советской Социалистической Республики на 28 октября и 25 ноября соответственно.

Все, что за этим последовало, известно достаточно хорошо: формирование отрядов молдавских добровольцев, постановление о создании республиканской гвардии, учреждение поста Президента Молдовы с правом вводить чрезвычайное положение, «освободительный поход» волонтеров на юг, введение туда войск МВД СССР, дубоссарская трагедия. Выборы в Верховные Советы двух республик все же состоялись, раскол Молдовы стал фактом, хотя и новые государственные образования не были признаны ни Москвой, ни другими союзными республиками. Пролитая кровь стала мощным препятствием для сближения противоборствующих политических сил.

Страсти вокруг референдума

Руководство республики до недавнего времени избегало заявлений о выходе из Союза. Оно выдвигало идею преобразования в «сообщество суверенных государств» без единого гражданства, территории, символики, центральных органов управления.

Однако, когда четвертый Съезд народных депутатов, а затем и Верховный Совет СССР приняли решение о проведении 17 марта всесоюзного референдума по вопросу о сохранении Союза в форме федерации, время решений пришло и в Молдову. После долгих проволочек, многодневных обсуждений Президиум Верховного Совета Молдовы сделал выбор в пользу жесткого варианта Народного фронта: референдума не проводить, а 10 марта провести республиканский опрос со следующей формулировкой: «Считаете ли вы необходимым, чтобы Молдова была самостоятельным и независимым государством, сохра-

няющим и развивающим взаимовыгодные связи как с республиками, входящими в СССР, так и с другими государствами». Хотя референдум было решено не проводить (большинством в полголоса — за непроведение голосовало 183 человека из 365 депутатов), решение о проведении опроса тоже не было принято («за» — всего 176). Фактически это было серьезным поражением Народного фронта.

5 марта кризис в парламенте завершился передачей всей исполнительной власти президенту М. Снегуру и поручением ему на следующей сессии внести предложения по персональному составу правительства.

Премьер-министр М. Друк, который являлся ключевой фигурой в Народном фронте Молдовы, ушел в отставку.

Так непосредственно накануне референдума впервые возникла более или менее обоснованная надежда на серьезное ослабление позиций НФМ и усиление влияния умеренных элементов.

Потеря имиджа

Кампания против организации и проведения референдума протекла с невиданным размахом и носила откровенно репрессивный характер.

Кишиневцам пришлось принять на себя главный удар «антисоюзной» кампании. В Кишиневе проголосовало 109 тысяч человек, что примерно в два раза меньше ожидавшегося количества, однако в других районах республики референдум прошел относительно удачно и в спокойной обстановке. За Союз высказалось большинство жителей не только Приднестровья и Гагаузии, но также Тараклийского и Бессарабского районов (Буджак), городов Кагул и Бельцы.

Фрагментация республики — ее гражданского и политического общества, а также государственного пространства — явно превысила критический уровень, что делает невозможным принятие сколь-нибудь значимых политических решений. Положение усугубляется тем, что далеко не все политические силы республики действительно заинтересованы в существовании ССР Молдова в качестве государственного образования (как вне, так и в составе СССР). Есть поэтому серьезные основания полагать, что возможности преодоления политического кризиса самостоятельно, внутренними силами ССР Молдова, если таковые и были ранее, в настоящее время исчерпаны.

*Владимир Брутер,
Владимир Солонарь,
народный депутат ССР Молдова
Фото из журнала «Тайм» (США)
КИШИНЕВ*

Почему не хочется в цивилизацию

О порядочности в политике на примере одного открытого письма, опубликованного в газете «Советская Россия»

Разумеется, я не разделяю взглядов руководства КП РСФСР и делиться этой очевидностью на страницах печати, честно говоря, потребности не было. Однако открытое письмо Александру Яковлеву «Архитектор у развалин», принадлежащее перу члена политбюро, секретаря ЦК компартии РСФСР Геннадия Зюганова и опубликованное в газете «Советская Россия», подкупило меня как человеческий документ. Именно в этом качестве оно, думается, заслуживает рассмотрения.

А.Н.Яковлев не приемлет аппарат КП РСФСР, а аппарат КП РСФСР не приемлет А.Н.Яковлева — все нормально, логично, тут и комментировать нечего. Только... где же это?.. Ага, вот. Кажется, отнюдь не самый существенный фрагмент текста: «Однажды, помнится, небрежно хлопав по пухлой папке, Вы (А.Н.Яковлев. — К.Ш.) сказали, что тут проект перестройки, и мы обязательно перевернем эту страну. Резануло: почему «эту», а не «нашу», да и зачем «переворачивать» исстрадавшуюся страну?»

Оставим пока в стороне немало важный вопрос, почему исстрадавшаяся страна, а попытаемся хорошенько себе представить следующее. Товарищ по партии, к тому же начальник ваш, ведет с вами доверительную беседу, вы ее тщательно фиксируете в памяти. И через несколько лет, когда собеседник уже вам не начальник, а вы сами стремительно поднялись по служебной лестнице, — воспроизводите беседу эту в газете, присовокупив, что начальник говорил неправильно, а вы сами уже тогда думали правильно, однако помалкивали до поры.

Поступок противный, но мелкий. И отнюдь не чрезвычайный для определенной категории лиц. Однако в этом свете понятнее глубокая неприязнь Г.Зюганова к тезису А.Яковлева о возвращении в мировую цивилизацию. Ведь человеку, совершившему поступок подобного сорта, в

цивилизованном обществе попросту перестали бы подавать руку. Так зачем же ему — в мировую цивилизацию? Лучше существовать по привычным, отработанным десятилетиями правилам, которые некий круг устанавливает себе сам — для собственного удобства. Или вовсе без правил...

В этом смысле текст Г.Зюганова откровенен, открыт, я бы сказал, до лирической незащищенности. Вот, не угодно ли: «...даже фашизму не удалось перессорить народы и поколения, отцов и детей, горожан и селян...» Пожалуй, уместнее всего это вырвавшееся из глубины души признание было бы произнести где-то в районе Пискаревского кладбища или, к примеру, Варшавского гетто, однако и со страниц «Советской России» оно звучит вполне органично. И снова приходится обратиться к тезису о возвращении в мировую цивилизацию, где очень ценится терпимость, однако к лицам, находящимся в подобных снисходительных отношениях с фашизмом, выработано решительно и абсолютно нетерпимое отношение. И в этой точности нравственных критериев — одно из существенных достижений мирового цивилизованного сообщества, куда так не хочется Г.Зюганову.

А теперь, во избежание упрека,

что слова вырваны из контекста, приведу фразу полностью: «Но даже фашизму не удалось перессорить народы и поколения, отцов и детей, горожан и селян, а сегодня это стало горьким и трагическим фактом нашей действительности». Фашизму, значит, не удалось, а кому удалось? Кто хуже фашистов? Здесь откровенный автор открытого письма на что-то намекает и что-то недоговаривает. Оставляет, так сказать, пространство для размышлений. Но ведь по ходу их нельзя не вспомнить об убийстве безоружных людей в Риге и Вильнюсе, в Баку и Тбилиси — и не соотносить эти трагические события с рассуждениями Г.Зюганова, с действиями его единомышленников. Из тех, кто убивал и кто за этим стоял, еще не все названы поименно. Однако, надеюсь, в конце концов будут названы. Пока окончательно известно одно — «наши».

Понимаете, человек может тяготиться принятыми нормами человеческого общежития, однако знать, что они существуют и что переступить их — значит навсегда погубить свою репутацию. Г.Зюганов, похоже, не знает. Или само понятие репутации также относит к числу тех, которые подобраны «на западной баракхолке». Остается пожелать ему и далее успешно руководить ЦК компартии РСФСР, который, оказывается, «собирает всех для предотвращения общенародной беды, настойчиво ищет взаимопонимания со своими политическими оппонентами...»

Уровень и характер этого поиска также представлен в открытом письме: «Не поразительно ли, что посланец, пусть великой иностранной державы, приезжая в Союз, по-хозяйски напрямую приглашает к себе руководителей республик. Так поступали только с вождями полудиких племен,

и то лишь после того, как изрядно задарят и подпоят крепкими заморскими напитками». Хорошо, что это написано черным по белому. Думаю, руководителям суверенных республик, народы которых все серьезнее задумываются над тем, какой центр их может устроить, а какой нет, полезно знать, как к ним относится Г.Зюганов. И, похоже, в его лице — руководство компартии РСФСР. Из этого отношения кристально ясно, что ждет суверенные республики, если политику центра по отношению к ним будут осуществлять деятели, подобные автору открытого письма. Тем более что мысли Г.Зюганова о фашизме в имперскую, колониаторскую концепцию вполне укладываются.

Рисунок Аркадия Гурского

Он удивляется, почему «начался такой шум», почему была создана комиссия, «когда на партийном съезде по рукам пошли листки с конспектом Вашей (А.Н.Яковлева. — К.Ш.) беседы с молодыми делегатами». Ответ, в общем-то, простой: потому что «по рукам пошли листки», содержащие донос и фальшивку. Однако ответ этот вряд ли удовлетворит Г.Зюганова: как явствует из сказанного выше, отношения с нормами простой человеческой морали у него явно конфликтные.

Нужны в подтверждение еще аргументы? Пожалуйста. «Тезис гласит, что «средства массовой информации только отражают действительность, но не формируют ее». А раз так, то принципиальная грань между истиной и ложью фактически стирается».

Из этого фрагмента открытого письма с непреклонностью явствует: есть угодные факты действительности, которые по этой причине тожеждественны правде, и есть неугодные, которые соответственно являются собой ложь. Ну что ж, ехали-ехали — и приехали. Все окончательно становится на свои места. Михаил Андреевич Суслов не мог бы сформулировать лучше.

Что же до критики, то остаться вне ее не дано никому. Можно критиковать и А.Н.Яковлева, и Н.И.Рыжкова, и В.С.Павлова, и А.И.Лукьянова, и президента (перечисляя тех, кто упомянут в открытом письме), разумеется, не нарушая Закон о печати (это к вопросу о «травле», «обливаниях грязью»). Нужно критиковать: слишком долго не можем мы найти выход из тупика, в который десятилетия заводи́ли нас идейные предшественники Г.Зюганова. Люди изверились, устали, задерганы. «Сплошь недовольство и агрессивность» — в этом автор открытого письма безоговорочно прав. Одно, пожалуй, для меня несомненно: несмотря на яростное сопротивление реакции, ловко использующей низменные инстинкты и темные страсти, в стране уже создается атмосфера, когда все больше людей понимает, осознает, что к документам, подобным открытому письму Г.Зюганова, следует относиться с безразличной насмешкой, а не со страхом. И в том, что она, эта атмосфера, создается, несомненная заслуга Александра Николаевича Яковлева.

«Вы (А.Н.Яковлев. — К.Ш.) демонстративно, с оповещением всей Европы, выкинули ленинский портрет и выдали тем самым себе свидетельство о бедности». Страшно? Мне — нет. Какой портрет держать у себя в кабинете, а какой убрать — глубоко личное дело каждого. Однажды, к примеру, оказавшись по делам в

кабинете знакомого, увидел у него на стене портрет Ленина и тут же портрет любимой женщины — несколько ниже и несколько меньше. Если у него нынче что-то поменялось с портретами — ей-богу, осудить не могу. Право человека на переоценку ценностей, равно как и право оставаться верным ценностям, однажды раз и навсегда выбранным, — это также неотъемлемое свойство мировой цивилизации и одно из несомненных ее достижений.

И вот еще что — под конец. «Вглядитесь повнимательнее в социально-политическую картину Литвы, Грузии, Армении, Восточной Европы. Там в массовом порядке на маевках красные флаги и появляются транспаранты: «Коммунисты, простите, вы были правы»».

Ни в коем случае не подвергая сомнению наблюдения Г.Зюганова, хотел бы поделиться и своими наблюдениями. Недавно я опять побывал в Польше — в стране, где несколько лет жил и работал, которую преданно и верно люблю. Оказался там, по стечению обстоятельств, как раз во время президентских выборов. И не увидел красных флагов и транспарантов, подобных тому, о котором пишет Г.Зюганов, — ни в массовом, ни в индивидуальном порядке. И это при том, что возглавляли ПОРП Войцех Ярузельский и Мечислав Раковский, мною глубоко уважаемые. Крупные личности, известные в мире политические деятели, с нынешними руководителями компартии РСФСР — скажем так — несопоставимые. А вот и перед ними не извинялись, и их не звали обратно. Думаю, не в последнюю очередь потому, что в работе своей они были принуждены слишком считаться с порядками, царившими у восточного соседа, с тогдашним нашим руководством, ностальгия по которому пронизывает открытое письмо Г.Зюганова от начала и до конца.

Наш автор замечает, что кому-то придется нести персональную ответственность, — справедливо. Тех, кто долгие десятилетия вел нас туда, где мы оказались, в большинстве уже нет в живых. Требовать к ответу оставшихся немощных стариков не принято в мировой цивилизации, куда мы, надеюсь, все же вернемся. Но тем, кто намерен принять эстафету из рук этих стариков, а также и других, почивших, — тем надо помнить, что вместе с эстафетой они принимают на себя, на свои плечи, груз таких преступлений, каких немного было в истории человечества.

Константин Щербаков

ФИРМЫ СООБЩАЮТ

● Совместное предприятие «Москву проджект менеджмент» (МПМ) предлагает бизнес-туры по СССР (директор проекта — Тумасянц Светлана),

которые включают в себя информационную программу о потенциале советского рынка и законодательстве, выбор интересующего Вас партнера, проведение с ним деловых переговоров, семинары, консультации, а также культурную программу, бытовой и деловой сервис. Информацию можно получить по адресу: 129041, г. Москва, ул. Б.Перелазовская, д.50. Телефон: 280-69-24; факс: 280-88-37; телекс: 4116; телеайн: 207872 PINE

● Новая биржа учреждена при содействии ТО «Эскарт». Уникальный принцип работы. Почти бесплатный

ESKART

поиск продавца и покупателя для любых видов товаров, сырья и оборудования. Биржа осуществляет торговые операции. Телефоны в Москве: 285-77-09, 285-47-98, 214-62-42. Телефакс: (095) 200-32-25.

● Президенты и менеджеры малых и совместных предприятий, межотраслевых научных, технических, производственных, коммерческих центров, кооперативов, временных творческих коллективов, советские и зарубежные предприниматели! Читатели и подписчики «Нового времени» ждут от Вас взаимовыгодных предложений на товары, услуги, идеи, технологию, разработки в любой сфере производства, бизнеса, строительства, медицины, управления, искусства, сельского хозяйства, народного промысла, спорта, финансовой поддержки и др. Агентство рекламы и маркетинга «Новое время-Design» предоставляет для Ваших объявлений эту рубрику, которая выходит одновременно на русском, английском и немецком языках.

Справки по телефонам в Москве: 209-92-82, 209-33-82, телефакс 2004223, телекс 411164 b newt SU

● Впервые в СССР издательством «Наука» предпринят выпуск энциклопедического иллюстрированного словаря по исламу. В алфавитном порядке даны ключевые исламские понятия, термины, персоналии, названия школ, толков, общин. Словарь издан на высоком полиграфическом уровне. Цена 35 руб. Заказы на книгу направляйте по адресу: 117393 Москва, ул. Академика Пилюгина, д.14, кор.2, магазин «Книга-почтой», «Академкнига».

Информация о размещении и тарифах Вашего рекламного сообщения в этой рубрике, которая выходит одновременно в русском, английском и немецком изданиях журнала «Новое время». Вы можете узнать, обратившись в агентство «Новое время-Design» 103782, ГСП, Москва, К-6, Пушкинская площадь. Телефоны: 209-92-82, 209-33-82. Телефаксы: 200-42-23 и 200-41-92

Возврат к прошлому губителен

Президент Республики Ботсвана доктор **Куэт Кетумиле Джони Масире** отвечает на вопросы главного редактора «НВ» Александра Пумпянского и собственного корреспондента «НВ» по Юге Африки Николая Решетняка

«Новое время». Год назад Намибия обрела независимость. В регионе сложились реальные условия для урегулирования положения в Анголе и Мозамбике. В Южно-Африканской Республике проводятся демократические реформы с целью создания свободного от расизма общества. Изменился и характер отношений ЮАР с соседними странами. Не считаете ли вы, что настало время отказаться от прежней терминологии: «прифронтовые государства», «враги»... Может быть, стоит начать пользоваться новыми терминами: «добрососедство», «сотрудничество», «взаимопонимание», когда мы говорим о взаимоотношениях между государствами на Юге Африки?

К.К. Дж. Масире. Группа «прифронтовых государств», граничащих с ЮАР, сформировалась в 70-е годы для поддержки освободительных движений на Юге Африки. Этот мандат она получила от Организации африканского единства.

Следует отметить, что в то время режимы белого меньшинства в Зимбабве (бывшей Южной Родезии), Намибии и ЮАР представляли серьезную опасность для независимых государств региона. Им и пришлось объединиться, чтобы совместными усилиями привлечь внимание международного сообщества к бедственному положению угнетенных народов в странах, где правило белое меньшинство. К тому же ЮАР и бывшая Южная Родезия предпринимали против нас военные акции и поддерживали группировки мятежников в Анголе и Мозамбике с целью дестабилизации законно избранных правительств.

Но и сегодня, когда Намибия обрела независимость, политические проблемы региона еще не решены. Южно-Африканской Республике предстоит пройти долгий путь к нормализации отношений с соседями. ЮАР все еще оказывает помощь мятежникам в Мозамбике и Анголе, совершает военные рейды против Ботсваны, Зимбии и Зимбабве... И у нас нет уверенности, что в скором времени эти противоправные акции будут прекращены.

Разумеется, в этих условиях «прифронтовым государствам» необходимо продолжать осуществление своего права на самооборону.

Хотя ЮАР и отходит от политики апартеида, у нас нет оснований для самоуспокоения, поскольку не происходит кардинального улучшения жизни черного большинства этой страны. Высоко оценивая смелые инициативы президента ЮАР Фредерика де Клерка по проведению демократических реформ, мы считаем, что еще не настало время отказываться от союза «прифронтовых государств». Нам еще предстоит немало сделать, чтобы добиться прогресса на переговорах и обеспечить мирное сосуществование в южноафриканском регионе.

Я хотел бы подчеркнуть, что «прифронтовые государства» никогда не стремились ни к открытым враждебным действиям против ЮАР, ни к конфронтации с ней. Мы

стремились к справедливости, миру и равенству. Но мы сможем говорить о взаимопонимании и сотрудничестве между странами на Юге Африки только после того, как Южно-Африканская Республика сбросит с себя путы апартеида, станет демократическим многорасовым государством.

«НВ». Какой позиции придерживается Ботсвана относительно прекращения международных экономических санкций и бойкота Южно-Африканской Республики?

К.К. Дж. Масире.

«Прифронтовые государства» не в состоянии применять санкции в отношении ЮАР, так как у нас для этого нет возможностей. Но мы считаем, что те страны, которые могут ввести санкции, не должны оправдывать свое бездействие ссылками на наш пример. Мы поддержали решения британского Содружества и ООН, выступивших за ликвидацию апартеида. Мы убеждены, что международное да-

вление сыграло позитивную роль, подтолкнув ЮАР к реформам. «Прифронтовые государства» по-прежнему считают, что давление следует продолжать до тех пор, пока в Южно-Африканской Республике не произойдут глубокие и необратимые изменения. Фредерик де Клерк осуществил очень серьезные реформы, но ему придется еще много потрудиться, прежде чем можно будет сказать, что с апартеидом в ЮАР покончено раз и навсегда.

«НВ». Верите ли вы утверждениям руководителей ЮАР о необратимости реформ?

К.К. Дж. Масире. Я верю в добрые намерения руководителей Южно-Африканской Республики. Возврат к прошлому был бы губи-

Куэт Кетумиле Джони Масире

тельным для всех государств региона.

«НВ». Какими вам представляются перспективы сотрудничества на Юге Африки?

К.К.Дж.Масире. Многообещающими, учитывая происходящие здесь политические перемены. Уже сегодня мы стремимся объединить наши ресурсы под эгидой Конференции по координации развития стран Юга Африки (САДКК). Наш регион богат природными и людскими ресурсами. Если удастся осуществить демократические перемены в ЮАР, то я предвижу хорошие возможности для экономического и социального прогресса всех наших народов.

«НВ». Что вы думаете об отношениях между Советским Союзом и Ботсваной?

К.К.Дж.Масире. Отношения между Ботсваной и Советским Союзом за последние годы значительно улучшились. У нас общая позиция по таким международным вопросам, как разоружение, укрепление авторитета Организации Объединенных Наций, самоопределение колониальных и угнетенных народов... Сюда относится и вопрос о войне в Персидском заливе, в котором обе наши страны были единодушны в том, что Ирак должен безоговорочно уйти из Кувейта.

Советский Союз оказывает Ботсване помощь во многих областях. У

нас есть люди, которые учились в Советском Союзе и сейчас активно участвуют в развитии нашей страны. Ботсвана и Советский Союз сотрудничают в горнодобывающей промышленности и в развитии водных ресурсов.

В целом, оценивая отношения между нашими двумя странами, можно с уверенностью сказать, что их сотрудничество в области торговли и техники в дальнейшем будет приобретать все более широкие масштабы.

В настоящее время у нас нет посольства в Москве из-за отсутствия необходимого персонала и финансовых возможностей. Но мы надеемся, что в будущем это положение исправится.

Республика Ботсвана

Республика Ботсвана, бывший английский протекторат Бечуаналенд, расположена в центре Юга Африки и граничит с Зимбабве, ЮАР, Намибией и Замбией. По своей территории сравнима с Францией. Однако население страны невелико — около 1,3 миллиона человек, в основном принадлежащих к народности бантутсвана. Большинство населения исповедует христианство, распространены также местные религии и верования, ислам.

Около 80 процентов территории приходится на пустыню Калахари. Климат страны варьируется от континентального до полупустынного. Нередко ботсванцы страдают от продолжительных засушливых периодов. Поэтому призывы «Пула» (то есть дождь) являются обязательным атрибутом публичных выступлений политических, общественных и религиозных деятелей страны. Символично, что денежная единица Ботсваны также носит название «пула».

Ботсвана — молодое государство даже по африканским меркам. 30 сентября 1991 года ее народ отметит первую четверть века своей государственной независимости.

Столица страны — Га-

бороне, названная по имени одного из традиционных ботсванских вождей конца прошлого века. Ныне этот город — центр экономической и социально-политической жизни Ботсваны.

Успехи Ботсваны, достигнутые за столь короткий период развития, действительно заметны. Основой ее хозяйственного развития является добыча алмазов, доходы от которых создают необходимые финансовые условия для социально-экономического прогресса. Ботсвана в настоящее время является одним из крупнейших производителей алмазов в мире. Но не только алмазами богата эта страна. Здесь имеются запасы медно-никелевых руд, кальцинированной соды, каменного угля. Открыты месторождения золота, серебра, полудрагоценных камней. Ведутся геологоразведочные работы в поисках нефти и газа.

В стране насчитывается более 2,5 миллиона голов крупного рогатого скота. Мясопереработка осуществляется с применением самой современной технологии, мясные продукты составляют одну из главных статей ботсванского экспорта. Традиционно положительное saldo внешней торговли

позволило создать значительные валютные резервы.

Экономические успехи Ботсваны во многом объясняют политической стабильностью, наблюдающейся на протяжении всей ее истории. Отражением существующего в стране политического плюрализма является успешное функционирование в стране многопартийной системы.

Ботсвана — президентская республика. Президент страны и правящей Демократической партии

Ботсваны — Куэт Кетумиле Джони Масире. Он родился в 1925 году в городе Канье на юге Ботсваны. Получив педагогическое образование в Ботсване и ЮАР, работал учителем в основанной им средней школе, а затем журналистом. Депутат первого состава Национального собрания (парламента) Ботсваны. С первого дня независимости он был близким соратником президента Серетсе Кхамы. Вместе с ним основал в 1962 году Демократическую партию Ботсваны, представляющую интерес значительной части сельского населения, племенных вождей, определенных слоев интеллигенции. После смерти С.Кхамы избран парламентом Ботсваны 18 июля 1980 года на пост президента страны.

Западные варвары в старой столице

История, свидетельствующая о пользе самоиронии, легкого юмора и способности относиться критически к самому себе

Появление мороженого означало, что прием заканчивается. Повара у погасших жаровень и гейши у опустевших подносов выжидающе смотрели на нас. Разноязыкая толпа таяла на глазах. Цепочка хозяев в черных костюмах у выхода казалась почетным караулом. Они безостановочно пожимали руки уходившим и улыбались.

— Я слышал, вы произнесли какую-то странную речь? — городской голова задержал мою руку в своей. Извержение гостей приостановилось: в идеально отлаженный механизм попала песчинка.

По цепочке почетного караула стремительно пробежало: «Новое время... Новое время... Новое время». Так бойцы в колонне передают от одного к другому приказ командира.

— Говорят, вы произнесли странную речь сегодня? — повторил заместитель городского головы, когда моя рука перешла к нему, и его угольные глаза сверкнули вольтовой дугой. Другие не сказали ничего, но в каждом рукопожатии таилось предупреждение.

Что же я такого сказал?

Чудо в подвале

Для 40-го юбилейного собрания Международного института прессы выбрал Киото и лучше выдумать не мог. Десять веков Киото был столицей Японии и по праву считается средоточием национальной культуры. Здесь полторы тысячи буддийских храмов и две сотни синтоистских святилищ. Благодаря предусмотрительности американских ученых-японистов, объяснивших во время войны своему президенту, что Киото не надо бомбить, в нынешнем году собрались со всего света четыреста журналистов и приближенные к ним лица, как-то политики, министры, послы и банкиры, в полной мере насладились городом, залитым цветущей сакурой.

О втором чуде, явленном миру старой столицей, знали только директор Международного института прессы Питер Гэлинер и четверо его помощников, прибывших из Лондона. Этим чудом были японские организаторы ежегодного собрания, которые действовали по отвратительному для советского человека принципу: обещал, но выполнил. Это японское чудо было надежно скрыто от глаз участников ежегодного собрания в подвале, который секретари дирек-

тора Гэлинера ласково именовали «тюрьмой».

Я должен был выступать на тему, обсуждению которой отвели первый день: «Япония как мировая держава».

Бывший премьер-министр Австралии двухметровый Малькольм Фрейзер, которому лет десять назад крепко доставалось в нашем журнале за антинародную политику, рассуждал об экономическом сотрудничестве в бассейне Тихого океана. На третьей минуте мистическая аббревиатура ГАТТ стала повторяться через слово, и слушатели сразу скили.

Бывший посол Японии в Соединенном Королевстве Кадзуо Тиба и обозреватель газеты «Асахи» Ёити Фунабаси, соревнуясь в знании английского, изложили официальную и оппозиционную точку зрения на политику своей страны. Официальная свидетельствовала о том, что Япония все делает правильно. Оппозиционная предполагала, что Япония может действовать еще лучше.

Мы с Черчиллем ошибаемся

Советский участник дискуссии получил слово последним, когда истомленные слушатели появление каждого нового оратора воспринимали как личную обиду. О чем я говорил?

Уинстон Черчилль редко ошибался, но ведь это он в 1924 году заявил: «Япония на другом конце мира. Она никоим образом не может угрожать нашим жизненным интересам». Будущий премьер-министр промахнулся дважды. В 1941 году японская армия и флот серьезно угрожали национальным интересам Великобритании. А с недавних пор японская промышленность угрожает британским производителям. И не только британским.

Может быть, добавить, что советским людям, представляющим государство, чья армия почти сорок шесть лет назад участвовала в сокрушении Японии, и вовсе горестно сознавать, что эта страна даже поражение сумела обернуть в свою пользу и живет значительно лучше страны-победительницы?

Теперь одни наперебой восхищаются японским чудом, другие его проклинают, поскольку никого не радуют чужие успехи. Один американский конгрессмен, недовольный тем, что японские производители захватывают американский рынок, заявил: «Спасибо Гарри Трумэну. Он сбросил две атомные бомбы на Японию. Хотя на самом деле ему следовало сбросить четыре».

Японские политики жалуются, что их страну не принимают в расчет в мировой политике. Япония желает быть великой державой, но ее роль в мировых делах очень мала, иногда просто незаметна. Со стороны кажется, что японцы озабочены только сами собой и стараются держаться подальше от

событий, прямо не затрагивающих их собственные интересы.

Но участие в мировых делах не привилегия, а долг. Нет ничего приятного в том, чтобы тратить деньги, которые нужны для внутреннего развития, на оборону и помощь другим государствам. Эту обязанность приходится брать на себя тем государствам, которые хотят, во-первых, защитить собственные интересы в нашем мире и, во-вторых, сохранить наш мир от катастроф.

Островное положение Японии определило и ее геополитику: ей никогда не приходилось бояться вторжения врага. После второй мировой войны ее безопасность гарантируют

Соединенные Штаты. Можно ли предположить, что Япония намерена вечно держать на своей территории иностранные войска? Если же они когда-нибудь уйдут, как правительство намерено гарантировать спокойствие своих граждан? Внезапной милитаризацией?

Неизбежно возникает вопрос о том, какой должна быть японская армия. Соседи Японии не хотят ее демилитаризации и потому не возражают против американских баз на ее территории. Но в случае возникновения региональных конфликтов, подобных иракско-кувейтскому, Япония ничем не может помочь мировому сообществу.

Японию будут упрекать, если она не станет увеличивать расходы на вооружение, и осудят, если она не решится это сделать.

Само по себе наращивание армии и флота не решает задачу обеспечения безопасности. Даже мощный флот не поможет Японии, если ближневосточные государства откажут ей в нефти. В Токио поэтому ведут себя тише воды, ниже травы, стараясь никого не злить. Гарантирует ли такая политика подлинную безопасность?

Кто-то доволен, а кто-то не очень

Я с удивлением замечаю, что в зале что-то не так. По лицам видно, что одним слушателям мои слова доставили явное удовольствие. Другие — раздосадованы. Довольны — американцы. Раздосадованы — японцы.

В мировом сообществе больше считаются с теми, кто участвует в об-

щих делах и проявляет щедрость, чем теми, кто сидит взаперти и блюдет только свою выгоду. Для того чтобы играть ведущую роль на мировой арене, необходимы не только экономическая и военная мощь, но и преодоление эгоизма, интернационалистское мышление, способность сознавать себя частью мирового сообщества. Наличие ли эти качества у японцев, прежде всего у японских лидеров?

Президент де Голль в свое время назвал одного из японских премьер-министров «торговцем транзисторами». Обидно? Корпоративное японское общество не выдвинуло пока что ни одного по-

литика мирового класса. Вернее, оно никому из них не позволило толком развернуться. Ни от кого из них не потребовало смелых и заметных шагов. Несмотря на грандиозные экономические успехи, порожденное ими самомнение, несмотря даже на то, что японцы путешествуют теперь по свету больше, чем кто бы то ни было еще, в их менталитете сохраняются отчуждение от внешнего мира и устойчивое деление мира на «своих» и «чужих».

Тут можно сказать и жестче: длительная изоляция от мира оставила наследство совершенно определенно определенного толка — уверенность в собственном превосходстве. Несколько японских министров вынуждены были подать в отставку, когда сказанные в своем кругу слова попадали в печать и вызвали скандал, потому что звучали совершенно по-расистски — насчет низкого интеллектуального уровня негров, пуэрториканцев, корейцев. Япония часто выражает желание быть представителем Азии в мировой политике. Скажем, в роли шестого постоянного члена Совета Безопасности. Япо-

нцы уверяют, что понимают народы Юго-Восточной Азии, а те понимают их. На самом деле в Азии как не доверяли японцам, так и сейчас не доверяют...

Японцы очень этноцентричны. Мировоззренческое клише «Япония против всего мира» еще крепко сидит в умах. Даже не отдавая в этом отчета, японцы ощущают себя в скорлупе, в раковине, в пещере. Им нужно признать себя частью мира. Ссылки на особенности менталитета сомнительны на пороге третьего тысячелетия.

Но все это нужно не для того, чтобы выбиться в лидеры. Мир нуждается не в лидерах, не в великих державах, а в помощи. От Японии ждут не лидерства, а своего рода возвращения долга. Ей помогли после 1945-го, теперь она должна помочь другим — «третьему миру».

Образцом для Японии могла бы быть нейтральная и процветающая Швейцария. Но Швейцария находится в исключительно благоприятном окружении европейских стран. Такой системы безопасности в Азии нет. Ее нужно создавать, и в этом поезде Япония не может быть бесплатным пассажиром.

Но играть значительную роль в мировой политике Япония не готова. Я могу судить об этом по советско-японским отношениям.

Горькая правда об островах

Ну, это уже, наверное, всем приелось. До, во время и после визита Горбачева столько всего сказано. Японцы, правда, продолжают надеяться на невозможное. Вероят, что им острова отдадут.

У меня нет ни малейшего желания оправдывать советскую дипломатию. Сталин в 1945-м оккупировал бы и север Хоккайдо, если бы президент Трумэн решительно не воспротивился этому. Советская делегация, которую возглавлял Андрей Громыко, покинула сан-францисскую мирную конференцию и не подписала мирный договор с Японией. Хрущев обещал передать два острова, но изменил своему слову.

Причина ошибок Москвы в том, что она всегда невысоко оце-

нивала Японию, считая, что та занимает в мировой политике незначительное место и от нее ничего не зависит. И ничего особенного Советскому Союзу от Японии не надо. То есть надо то, что дают даром. А даром японцы не дают ничего.

Но об ошибочности политики Москвы я пишу уже несколько лет в нашем журнале. Теперь я должен сказать, что и японские политики и дипломаты упустили свой шанс. Они не довели до конца начатое в 1956 году дело. Министерство иностранных дел Японии столь же американоцентрично, сколь и советский МИД. В Токио никогда не считали, что в отношении с Советским Союзом нужно выходить за рамки сдержанности и проявлять инициативу.

Рассчитывать на моральные принципы Сталина было бессмысленно. Но Хрущева реально было убедить вернуть острова. Даже Брежнев можно было уговорить, обещав взамен полномасштабное сотрудничество. Хрущев и Брежнев были единственными хозяевами страны.

После 1985 года, я думаю, передача «северных территорий» Японии в принципе невозможна. Трудно представить себе федеральный и российский парламенты, голосующие за отказ от части территории страны, если массовым сознанием это воспринимается как «торговля родиной».

Что же из этого следует? Советский Союз мог себе позволить фактически не замечать Японию. Повторяю: я не оправдываю эту линию, а только констатирую реальность. Но Япония, которой нужны острова, не могла себе позволить не замечать Советский Союз. И если так поступали все поколения послевоенных японских политиков, то это, к сожалению, более всего свидетельствует о неготовности играть значительную роль в мировой политике.

Герман Кан подвел меня

Небольшие государства — как это было с Португалией, Голландией, Англией — становились на короткий момент государствами № 1, но быстро лишались своего первенства.

«Девятнадцатый век был британским веком. Двадцатый стал американским. Двадцать первый будет япо-

нским». Я прочитал это пророчество американского футуролога Германа Кана в тот год, когда начал учить японский язык. Перспектива стать специалистом по стране, которой суждено превратиться в государство номер один, прибавляла сил в единоборстве с иероглифами.

Я никогда не сожалел о времени, потраченном на изучение Японии, хотя Герман Кан подвел меня. Двадцать первый век не будет японским веком, и Япония не станет сверхдержавой.

Я закончил доклад. Гости аплодировали. Хозяева проводили меня сожалеющими и осуждающими взорами. Посол Кадзуо Тиба обещал как-нибудь до-

спорить со мной, но, верно, не нашел времени.

В кулуарах, в автобусе, на приеме американские участники встречи дружески подмигивали, улыбались и, когда никто из хозяев не видел, крепко жали руку. А японские участники ежегодного собрания Международного института прессы легко усвоили сразу два русских слова: «Новое время».

Собственные экономические успехи и поголовное восхищение Японией, кажется, сыграли дурную шутку с самими японцами. Ко всем иностранцам они стали относиться с состраданием (частично оправданным): чего стоит ожидать от людей, не способных даже приблизиться к японскому уровню эффективности и изобретательности?

Слова о том, что Япония не может считаться великой державой, были бальзамом на душевные раны американцев и европейцев. Отчего же они сами столь робки?

...Эта история произошла недалеко от Киото всего столетие назад. Группа англичан, путешествовавших по Японии, завидев княжескую процессию, не свернула с дороги. Одно из англичан убили, двоих ранили.

Здесь, в старой столице, западным варварам тоже стоило бы быть поосторожнее.

Я вспомнил, как меня пропустили сквозь строй угольно вспыхивающих глаз, и решил, что легко отделался.

Леонид Млечин
КИОТО—МОСКВА

**НОВОЕ
ВРЕМЯ**

Если Вы еще
не подписались
на «Новое время»,
Вы можете
заплатить
15 руб. 60 коп.
и будете получать
журнал с 1 июля
и до конца года.
Индекс: 70621

**НОВОЕ
ВРЕМЯ**

DESIGN

Реклама
за границей —
за советские
рубли!

Наш адрес: 103782, ГСП,
Москва К-6,
Пушкинская пл.
Телефоны: 209-92-82
и 209-33-82.

Телексы: 411164a newt SU,
411164b newt SU.

Телефаксы: 200-42-23
и 200-41-92

Вид из Ново-Огарево

Визиты зарубежных лидеров в Москву все больше становятся поводом для обсуждения не только международных проблем, но и положения в СССР. Не стал исключением и краткий визит президента Франции. Его твердая поддержка М. Горбачева привлекла особое внимание на фоне уже почти дежурных вопросов: стоит ли делать ставку только на советского президента? Насколько прочно он «держит руль»? Не ищет ли он от контактов с Западом прежде всего поддержки своих позиций внутри страны? В последние дни к ним добавился еще один: не идет ли речь о возврате Советского Союза к «холодной войне»? Не все из них нуждаются здесь в ответе, хотя их постановка — это тоже политика.

Итоги бесед Ф. Миттерана в Ново-Огарево, как мне кажется, не оставляют сомнений — он намерен помогать не только президенту, но и перестройке.

На чем, однако, основано советско-французское взаимопонимание сегодня, когда у западных партнеров сильно искушение притормозить диалог с опасно большой сверхдержавой до прояснения хода кризиса? Видимо, меньше всего эта позиция основана на иллюзиях и эмоциях, хотя восхищение мужеством инициаторов перемен в устах французского президента — не просто дипломатический политес. Таких причин, по моему, две.

Первая — политический опыт и мировоззрение самого Ф. Миттерана. Долгая — далеко не всегда по восходящей — жизнь в политике приучила его к борьбе, а не к безмятежному властвованию. Он один из тех мировых деятелей, которые поняли, что начатые в Советском Союзе перемены, в принципе, не могут протекать гладко. Опыт западной демократии учит — она всегда требовательна и не всегда благодарна. Весьма чтимый Миттераном Монтень заметил, что в периоды, подобные тому, что переживаем мы, люди «с наслаждением топчут то, что некогда внушало ужас», и «легко поддаются случайным влияниям и видимости».

Вторая причина — это собственно внешнеполитические соображения, понимание того, что Союз остается и останется важной величиной европейской и мировой политики, без которой невозможно строить реалистичные подходы к будущему, прежде всего европейскому. Идеи европейской конфедерации и «общего дома», соавторами которых выступили оба президента, сегодня отчасти утратили свою злободневность во многом из-за наших внутренних неурядиц. Вероятность иметь дело с нефиксированным составом участников европейской конфедерации с Востока — малопривлекательная для Запада перспектива. Выход один — продолжение диалога, терпеливое ожидание и содействие стабилиза-

ции, снятие появившегося в связи с договором по обычным вооружениям проблем, породивших недоверие к Советскому Союзу. С этим и приехал в Москву французский президент.

Гость, разумеется, не питает иллюзий относительно наших внутренних трудностей. Едва ли случайна его фраза: «Надеюсь, что эта наша встреча не последняя?» Отнюдь не смутил его и вопрос о том, как проходила его недавняя встреча с Б. Ельциным. Понятно, что поле внешнеполитической активности республик будет расширяться, но оно не может быть беспредельным, коль скоро речь идет о федеративном государстве. Визит главы российского парламента во Францию показал, по-моему, — Запад явно пока не готов к нашей децентрализованной внешней политике. А что до умения тактично решать протокольные задачи, то его французам не занимать.

Означает ли это, что Франция дала «обет верности» нашему Центру? Здесь, видимо, тоже не стоит обольщаться, ибо реальная политика не исключает иных вариантов. Уже сегодня они требуют иногда напрямую отслеживать процессы, идущие в республиках, да и французские дипломаты в Москве, Киеве и Ленинграде, где есть их представительства, уже заняты этим. Кроме того, одним из новых аспектов французской политики в Восточной Европе является признание важности соблюдения прав национальных меньшинств. Вместе с тем нарушение «обета» если и произойдет, то, похоже, после того, как мы сами определимся с будущим Союза.

Под грузом наших проблем иногда может создаться впечатление, что все вопросы сосредоточены на Востоке, а ответы — на Западе. Смотреть на дело таким образом было бы упрощением, хотя проблемы западноевропейцев иные по остроте и срочности. В какой степени двусторонние связи сохраняют свою значимость в условиях движения Западной Европы к политическому союзу, а в перспективе, возможно, и совместной внешней политике и обороне? Как будут тогда строиться отношения Франции с НАТО? Как впишется совместная оборона в атлантическую солидарность? Где гарантии сохранения гармоничного баланса внутри самой объединенной Европы? Было время, когда подобные вопросы мы с готовностью интерпретировали бы с целью поиграть на противоречиях. Однако время таких «игр» ушло. На смену ему приходит ответственность за будущее Европы, вкладом в которое сегодня может быть прежде всего надежно обеспеченная стабильность в собственном доме.

Алексей
Кожемьяков,
доктор юридических
наук

Дала ли
Франция
«обет
верности»
нашему
Центру?

Оружие вместо аргументов

Межнациональные конфликты поставили страну на грань гражданской войны

Югославия будто соревнуется с Советским Союзом, кто быстрее распадется. Югославские республики словно все разом решили, что в результате совместного проживания под крышей одного государства они оказались в проигрыше. И, дабы избежать худшего, задумали изменить государственное устройство Югославии, предоставив своим лидерам решать, каким ему быть.

Собрать руководителей нескольких государств и организовать встречу в верхах непросто. Еще труднее по нынешним временам оказалось в Югославии посадить за один стол лидеров ее республик. Различия между частями югославской федерации сегодня настолько существенны, что республиканским руководителям проще бывает договориться с соседним государством, чем с «братской» республикой. Впрочем, республики в Югославии все активнее приобретают атрибуты государственности. И уже не кажется фантастическим утверждение, якобы переговоры между ними вскоре будут называться международными.

Разумеется, нынешние политические центры власти в республиках сформировались не сегодня и не вчера, а задолго до победы некоммунистической оппозиции на многопартийных выборах. Существующие межреспубликанские разногласия долгие годы приглушал Союз коммунистов Югославии, который, находясь у власти, делал все, чтобы сдерживать «размягчение» федерации. С приходом к власти в отдельных югославских республиках оппозиции процесс обособления усилился, поскольку к национальным различиям добавились идеологические.

Ведущие сейчас переговоры руководители республик нередко выглядят дикторами, зачитывающими заранее заготовленные тексты. И дело здесь не в отсутствии сильных личностей среди республиканских лидеров. Отнюдь. Просто над каждым из них дамокловым мечом висят интересы «своей» нации и опасение, что любой компромисс будет расценен «дома» как проявление слабости, а

любая уступка — как предательство.

Поэтому совместные заявления республиканских руководителей по итогам каждого раунда «встреч в верхах» скорее напоминают перечисление позиций республик, а не их общий подход к разрешению югославского кризиса.

Проблема, быть ли Югославии федерацией или конфедерацией, в прежнем виде уже не стоит. Сейчас разговор в основном ведется о том, можно ли сохранить Югославию как единое государство. Модель, которую предлагают Словения и Хорватия, представляет собой союз суверенных государств. Трудно представить, как сможет функционировать такой союз. Альтернативой своему варианту словенцы и хорваты считают «развод» с другими республиками. Сербия и Черногория, отстаивающие идею Югославии как суверенного государства, не возражают против того, чтобы республики, желающие расторгнуть брак с остальными, беспрепятственно осуществили это. Но в таком случае они сами должны будут позаботиться о своем международном признании, ибо оставшаяся часть страны будет по-прежнему называться Югославией.

Парадоксально, но наибольшее понимание нередко возникает между Словенией и Сербией — республиками, которые уже почти два года больше конфликтуют, чем сотрудничают. Многие объясняют это тем, что обе уже сказали друг другу «прощай», явно демонстрируя, что под одной крышей им не ужиться. Словенские руководители настойчиво

повторяют, что не питают особых иллюзий относительно ведущихся переговоров. Их решение о выходе из Югославии в июне нынешнего года остается в силе.

Стремление Словении во что бы то ни стало обрести самостоятельность, похоже, особо беспокоит Хорватию, которая поспешила заявить, что без словенцев и она в Югославии оставаться не намерена. Основной и неразрешимый пока узел противоречий представляют Босния и Герцеговина со своей пестрой многонациональной палитрой. Создается впечатление, что, не будь ее, югославские республики с легкостью подписали бы «бракоразводный протокол» и расстались, не сказав друг другу «до свидания».

Существующие проблемы трудно разрешить и в спокойной обстановке. Что тогда говорить об их сложности в условиях, когда страна то и дело оказывается на грани гражданской войны? Чаще всего — в результате столкновений, возникающих в районах Хорватии, населенных сербами. Фактор хорватских сербов делает нереальным отделение Хорватии от Югославии. Во всяком случае — без кровопролития.

В условиях полной самостоятельности республик возникает потребность в независимом арбитраже. И взоры населения обращаются к нейтральным органам власти. Но коллективный президент страны — Президент СФРЮ — сегодня не способен играть роль мудрого судьи. Ведь и он состоит из представителей республик, которые (хотя они того или нет) вынуждены отстаивать позицию своей базы. Проявление рассудительности и попытки находить компромиссные решения чреватые для каждого члена этого органа власти угрозой замены. Очевидно, такова участь подобных президентов и советов в многонациональных государствах.

Роль арбитра может взять на себя население, определив посредством референдума судьбу Югославии. Но, согласившись в принципе с необходимостью его проведения, лидеры республик не приходят, однако, к согласию по целому ряду вопросов, связанных с организацией референдума. Как будто спешат поскорее расстаться друг с другом.

Геннадий Сысоев,
соб. корр. «Нового времени»
БЕЛГРАД

Улицы Загреба начинают напоминать улицы Степанакерта...
Фото из журнала «Ньюсуик» (США)

Электронный шпионаж на родине ацтеков

Прослушивающий аппарат был обнаружен в помещении национального комитета по правам человека, созданного при прямом содействии президента Салинаса де Гортари. Комитет только разворачивает свою деятельность и вроде бы пока не мог сильно насолить властям. Между тем глава комитета Хорхе Карпизо, в кабинете которого был обнаружен «жучок», заявил протест прокурору республики и, судя по всему, намерен превратить это дело в свою первую серьезную «бомбу». Начато официальное расследование. Потенциальные «ответчики» из министерства внутренних дел решительным образом отвергают все обвинения. Власти пытаются утихомирить страсти. Говорят: «Да будет вам! Там и батареек-то не было»...

Их стремление спустить дело на тормозах понятно. Правительство Мексики ныне переживает довольно деликатное время. В самый разгар подготовительной работы по созданию зоны свободной торговли с США, что является заветной целью кабинета Салинаса, от северного со-

седа стали поступать не очень радостные сигналы. В конгрессе США, где вот-вот предстоят дебаты по этому вопросу, по разным причинам нарастает оппозиция грандиозному проекту. Как сказал в интервью «НВ» конгрессмен Джим Колб, выступивший недавно в американской торговой палате в Мексике, силы сторонников и противников торгового соглашения приблизительно равны. Несложно догадаться, что последние пытаются воспользоваться случаем «телефонного шпионажа», для того чтобы бросить тень на политическую систему страны.

На носу у правящей партии и выборная кампания — борьба за места в парламенте и местные органы власти. Президент Салинас, взявшийся перестроить прежнюю систему, гарантировавшую его партии безмятежное пребывание у рычагов власти, но зато вызывающую суровую критику со стороны местных оппозиционных кругов и различных правозащитных организаций за рубежом, вполне мог бы похвастаться кое-какими результатами. И тут ему, что называется, подкладывают банановую кожуру, возможно, даже кто-то из своих.

Между тем скандал разрастается. Его подхватил флагман правозащитных организаций США «Америкас уотч». Мексиканские общественно-политические группировки, особенно «зеленые», утверждают, что «электронный шпионаж» становится тотальным на родине ацтеков. «А прослушивание телефонов распространено так же, как вручение взятки дорожной полиции», — сетовал в беседе со мной один столичный журналист.

Кстати, ассоциация иностранных корреспондентов в Мексике, в которой состоит и представитель «Нового времени», также грозит провести расследование по возможному телефонному шпионажу за ее членами. Наверняка каждый из нас смог бы припомнить немало курьезных случаев из собственного опыта пользования телефоном...

Юрий Кудимов,
соб. корр. «Нового времени»
МЕХИКО

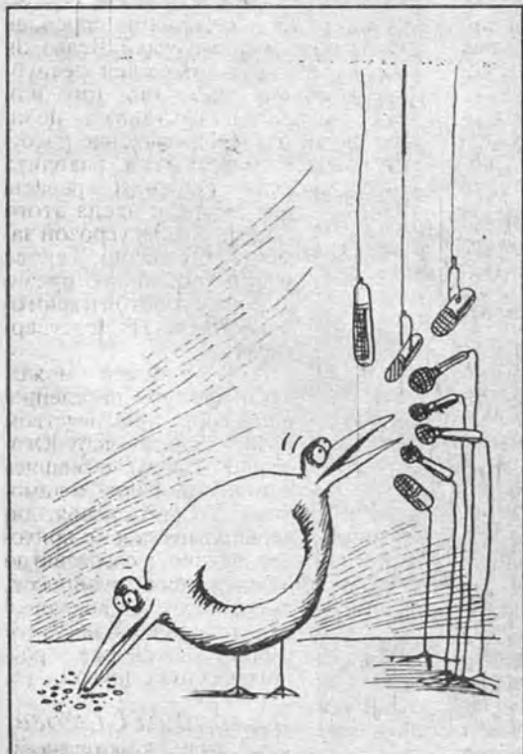

Рисунок Виктора Богорада

АССОЦИАЦИЯ КАМЧАТКА

Юрты для охотников, альпинистов, геологов.

Юрта — утепленное тентово-стержневое укрытие, диаметр 5 м, вес 75 кг, складывается за 7 минут. Изготовлена из современных, прочных материалов, удобна в транспортировке. При конструировании юрты использован опыт устройства жилищ кочевых народов.

Партии до 600 штук.

29 видов уникальных декоративных рыбок,

обитающих только на Дальнем Востоке в реке Амур, ассоциация Камчатка предлагает зарубежным аквариумистам. Рыбки могут быть поставлены вместе с представителями экзотической флоры реки Амур. Рекомендации по содержанию рыбок прилагаются.

Партии до 1 000 000 особей.

Карманный эхолот рыбака

необходим как промысловикам, так и любителям-рыболовам для определения глубин и рельефа дна водоемов, а также для поиска скопления рыб. Эхолот снабжен электронным табло, удобен и надежен в эксплуатации.

Партии до 5000 штук.

● Ассоциация Камчатка.
113461, Москва, а/я 112,
телефон 318-20-65,
факс 318-20-65.

● Ассоциация Камчатка. 683009,
Петропавловск-Камчатский,
ул. Циолковского, 67/40,
телекс 145127
FIRMA SU
P/c 466101
Агропромбанка
г. Петропавловска-
Камчатского

© НОВОЕ ВРЕМЯ DESIGN

Это сладкое слово — согласие

Вопреки пожеланиям и частым заклинаниям общественное согласие за годы перестройки так и не сформировалось. Впрочем, обязательно ли оно как средство перехода к демократии?

Сергей Хенкин;

кандидат исторических наук

Или консенсус может быть достигнут лишь тогда, когда после острой борьбы различных альтернатив общественного развития победу одержит одна из них и все социальные силы приспособятся к новой реальности?

И, пожалуй, полезно было бы присмотреться к опыту стран, уже осуществивших или осуществляющих сейчас демонтаж тоталитарных или авторитарных структур.

Испанский вариант

Переход Испании от диктатуры к демократии не имеет аналогов в истории XX века. Франкистская диктатура прекратила свое существование мирным путем — вследствие собственных противоречий и давления снизу, без военного поражения, без свержения. Преемнее противостояние сменили цивилизованные формы мирного сосуществования противоположных социально-политических сил.

Демократический консенсус в Испании был достигнут благодаря глубокой переоценке ценностей как франкистами, так и антифранкистами. Один из первых шагов к национальному примирению сделал сам Франко, политика которого, между прочим, отличалась гибкостью. Перехватив выдвигавшуюся в оппозиционных кругах идею преодоления раскола между «двумя Испаниями», он соорудил мемориальный комплекс, где был перезахоронен прах павших в годы гражданской войны — как «победителей», так и «побежденных». А в 70-е годы многие сторонники каудильо сделали вывод, что Испания не может жить и развиваться без политического плюрализма. Легализовав левые партии и профсоюзы, обеспечив проведение демократических выборов в центральные и местные органы власти, предоставив автономии национальным областям, они приняли многие ценности «побежденных» в гражданской войне, согласившись с теми требованиями, из-за неприятия которых когда-то правые силы с оружием в руках сражались против республики.

Особую роль в ликвидации франкизма сыграл король Хуан Карлос I. Оставаясь чаще всего за кулисами, он выступал в качестве арбитра, примирявшего разнородные социальные интересы. Воздействие его величества позволило демократизировать армию, созданную Франко: обеспечить ее строгий нейтралитет, верность закону, отказ служить той или иной политической организации. В свою очередь, антифранкисты отказались от «возмездия», «реванша» и признали монархию.

Основу национального согласия составили приверженность большинства населения демократическим ценностям, политическая умеренность и неприятие экстремизма. Склонность испанцев к компромиссам во многом объяснялась еще живыми в массовом сознании воспоминаниями об ужасах гражданской войны и страхом перед возможностью ультраправого переворота.

Степени сравнения

Демонтируя диктатуру, испанцы в основном осуществляли политическую демократизацию общества. Во франкистской Испании сохранялась частная собственность, функционировал, хотя с ограничениями, рынок. Уровень жизни был выше. Прощанию с франкизмом предшествовал беспрецедентный в истории страны экономический бум 60-х — начала 70-х годов, резко улучшивший существование миллионов людей. Поэтому последовавший затем экономический кризис, который совпал здесь, как и в СССР, с демократизацией, основная масса населения пережила относительно безболезненно.

Возрождение в недрах авторитарного режима не зависимо от государства гражданского общества значительно облегчило последующее достижение общественного согласия и переход к демократии.

Значительно дальше испанцам удалось продвинуться по пути согласия и в национальном вопросе. На смену франкистскому «национальному единству» пришло «государство автономий» — своего рода компромисс между централистским унитарным государством и регионами. Правда, как и у нас, местные

власти требуют большей самостоятельности и полномочий.

При всем несомненном сходстве национальный вопрос у нас стоит намного острее. В Испании население автономий более едино в стремлении сохранить целостность государства (за исключением сепаратистов в Стране Басков, добивающихся полной независимости). Наконец, в Испании разногласия в национальных отношениях проходят только по линии центр — периферия, у нас же они разветвляются и внутри самой периферии, нередко сопровождаясь кровавым насилием, толпами беженцев.

Испания переходила к демократии от «чисто» авторитарного режима, СССР — от тоталитарного (хотя это уже не «идеальный» тоталитаризм сталинского образца). Первый путь намного проще. Испанский опыт свидетельствует о том, что разрыв между авторитаризмом и демократией не очень велик и стремление к либерализации режима обеспечивается постоянно крепнущим гражданским обществом и формирующимся антиавторитарным согласием. А как велика пропасть между тоталитаризмом и демократией? Ведь в истории пока не было ни одного примера мирной трансформации тоталитарного режима в демократический. Этот процесс, предполагающий разгосударствление всех сфер общественной жизни, представляется исключительно сложным и многоэтапным.

Что происходит у соседей

Примечательно, что большинству стран Восточной Европы, вставших на трудный и неизведанный путь демонтажа партийно-государственных систем псевдосоциалистического типа, достичь консенсуса также оказалось проще. Этот опыт весьма интересен. Если в СССР модель командно-административного социализма была доморощенной, то здесь, навязанная грубой силой, она осталась чем-то генетически чуждым и неорганичным, порождавшим объективную потребность в низвержении. Сказались и различия в степени «тоталитарности» режимов. В восточноевропейских странах не было такой сильной партийно-государственной монополии, проникшей во все поры общества, как у нас. Во многих из них в ограниченных масштабах сохранялась частная собственность в аграрном секторе и сфере услуг, существовали отдельные элементы по-

литического плюрализма (влияние церкви, многопартийность, хотя и условная), в общественном сознании не была потеряна память о довоенном прошлом.

Острое недовольство широких слоев населения господством партийной номенклатуры предопределило быстрое формирование в ряде восточноевропейских стран консенсуса демократического типа, ориентированного на создание правового государства и переход к рыночной экономике. К слову сказать, и часть прежнего руководства сумела здесь перестроиться и пойти на компромисс с противоположными силами. Пожалуй, широкое общественное согласие не сложилось лишь в Румынии и Болгарии. Наследие прошлого тут особенно сильно, в общественной жизни высокая степень идейно-политической поляризации.

Но в других странах бывшего «восточного блока» консенсус все-таки пока непрочен, и переход к новой модели общества еще далеко не завершился. Нынешнюю ситуацию ученые и журналисты метко окрестили «демократура»: часть социального пространства уже отвоевана демократией, часть — еще во власти методов и психологии диктатуры. Наиболее «демократичной» является экономика. До осуществления решительных шагов по приватизации собственности сохраняется директивная экономика — основа административного социализма. Новая плюралистическая структура опирается на старый фундамент, из-за чего в обществе существует двойственность интересов, чреватая резкими поворотами в политике различных социальных сил и ослаблением консенсуса.

Политическая стабильность и об-

щественное согласие в странах «реального социализма» оказываются ныне перед серьезным испытанием, связанным с переходом к рынку. Отход от командно-административной экономики будет сопровождаться легализацией безработицы, инфляцией, временным падением жизненного уровня населения и социальной поляризацией общества. Сотни тысяч людей, привыкших за последние десятилетия к формально гарантированной занятости и никогда не заботившихся о своем трудоустройстве, теряют уверенность в завтрашнем дне. К тому же переход к рынку сопряжен для части работников с принципиальным изменением отношения к труду. Рыночная экономика с ее жесткой конкуренцией требует постоянной трудовой самоотдачи, попросту не знакомой многим в прежние времена.

Другую опасность для общественного согласия здесь представляет бурный рост национализма. В Югославии и Чехо-Словакии на повестке дня стоит вопрос едва ли не о распаде прежних государственных форм. Обострены межнациональные противоречия в других странах, а кое-где не исключена возможность усиления ярко выраженных националистических сил, способных вернуть общество к диктатуре.

Лебеди, раки и щуки

На фоне мирового опыта ликвидации диктатур достижение согласия по базисным ценностям в советском обществе представляется неизмеримо более сложным, чем где-либо. Бесспорно, за годы перестройки наше общество продвинулось в освоении практики общения противостоящих социально-политичес-

ких сил. И все же широкое общественное согласие не сформировалось. Да и можно ли совместить несовместимое: интересы демократических сил, стремящихся осуществить глубокие перемены, — и партийной и хозяйственной бюрократии, ВПК, им сопротивляющихся; интересы республик, добивающихся подлинной суверенитета, — и консервативных сил в центре, отказывающих им в этом? «Перестройка» стала понятием, в которое разные люди и слои общества вкладывают разный смысл. Для одних это рынок и демократия, для других — укрепление «обновленного» госсоциализма, для третьих — рынок без демократизации, для четвертых — демократизация без рынка...

Отсутствие консенсуса у нас вполне закономерно: его и не бывает в глубоких социальных революциях. Ведь такие революции воспринимаются населением как коренная ломка самих основ бытия, устоявшихся стереотипов мышления, и сопровождаются расколом общества на противоположные лагеря. Согласие (действительное или мнимое) формируется лишь тогда, когда определяется исход противоборства и к программе победивших социальных сил приспосабливаются все остальные. С этой точки зрения многочисленные призывы к консенсусу, раздающиеся сейчас, — это не более чем иллюзии, способные лишь дезориентировать и направить по ложному пути верящих в них. Люди, считающие согласие по базисным ценностям возможным, находятся в плену мифа о «монolithicном единстве» советского народа. Не следует забывать и о неразвитости в советском обществе политической культуры компромиссов, сильной традиции конфронтационности.

Вместе с тем отсутствие консенсуса не означает отказа от диалога, поисков точек соприкосновения и соглашений по конкретным вопросам между различными социально-политическими силами, в том числе и за «круглым столом». Практика перестройки показала, что взаимоприемлемые компромиссы вполне достижимы.

Особенно важно сейчас широкое согласие — открытое или молчаливо признанное разными силами — об отказе от насилия и об использовании лишь мирных, бескровных форм борьбы. Такое согласие определит «правила игры» для всех. Острая социально-политическая борьба, неизбежная в нашем обществе, должна развиваться в условиях гражданского мира и не перерасти в гражданскую войну. Главную роль в утверждении этой простой истины призваны сыграть демократические силы. Их единные организованные действия способны остановить приверженцев «железной руки» и сделать мирные парламентские формы сосуществования нормой нашей жизни.

Рисунок Аркадия Гурского

Больше, чем учитель или пророк

Витторио Страда

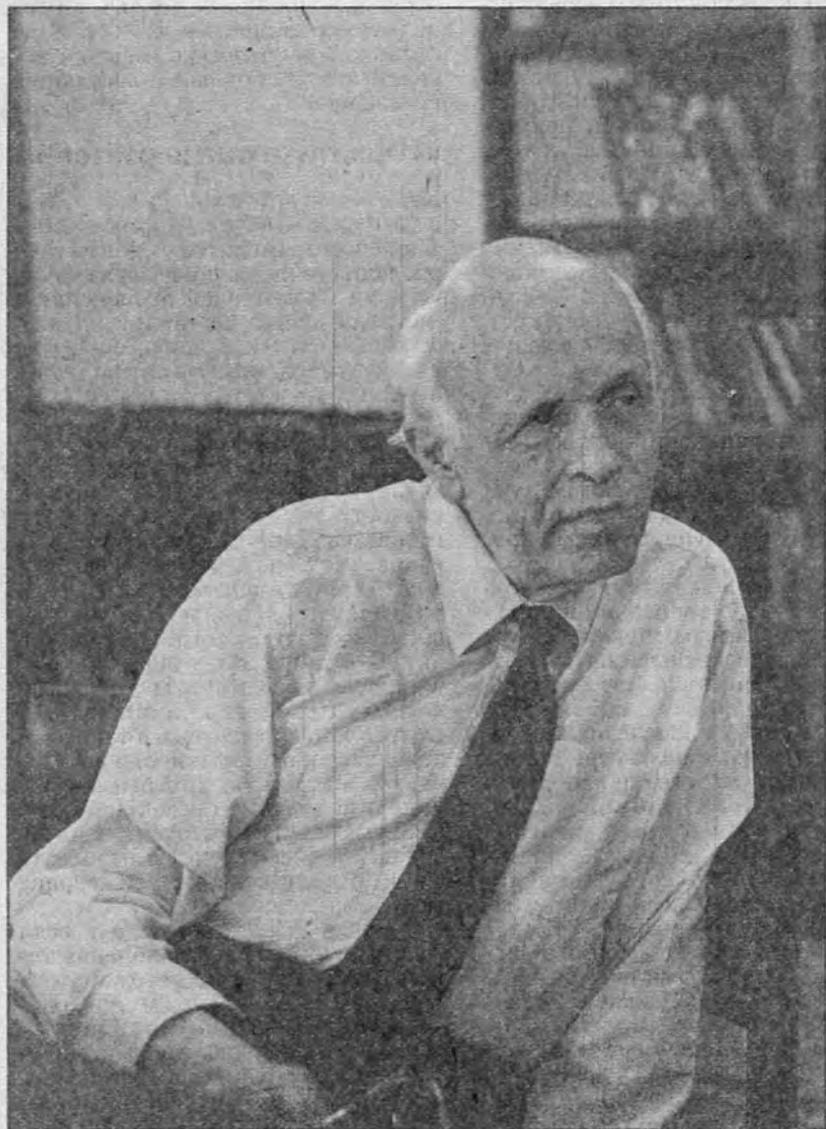

Фото Юрия Ростя

21 мая — 70 лет
со дня рождения
Андрея Сахарова

Сахаров не единственный ученый, который, вместо того чтобы с головой уйти в лабораторную и научную работу, в какой-то момент своей научной карьеры открывает для себя, что за стенами его кабинета существует мир, и видит, что между особым пространством науки и тем, в котором пребывает все человечество, есть некая особая связь. Природа этой связи — морального и гражданского порядка. Ее с ужасом вдруг обнаруживают те, кто работает в областях науки и техники, затрагивающих самые судьбы рода человеческого. Тогда ученый начинает отдавать себе отчет в том, что на карту ставится сама его человечность, которой он может лишиться, если целиком отдастся чистой науке, безответственной перед лицом возможных результатов, и если не будет задаваться вопросом о своем долге члена национальной и метанациональной общности.

И все-таки в случае Андрея Сахарова все оказалось намного сложнее, чем у любого из его коллег, мучительно терзавшихся тем, что их научная работа подчинена исключительно целям войны и разрушения, как это было, например, с Робертом Оппенгеймером. Сахарову пришлось работать в условиях тоталитарного режима, а не демократического общества. Некоторым такое различие может показаться безусловным или же ему может быть дана прямо противоположная оценка. Так оно и было в течение десятилетий, когда коммунистический тоталитарный строй в наиболее совершенном его варианте, а именно советском, даже частью западного общественного мнения считался более высоким по сравнению с либерально-демократическим капитализмом. Именно в этой ценностной перспективе возникло сотрудничество некоторых западных ученых с советским миром.

Сахаров, родившийся и выросший в условиях тоталитарного строя, долго оставался верен режиму не по сознательному выбору, а по безотчетному отождествлению себя с ним. Его работа в группе ученых, которые должны были обеспечить Советский Союз ядерным оружием, велась не просто в засекреченной зоне, как это бывает в любой стране при аналогичных разработках, но в прямом контакте с

лагерем. Молодой ученый каждое утро видел идущих на работу заключенных. В Европе, освободившейся от нацистских лагерей, это, конечно, было нечто уникальное. Как уникальным было и то, что организационно научная деятельность Сахарова и его коллег была подчинена Лаврентию Берии.

Эволюция человека и конвергенция систем

Те, кто читал книгу воспоминаний Сахарова, знают, как из Сахарова — гениального и лишенного общественного сознания ученого родился Сахаров — бесстрашный и исполненный ответственности гражданин. Это был переход от слепоты к свету, пережитый многими людьми как в СССР, так и вне его, так как принадлежность к этой стране означала своего рода идеологическую зависимость, выходящую далеко за пределы ее государственных границ. Многие западные прогрессисты видели сначала в коммунизме и СССР осуществление надежд на социальную справедливость и только позднее заметили, что глубоко заблуждались. Эволюция Сахарова — не просто эволюция ученого, которому становится понятно, какими страшными опасностями чреваты результаты его работы. Он, осознавая губительность возможного ядерного конфликта, защищал свою деятельность по подготовке термоядерного оружия и считал ее необходимой для создания равновесия между двумя сверхдержавами.

Природа внутреннего прозрения Сахарова иная. С одной стороны, он все более и более убеждался в неприемлемости политической, идеологической, социальной системы, в которой жил и для которой работал. А с другой, все более расширяя горизонт своего мировоззрения, пришел в итоге к новому взгляду на будущее всего человечества, абсурдно разделенного между самозванным социализмом и непреодолимым капитализмом. Подобно тому как в своей исследовательской деятельности он добивался установления прочного равновесия в вооружениях двух противостоящих друг другу сторон, в своей политической деятельности он стремился к паритету между этими двумя сторонами, видя в перспективе мир, и, конечно же, не тоталитаризм, а демократию. В сахаровских проектах конвергенции двух блоков Советскому Союзу предстояло отвоювать себе отвергнутые и разрушенные коммунистическим тоталитаризмом гражданские и политические свободы, являющие собою подлинную гарантию мира. Что же касается капитализма, то он, уже располагая этими свободами, должен был продолжать идти по пути дальнейших реформ

социалистического типа, опираясь на свои либерально-демократические институты.

Объяснять — бесполезно...

Один из коллег Сахарова по научным исследованиям В.И. Ритус пишет: «Похоже было, что все мы ищем ответ, пользуясь выученными правилами, а он интуитивно чувствует его и обосновывает свой путь к нему в целом, а не отдельные шаги».

В известном смысле Сахаров-физик был наделен даром непосредственно ощущать сложные физические явления во всей их внутренней простоте. Поэтому Сахаров опережал многих коллег, которым необходимо было, иногда при помощи посредников, шаг за шагом повторять путь его мысли. Не проводя поверхностных аналогий между разными сферами интеллектуальной деятельности, можно утверждать, что и в области общественно-политической ход мысли Сахарова был в сущности такой же. С той лишь разницей, что здесь его «открытия», понятные и приемлемые в среде демократической мысли, встречались в штыки тоталитарной ментальностью как враждебные.

Не стоило даже пытаться, так сказать, объяснять советскому и не советскому коммунистическому руководству, включая и западных коммунистов, ход логики сахаровских ответов по социально-политическим проблемам человечества. Коммунистическая идеология представляла собой полнейшее отрицание таких ответов, так как они опирались на рациональный анализ современного мира, а не на стремление к господству. Утверждение демократических ценностей как предпосылка для постановки и решения экономических проблем, защита интеллектуальной свободы и политической плюрализма, провозглашение подлинного, то есть без тайного стремления к гегемонии и экспансии, сосуществования и подлинной конвергенции, сознание экологической ответственности научнотехнического знания перед всем человечеством — в этом суть футурологического чутья Сахарова. А оно — результат научного познания и совести, объединенных в политическом действии в непосредственной реальности своего времени и своей страны.

Ни время, ни страна не были в состоянии воспринять такие трезвые и благородные призывы, ибо тогда Советский Союз, как вообще коммунистический мир, был в полном подчинении у идеологии и системы, сделавших ложь и насилие орудиями господства партийной касты. Естественно, что чем дальше Сахаров продвигался на пути поисков ис-

тины, тем больше отходил от режима, которому как ученый служил, считая, что работает на общее благо. И именно его заслуги ученого, как и мировой престиж, в какой-то мере сдерживали беспощадность преследований со стороны коммунистической системы. Изгнание внутри страны (высылка в Горький) — высшая примененная к нему мера наказания действовала до тех пор, пока сама коммунистическая власть не вынуждена была признать, что предложенные Сахаровым решения социально-политических проблем были принципиально верными и что он нужен стране не только и не столько как физик, но главным образом как свободный и мыслящий гражданин.

«И все-таки она вертится!»

Как гражданский мыслитель Сахаров повторил в новом контексте и значении знаменитое «И все-таки она вертится!», не пойдя ни на какие уступки. Под броней оценивания и застоя в движение пришла реальность его страны, и вместе с ней, а также вследствие этого стонула и международная реальность. В то время как другие не боявшиеся говорить о реальном положении дел и объявлять о необходимости организации движения против стражей косности заплатили жизнью и изгнанием за свой ум и мужество, Сахаров, который избежал гибели благодаря международной престижу, получил привилегию, вернувшись из ссылки, немедленно включиться в самую гущу общественно-политической жизни. И это оказалось счастьем для всей страны, которая крайне нуждалась в таком человеке, ибо ограниченные реформы сверху, на которые власти пошли под угрозой всеобщей катастрофы, были недостаточны, и требовалось прежде всего отвоювать право и долг каждого гражданина быть свободным.

Это отнюдь не легкая задача, если учесть, что и после ослабления тоталитарного гнета по мере перехода к авторитаризму людям приходилось восстанавливать способность к мысли и гражданскому действию, которую коммунистическая власть систематически вытравляла физическим и идеологическим насилием. Россия и весь Советский Союз нуждались в примере — не извне и даже не из предреволюционного прошлого, но коренящемся в чудовищном послереволюционном опыте, чтобы, освободившись от него, перейти к демократии.

Андрей Сахаров продемонстрировал, что он есть нечто более значительное, чем учитель или пророк, провозглашающий с кафедры или амвона благородные, но отвлеченные истины. Он показал себя человеком мысли и действия, принадле-

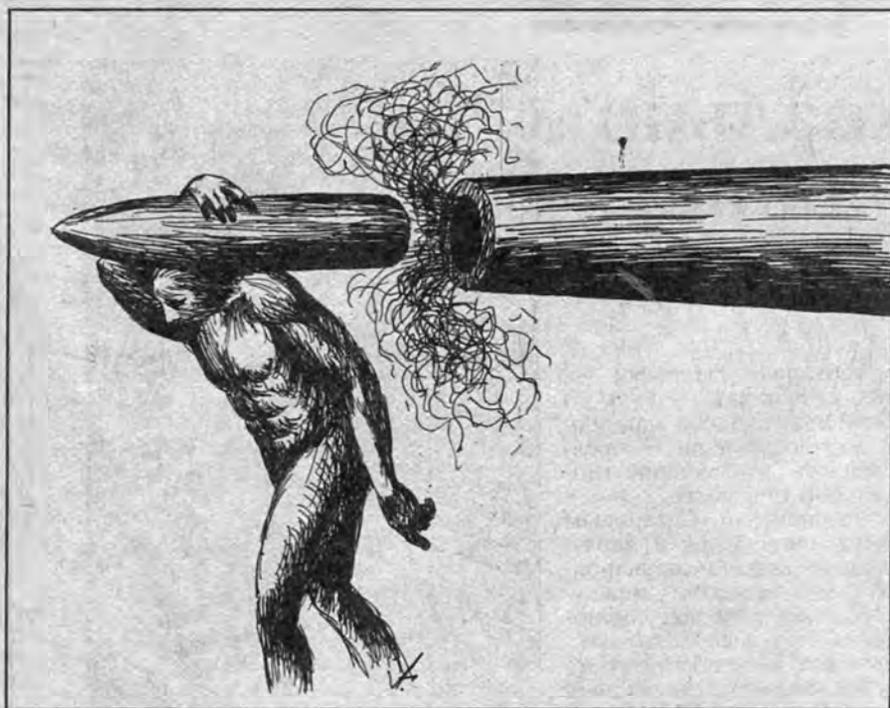

Рисунок Аркадия Гурского

жащим национальной общности и вместе с тем находящимся в оппозиции к ней — ради новой общности, которая бы уже не обособлялась враждебно от всего мира во имя абсурдной идеологии, а творчески-деятельно входила в него.

Полудрузья-полунедруги

Известно, что у Сахарова последнего периода были и недруги, и полудрузья. Его недругами были те, кто видел в нем носителя начал, враждебных мнимой монолитной целостности, которой угрожает любовь к плюрализму. Это лжепатриоты, враги подлинного патриотизма всех тех, кто так глубоко верит в собственную страну, что не обречает ее на вечную опеку властей. Тупые обитатели прошлого мира, основанного на ксенофобии, на сопротивлении всему новому, и в немалой степени — на антисемитизме. Мира, означающего материальную отсталость и духовный гнет.

Полудрузьями-полунедругами Сахарова были и те, кто, признав его право на свободу и даже вернув ему эту свободу, хочет остановиться на полпути, хуже того, искать третьего пути между тоталитаризмом и демократией, плановой экономикой и экономикой рыночной, международным сотрудничеством и скрытым гегемонизмом. Показательно, что последнее публичное выступление Сахарова на Съезде народных депутатов было прервано Михаилом Горбачевым, тем самым Горбачевым, который устранил несправедливость, положив конец ссылке ученого, но по-прежнему оставался далек не только от сахаровских

позиций, но главным образом оказался чужд интеллектуальной и моральной свободе, которой великий физик оставался верен до конца. Сахаров никогда не был партийным бюрократом и не был заражен ментальностью партийных бюрократов, даже отдающих себе отчет в необходимости некоторых изменений в политическом режиме ради сохранения главного в нем или для того, чтобы как можно дольше оттянуть его кризис.

Сахаровы — против смертной казни

Такого человека, как Сахаров, мы должны видеть во всей его исключительности и уникальности и вместе с тем сознать его единство с целым рядом свободных людей его страны, так называемых «диссидентов». Сахаров был новым явлением внутри советского и коммунистического мира, но он выражал собой также и преемственность, или, лучше сказать, восстановление преемственности с миром дореволюционной России.

Есть что-то символическое в том, что имя другого Сахарова — деда Андрея Дмитриевича — стоит в ряду редакторов замечательной книги, вышедшей в России в 1906 году, — «Против смертной казни». Это сборник статей писателей, юристов, философов, мыслителей, в котором русские авторы наряду с западными обосновывают свое неприятие смертной казни. Эта книга, как и многие другие российские книги этого периода, — образец либерального и демократического политико-юридического сознания, которое,

опровергая распространенную в мире легенду, доказало свою жизнеспособность в дореволюционной России. Ведь русская культура нового времени включает в себя не один только революционно-радикальный экстремизм и даже терроризм — в ней есть и мощное либерально-демократическое и социал-демократическое направление, роднящее ее со свободной и плодотворной западноевропейской мыслью. Можно сказать, что своими корнями Андрей Сахаров, не знаю, насколько сознательно, уходит в эту традицию. Как дед Андрея Сахарова оставил свое имя в истории борьбы против смертной казни, так и он сам посвятил себя не столько борьбе против смертной казни, сколько сопротивлению той системе смерти, какой является коммунистический режим. И, разумеется, если Сахаров-старший мог чувствовать себя в безопасности в нетоталитарном обществе, вставшем на путь медленной демократизации, то Андрею Сахарову пришлось заплатить за свое свободолюбие, как всегда приходится платить за это в тоталитарном режиме, даже если он близок к собственному финалу.

Россия Сахарова — это Россия будущего и прошлого, и такой синтез двух России не ведет ни к утопии, ни к реставрации. Основа схождения этих двух России — настоящее, советский исторический опыт, который Сахаров пережил, придя к осознанию необходимости его преодоления. Идеальный возврат Сахарова к прошлому России, конечно же, не означает одобрения тех тоталитарных традиций, которые вылились в коммунистическую систему. Наоборот, это восстановление традиций либеральной демократии и реформистского социализма, которые были задушены в октябре 1917 года и которые сейчас, после краха коммунистического эксперимента, позволяют надеяться на будущее России, вернувшейся в семью европейских народов, где она не утратит своих специфических черт, сделавших ее европейской — на свой собственный лад. Впрочем, для каждой страны быть европейской значит быть таковой по-своему, ибо Европа — общая родина либеральной и социальной демократии, родина христианская, породившая, правда, тоталитарные яды, но и выработавшая противоядия, освободившие ее от двух самых чудовищных тоталитаризмов.

Сахаров — символ европейской России будущего, и его вклад в ее построение многообразен: интеллектуальный, моральный, политический. Он — символ уже существующей России, которая, как и он, продемонстрировала твердость, ум, мужество и доказала, что надежды сбываются.

ВЕНЕЦИЯ

Он принципиально отвергал насилие

Перелистывая страницы сахаровского наследия

Андрей Козырев,
министр иностранных дел РФСР

Андрей Дмитриевич Сахаров в числе первых в мире понял, что подлинный рычаг, который позволит перевернуть безумный мир с головы на ноги, составляет забота не о чистоте идеологических воззрений или военно-стратегических преимуществах, а об отдельном человеке. Последовательно выступая против идеологического унитаризма, А.Д.Сахаров не побоялся во всеуслышание заявить, что защита прав человека стала общемировой идеологией, объединяющей людей всех национальностей и самых различных убеждений.

Уже будучи в ссылке, он продолжал бросать вызов: «Я узнал о масштабах и цинизме, с которыми нарушаются гражданские и политические права в СССР, в том числе право на свободу убеждений и свободу информации, право на свободный выбор страны проживания (т.е. на эмиграцию и возвращение), на выбор места проживания в пределах страны, право на беспристрастный суд и защиту в суде, право на свободу религии».

Запомним этот перечень. Сегодня многие из названных нарушений уходят в прошлое, но дело, за которое боролся Сахаров, еще далеко от завершения. Я хочу напомнить высказанную Сахаровым и с поразительной точностью доказанную самой жизнью аксиому о том, что без соблюдения этих прав общество является «закрытым», потенциально опасным для человечества и обреченным на деградацию. Еще и еще раз вдуваемся в сахаровский призыв — бороться за права человека путем гласности, принципиально отвергая насилие.

А.Д.Сахаров видел не только наши, советские, но и глобальные проблемы современности в едином масштабе отдельной человеческой личности. Немало мессианских схем и воинственных доктрин было создано на основе подавления индивидуальности ради «самых передовых» классов, наций или верований. Догматические «измы» неизменно приводили народы к трагедиям. Сами результаты про-

никновения человека в тайны природы — будь то глубины атомного ядра или космические дали — превратились в источник глобальной опасности.

Выдвинутый Сахаровым важнейший тезис о неразрывной связи международной безопасности, международного доверия, соблюдения прав человека, открытости общества получил в послевоенный период двойное подтверждение. Первое — через негатив «холодной войны», неразрывно связанной с параноидальной психологией «осажденной крепости». Второе — через позитив первых же достижений гласности и демократизации, которые открыли путь для укрепления международного доверия.

Труден путь пророка

Сахаров, думаю, как и очень многие в нашем обществе, прошел трудный путь к прозрению. И, наверное, не случайно, что творческий гений физика был направлен в тот самый милитаризированный сектор, который и сегодня еще занимает непропорционально большую и экономически непосильную долю во всем нашем народном хозяйстве. Позднее Андрей Дмитриевич неоднозначно оценит свое участие в создании ядерной мощи СССР. С одной стороны, создание оружия, унавоживавшего появление аналогичного сверхсредства вооруженной борьбы у другой великой державы, было оправданно. Думается, в той мере, в которой это было необходимо с точки зрения нормальных интересов великого государства. А с другой — учитывая особый характер системы, господствовавшей в Советском государстве, — возникло немало сомнений. Но осознание порочности этой системы и исходящей от нее угрозы внутри и вовне далось позднее. Поначалу возникло, скорее, пацифистское отрицание оружия массового уничтожения.

Однако уже в характере этого отрицания вскоре проявился сахаровский не абстрактный, а конкрет-

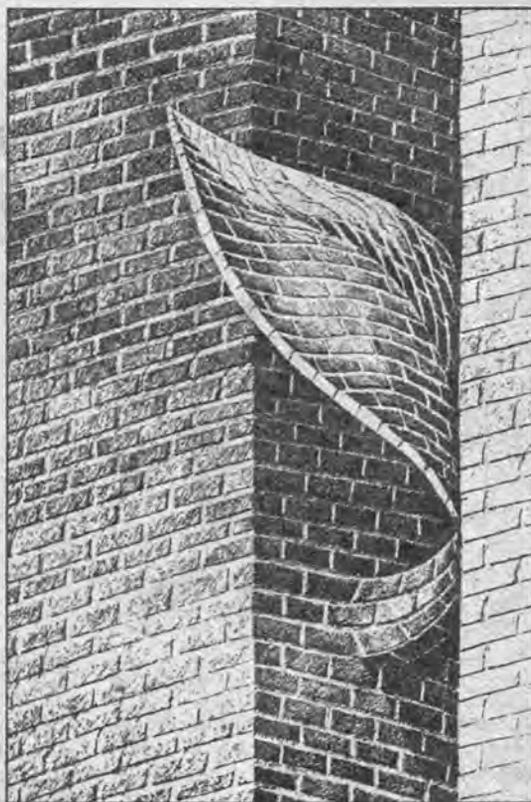

Рисунок Игоря Котельницкого (Израиль)

ный гуманизм. За разговорами о спасении человечества, важными сами по себе, но недостаточными для реальной политики, стала вырисовываться забота о праве на жизнь, а затем и обо всех остальных правах конкретного человека, индивидуальной личности. А как легко и благополучно в «борьбе за мир, против ядерной угрозы» прожили жизнь сотни, если не тысячи профессиональных политиков, журналистов и даже «народных дипломатов!» Перенеся заботу о спасении всего человечества на те его конкретные частички, которых система десятилетиями стремилась превратить в винтики советской государственной машины, академик Сахаров неизбежно познакомился с жертвами лагерей и психушек для инакомыслящих, он узнал о бесконечных мытарствах и унижениях «отказников», столкнулся с клеветой и преследованиями тех борцов за мир, которые решались говорить об этом, а не только об одной стороне — участнике гонки вооружений. В результате он сам стал изгоем.

Нужно было обладать стоической верой в свою совесть и в народ, чтобы выстоять перед нажимом и клеветой. И то, что миллионы людей в Советском Союзе видели и видят подлинное мерило политической честности в отношении к его идеям, остается убедительным предостережением для тех, кто и сегодня хотел бы восстановить старый закон и порядок. Одновре-

менно — и лучшим аргументом для оптимистов, несмотря на все сложности верящих в демократическое будущее. И неудивительно, что ныне, как и пять лет назад, звонок Генерального секретаря ЦК КПСС Михаила Горбачева в Горький диссиденту Андрею Сахарову с предложением работать вместе во имя демократизации остается символической точкой, в которой сходится вся острота политической борьбы в нашем обществе.

Романтика конкретных дел...

В отличие от столь привычных для нас рецептов всеобщего осчастливления общемировая идеология защиты прав человека не является убежищем от реальности или средством насилия над жизнью. Самая ее суть состоит в последовательной ориентации на общечеловеческие ценности, но не на декларативном, а на конкретном уровне интересов отдельных людей, конкретных народов и государств.

Нередко говорят, что Сахаров — романтик, человек не от мира сего, хотя и заслуживающий самого высокого уважения за своеобразное донкихотство. Сегодня то же можно услышать и в адрес другого российского пророка XX века — А.И. Солженицына, предложившего обустроить Россию через ее спасение от собственных же тоталитарно-имперских синдромов и возвращение на путь демократии, каким бы сложным и противоречивым он ни представлялся.

Эта реакция отторжения характерна для того идеологически зашоренного и нетерпимого ко всему (что не разрешено высшим начальством) человеческого типа, который получил меткое название «гомо советикус». Сегодня, однако, выделяется своеобразный подвид — «гомо демократикус» — с тем же бездумным комсомольским задором, сменивший набор идеологических заклинаний прошлого на фразеологию демократического типа. Это те самые «нетерпеливые лекари», предлагающие быстродействующие снадобья, которые, по меткому определению Сахарова, опаснее самой болезни. Их отличительные черты те же: непрофессионализм и нежелание вникать в квалифицированному совету.

Импровизаторство в политике уже дорого обошлось нашей стране. Любую, в том числе и более честную по направленности, политику нельзя делать наскоком и только по наитию, иначе она легко может превратиться в собственную противоположность. А.Д. Сахаров не раз подчеркивал мысль о том, что надо профессионально работать. И при этом противостоять соблазнам конформиз-

ма, общественно значимыми способами отстаивать права человека и гласность.

...и реалистический радикализм

Еще за десять лет до начала перестройки Сахаров отмечал, что в силу присущих ему свойств имманентной стабильности, инерции, страха и пассивности тоталитарный социализм — своего рода исторический тупик, из которого трудно выбраться. Значит, нужно волевое усилие. Если мы будем плыть по течению, говорил Сахаров при закрытии I Съезда народных депутатов СССР, убаюкивая себя надеждой постепенных перемен к лучшему в далеком будущем, нарастающее напряжение может взорвать наше общество с самыми трагическими последствиями. Думается, отказ союзного руководства от «программы 500» — одно из наиболее убедительных доказательств правоты данного предостережения. Если сегодня принципиальное согласие Президента СССР и руководителей девяти республик не воплотится в скоординированные действия по реализации радикальной экономической реформы, мы еще раз заплатим за непрофессионализм и нерешительность.

Хочется надеяться, что у нас хватит политического реализма и воли для того, чтобы память о прозрениях Сахарова стала воспоминанием о будущем, которое все-таки будет построено.

Приведем лишь некоторые из его мыслей, все еще сохраняющих свое назначение как постановка первоочередных задач:

— Армия не должна быть политической силой ни в одной стране. Всегда существует большая опасность, если армия самостоятельно выходит на политическую арену. Когда военный министр штатский, возможно, такая опасность в какой-то мере и уменьшается, но главное, чтобы была уменьшена вероятность военных переворотов.

— Функции КГБ ограничиваются задачами защиты международной безопасности СССР.

— Прямые выборы тандемом по американскому образцу.

— Перестройка — движение к плюрализму, в противном случае никакая это не перестройка, одни только слова.

— Мы все-таки должны действовать так, чтобы облегчить Горбачеву движение по пути перестройки и сделать невозможным, насколько в наших силах, скатывание вправо. Это — безотносительно к оценке личности Горбачева — только то, что сейчас исторически нужно.

— Основопологающим и приоритетным правом каждой нации и республики является право на само-

определение. Вступление республики в Союз... осуществляется на основе Союзного договора в соответствии с волей населения республики по решению высшего законодательного органа республики.

Единство в многообразии

Последовательное гуманистическое видение — а именно с этим мы имеем дело — охватывает мир как единое целое, воспринимаемое в многообразии языков, образов жизни, исторических традиций, национальных особенностей, массовых и индивидуальных верований и представлений. В органической связи с общей судьбой единой цивилизации находятся большие и малые народы Советского Союза, в том числе русский народ, «на плечи которого лег основной груз имперских амбиций и последствий авантюризма и догматизма во внешней и внутренней политике». Исповедовавший враждебность к окружающему миру тоталитарный социализм культивировал худшие черты народа, в том числе и тот существующий веками в России рабский, холопский дух, сочетающийся с презрением к иноземцам, инородцам и иноверам, который Сахаров считал величайшей бедой, а не национальным здоровьем. Лишь в демократических условиях, подчеркивал Андрей Дмитриевич, может выработаться народный характер, способный к разумному существованию во всё усложняющемся мире. Тем более что в прошлом России было немало прекрасных демократических свершений.

Подлинный реализм далек от не критического отношения и к другой системе. Сахаров не раз указывал на недостатки Запада, хотя и признавал его огромные достижения в строительстве плюралистической демократии.

Соответственно делался и вывод: пути общественного развития народов и государств сходятся на почве соблюдения цивилизованных норм демократического развития, отказа от насилия как средства выяснения политических, идеологических, духовных и иных споров. При этом не только не теряются национальные и иные особенности, но каждый народ раскрывает собственное неповторимое лицо, не противопоставляя себя другим, но вместе с ними, — отсюда и исторический смысл тех задач преодоления закрытости и нецивилизованности общества, которые решаются сейчас на одной шестой суши земного шара. И при всех трудностях мы обречены на успех, если, следуя сахаровскому завету, будем твердо и неуклонно отождествлять перестройку с плюрализмом, а плюрализм — с конвергенцией.

Тюрьма и воля

Правозащитное движение на перепутье

Валерий Абрамкин,
руководитель Общественного центра
содействия гуманизации
пенитенциарной системы

В 60–80-е годы правозащитные организации основное внимание уделяли нарушениям таких прав человека, как свобода эмиграции, слова, совести и так далее. Происходило это прежде всего потому, что мы работали в условиях жесткой информационной блокады и, естественно, не могли иметь полного представления о масштабах, структуре, характере нарушений прав человека в СССР. Теперь эта блокада прорвана — но правозащитная деятельность продолжается на старых направлениях. Новых как будто не существует. Хотя на самом деле старые направления — лишь маленькие ручейки в общем потоке нарушений прав человека. В нашем обществе существует целый ряд социальных объектов, где грубейшее нарушение прав человека носит массовый характер, где нарушаются права так называемой первой группы, то есть те, которые перечислены в Декларации прав человека. Это прежде всего право на жизнь, на личную неприкосновенность, запрет на рабство и содержание человека в подневольном состоянии, запрет на пытки или унижающие человеческое достоинство наказания. Уже потом в этом документе идут права на свободу передвижения, на свободу мысли, совести и религии. Думаю, перечисление прав человека декларацией в таком порядке не является случайным.

Безусловно, речь должна идти о полном соблюдении прав человека. Но столь же оче-

видно, что пытки, бесчеловечное обращение и положение, при котором подвергается опасности сама жизнь человека, делают прочие права излишними. А в наших тюрьмах, армиях, детских домах, домах инвалидов нарушаются именно права первой группы.

В пенитенциарной системе до сих пор существуют учреждения для внесудебных расправ. Лет тридцать назад в ГУЛАГе начали ставить эксперименты, продолжающиеся по сей день. Нам известно, например, что сейчас в стране существует не менее восьми «Белых лебедей» — тюрем, перенявших свое жаргонное название от первого учреждения такого рода, находящегося в Соликамске Пермской области. Это централизованные учреждения, в которые

направляются так называемые «отрицалово» — контингент наименее управляемых заключенных. Речь идет не о наиболее опасных преступниках, а о наименее управляемых. Наиболее опасные, кстати, как раз чаще всего управляются прекрасно, приходя даже на помощь администрации при расправах над «отрицалово».

Согласно действующему законодательству нарушители лагерного режима должны помещаться в так называемые помещения камерного типа (ПКТ) на территории самого лагеря. Лет десять назад ПКТ лагерей, находящихся в ведении Главного управления лесными исправительно-трудовыми учреждениями, начали сводить в отдельные заведения — по сути, тюрьмы. Цель — изолировать «отрицалово» от менее активного большинства заключенных, сломать его любыми средствами. С юридической точки зрения нарушение закона здесь очевидно: люди, приговоренные судом к содержанию в колонии, подвергаются несоизмеримо более тяжелому наказанию — тюремному заключению. Что же касается порядков, царящих в «Белых лебедах», о них лучше не говорить — там идет расправа над непокорными.

В целом в пенитенциарной системе надо отменить применение таких наказаний, как смиренная рубашка и самозатягивающиеся наручники. Применение, весьма широкое сегодня, этих наказаний противоречит Минимальным стандартным правилам обращения с заключенными, которые наше правительство обязалось выполнять.

Полной отмены принудительного труда в местах лишения свободы сегодня добиваться бессмысленно — никто у нас сейчас на это не пойдет. Но необходимо хотя бы отменить наказания за отказ от работы для женщин, имеющих грудных детей в домах ребенка при колониях, для беременных женщин, для инвалидов первой и второй групп, для несовершеннолетних. В местах лишения свободы находятся 50–60 тысяч заключенных этих категорий. Особых затрат

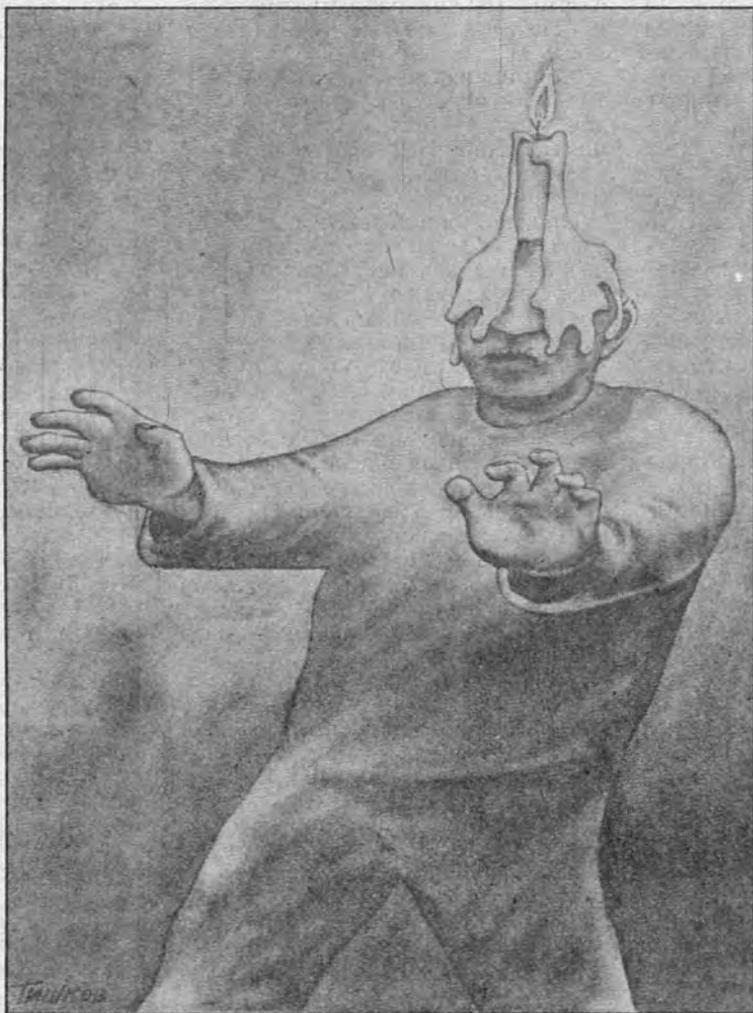

Рисунок Леонида Тишкова

от госбюджета такая отмена не потребует. Общество же будет избавлено по крайней мере от одного из самых ярких знаков рабства.

В армии, по данным специальной комиссии Верховного Совета СССР, созданной по Указу Президента, за 15 последних лет погибли 120 тысяч военнослужащих. Исключая жертв военных действий, межнациональных конфликтов и несчастных случаев, все остальные погибли в казармах в результате убийств и самоубийств. По данным этой комиссии, примерно 80 процентов погибших — результат «дедовщины», то есть казней, зверских изъятий, издевательств над людьми.

Одна из групп независимых социологов под руководством Сергея Белановского в течение трех лет проводила исследования по этой теме. И, в частности, проверила следственные дела о гибели солдат: только 4 из 96 решений Военной прокуратуры и Военного трибунала были признаны обоснованными! Кто может контролировать ситуацию с правами солдат? Местная власть, на территории которой стоит часть, такой возможности не имеет: ее на территорию части никто не пустит...

В приютах происходят совершенно отвратительные вещи. Расскажу только о той информации, которую получила Елена Арманд — участница правозащитного движения еще в 60-х годах. Она работала в специальном интернате для олигофренов, а если быть точнее — для детей, которые не справляются со школьной программой. По оценке Елены Арманд, положение там просто трагическое, потому что в эти заведения попадают дети вполне нормальные, просто педагогически запущенные. А вот там их калечат. Существует целая система превращения нормальных детей, которых можно, в общем-то, спасти — а таких там подавляющее большинство, — в натуральных дураков. Более того, детей, которые отличаются какой-то активностью, непослушанием, которые убегают из этих интернатов, спасаясь от избиений и истязаний (нормальное детское поведение), отправляют в психбольницы. Там к ним до недавнего времени применяли такие лекарства, как галоперидол, сульфазин. Если эти дети продолжают вести себя «непослушно», они попадают в Дом инвалидов, уходят при жизни в небытие, откуда выхода уже нет. Причем никакой серьезной психиатрической экспертизы при этом не проводится. Как правило, жертвами становятся дети, оставшиеся без защиты: у них либо

нет родителей, либо родители — алкоголики.

У нас нет механизмов защиты прав ребенка. Существуют комиссии по делам несовершеннолетних, которые занимаются наказанием родителей и детей. Но прав детей они не защищают.

В 60–70-е годы, то есть в условиях информационной блокады, проблемой прав человека у нас занимались более плодотворно. Хельсинкская группа, к примеру, ежегодно готовила десятки документов, и среди них были такие, где обобщалось положение с правами человека в той или иной области. И это при том, что шли постоянные аресты и членов группы оставалось все меньше и меньше... Сейчас помимо Хельсинкской группы существует комитет в Верховном Совете России, существует подкомитет по правам человека в ВС СССР, многочисленные другие комитеты по правам человека. И что же? Я по крайней мере не встречал ни одного обобщающего документа о соблюдении прав человека в СССР.

Тем временем на Западе получило широкое распространение мнение, что у нас достигнут прогресс в этой области. Откуда же там могут знать истинное положение, если мы о нем не говорим?

Мне кажется, пришло время пересмотреть всю концепцию деятельности правозащитных организаций. Я поддерживаю идею создания исследовательского центра по правам человека, которую сейчас пытается осуществить бывший политзаключенный Алексей Смирнов.

Правозащитная деятельность сейчас не менее необходима, чем 10–15 лет назад. Необходимо требовать всю информацию, связанную с соблюдением прав человека. Сегодня комиссия по «дедовщине», созданная президентом, не может такую информацию получить, чиновники им не подчиняются. А закона о свободе информации нет. Что же говорить о специалистах, которым такая информация нужна для работы? Данные, которые публикуются в печати, — заведомая ложь. У нас пишут, например, что в СССР 750 тысяч человек лишены свободы. Как нам удалось узнать, эта цифра не включает людей, находящихся в следственных изоляторах, на «химии», в лечебно-трудовых профилакториях, дисбатах, в специальных психбольницах. В мировой практике в число заключенных включаются все люди, свобода которых так или иначе ограничена. По нашим оценкам, в СССР их примерно полтора миллиона...

URSS - ITALIA

Belana®

Совместное
советско-
итальянское
предприятие
«ДММ»
предлагает
женскую обувь
предприятиям,
имеющим
свободно
конвертируемую
валюту.

*Обувь изготовлена
с использованием
импортных материалов
и технологии, по своему
качеству и дизайну
не уступает продукции
ведущих западных
фирм.*

**Интересующую
информацию можно
получить по адресу:**

**117418, г. Москва,
Новочеремушкинская ул., 58
телефоны: 128-09-03,
128-76-91
телекс: 411688 ОДМО
телефакс: 1204244**

«Наркотики — зло». Истинность этого суждения сомнительна. Ведь наркотики — это химические соединения, природные или синтезированные, сделать их «злыми» или «добрыми» может лишь приобщение к миру человеческих целей и ценностей.

Можно сформулировать иначе: употребление наркотиков — зло. Но и это вроде бы «более истинное» суждение по крайней мере не абсолютно истинно. Представления о зле и добре относительно. Пристрастие людей к наркотикам — благо для торговцев наркотиками, для производителей. Во многих странах Азии, Южной Америки выращивание мака или конопли — условие выживания для громадного числа крестьянских семей.

Употребление наркотиков — не обязательно зло и для самого человека, их употребляющего. Между употреблением наркотиков и наркоманией — психосоматической болезнью — огромная дистанция. Большинство людей, употреблявших или употребляющих наркотики, эту дистанцию целиком никогда не проходит. То есть они не достигают той роковой ступени, когда страсть к наркоту становится чуждой силой, как бы извне ломающей и насилующей волю.

Тогда остается следующая формулировка: злоупотребление наркотиками — зло. Это формула более мягкая, она выводит наркотики как таковые из числа «подозреваемых» и, несмотря на ее кажущуюся тавтологичность (зло есть зло), открывает возможность выработки новой стратегии борьбы с наркотиками.

В чем состояла и состоит традиционная стратегия? Это борьба именно против наркотиков и против употребления наркотиков. Слово «стратегия» здесь можно употребить в его прямом смысле — военная стратегия. Сводки с фронтов — из Боливии, из Золотого треугольника, из среднеазиатских республик — выглядят весьма впечатляюще. Газеты приносят известия о победах таможенников на безграничных пространствах Северного полушария — в Торонто, во Франкфурте, в Нью-Йорке, Москве.

Но столь же впечатляет, если вдуматься, и бесплодность этих побед. Ведь чем солиднее победа, тем крупнее масштабы наркотического бизнеса. Если десять — двадцать лет назад килограмм гашиша считался приличным трофеем, то сейчас речь идет о тоннах. Победы оборачиваются поражениями: перекрывается наглухо один маршрут транспортировки наркотиков —

тут же возникает новый. Удастся победить наркобизнес в одной стране — на скользкую стезю вступают две новых. Рынок, так сказать, не терпит пустоты. И итог всех этих сражений: число потребителей наркотиков и объем потребляемых наркотиков неуклонно растут.

Что еще растет? Число сотрудников полиции и милиции, занятых на наркотическом фронте. Деньги, выделяемые из общественных фондов для целей борьбы с наркотиками. Растет, разумеется, и риск торговцев и поставщиков, что отражается на ценах, которые, конечно же, тоже растут. Сверхценны в случае удаче гарантируют сверхприбыль. Как следствие, растет число рыцарей удачи. Это напоминает процесс образования снежного кома.

Но что еще хуже — растет так называемая «вторичная» преступность, связанная с добычей средств на наркотики. Наркотик сам по себе не толкает на преступление. Толкает на преступление необходимость добыть денег на покупку наркотика. И чем более строго и неумолимо государство преследует, карает, ставит вне закона тех, кто потребляет наркотики, тем более они оказываются отчужденными от общества, запутанными, без всякой надежды на избавление, в сеть, раскинутую подпольными дельцами.

Вся эта печальная реальность держится на незыблемой предпосылке, согласно которой наркотик — зло и употребление наркотиков — зло. Есть ли выход из заколдованного круга?

Я не буду слишком оригинальным, если скажу, что выход видится в «соединении» наркотиков с обществом. Вместо того чтобы ставить тех, кто употребляет наркотики, в положение преступников и изгоев, общество должно выработать общественно приемлемые и терпимые как дальними, так и ближними (как законом, так и соседями) способы «общения» с наркотиками.

Приемлемые и терпимые — не значит одобряемые и поощряемые. Разницу можно показать на таком примере. Употребление алкоголя (а это один из самых распространенных наркотиков) не поощряется и не одобряется обществом. Во многих странах запрещена реклама алкогольных напитков. Практически повсюду в мире существуют ограничения по возрасту приобретения, по времени, по месту продажи алкоголя. И вместе с тем употребление алкоголя приемлемо и терпимо. Он введен в «контекст» общественного существования: есть определенные обычаи, свои условности, негласные договоренности о том, что, как, когда, где, сколько можно пить, как себя вести при этом. Есть и сформулированные обществом представления о том, что такое злоупотребление алкоголем, как с этим злоупотреблением бороться: мерами законодательства, администрирования, воспитания.

Такая общественная регуляция гораздо плодотворнее, чем любая борьба за полное искоренение. Да и ясно уже: невозможно искоренить то, что укоренялось, вросло в плоть человечества тысячелетиями. Наркотики ведь так же стары, как само человечество. И история множества мертвых и живых культур, история религий и искусства — это кроме всего прочего и история навыков, способов, приемов жизни с наркотиками, а не борьбы за их искоренение.

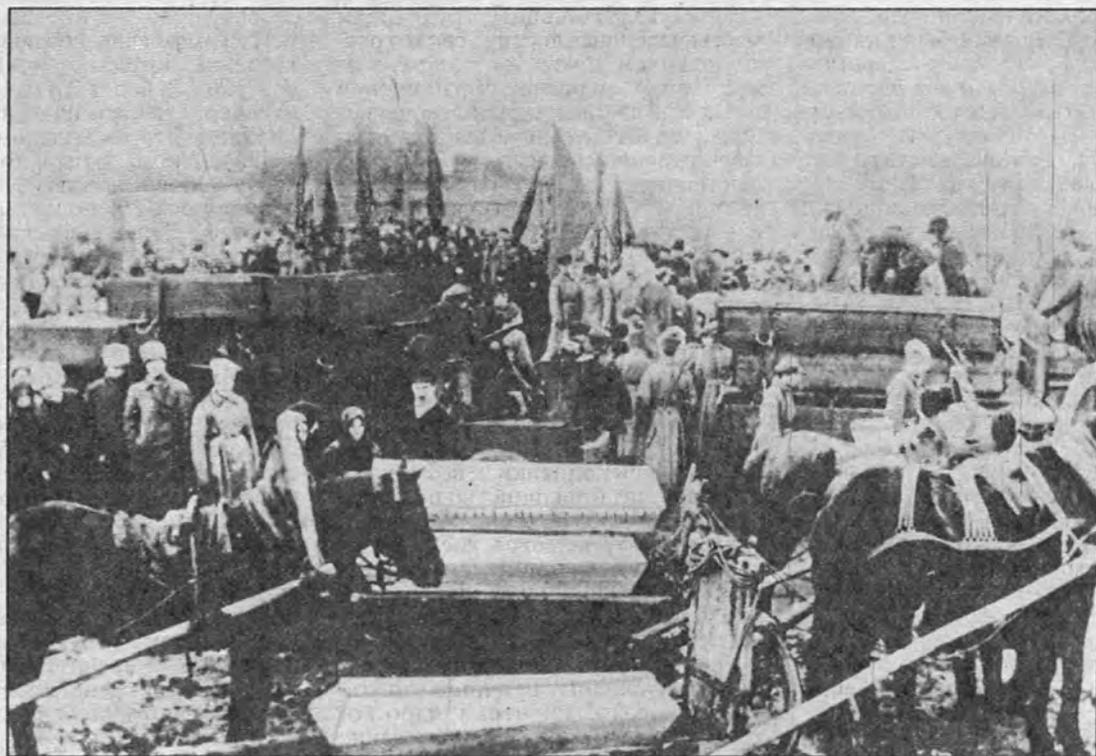
Вино тоже объявлялось злом. Было такое, и неоднократно. Но ведь люди научились пить вино, даже воспевать его. А ведь алые маки не менее поэтичны, чем виноградная лоза.

Жить с наркотиками?

Леонид Ионин

Революция продолжается — до реставрации

Похороны кронштадтских мятежников, 1921 год. Предупреждение большевикам

Леонид Люкс,
западногерманский политолог

Новая экономическая политика, начатая в марте 1921 года, — одна из немногочисленных попыток основательно реформировать советскую систему. Поэтому неудивительно, что советские сторонники реформ с самого начала перестройки уделяют этому периоду повышенное внимание. Из начала 20-х годов пытаются заимствовать стимулы для обновления сегодняшнего режима.

В первой фазе перестройки — примерно до мирных революций 1989 года в Восточной Европе, которые привели к отстранению коммунистов от власти, — вопросу о коммунистической альтернативе сталинской командно-административной системе уделялось особенно много внимания. «Прорабы перестройки» мечтали о «коммунизме с человеческим лицом». В связи с этим чрезвычайную популярность в перестроечной публицистике приобрела программа одного из главных сторонников нэпа — Николая Бухарина.

Процессы реформ, проводимые как «революции сверху», обладают внутренней логикой взлетов — и падений...

В 1988 году, когда праздновался 100-летний юбилей этого политического деятеля, отстраненного Сталиным от власти и в 1938 году казненного, в СССР можно было наблюдать своего рода бухаринский ренессанс. Этот соратник Ленина для многих воплощал светлую и «мягкую» сторону большевизма, в отличие от Сталина, воплощавшего доктринерство и терроризм. Командная система, созданная Сталиным на развалинах нэпа в 30-х годах, воспринималась советскими сторонниками реформ как новое издание системы «военного коммунизма», сложившейся во время гражданской войны на базе так называемого «красного террора».

Для некоторых авторов борьба между «военным коммунизмом» и нэпом представляет собой красную нить в советской истории. «Военный коммунизм» — это попытка насильственно приспособить общественную реальность к большевистской доктрине. Нэп, напротив, — приспособление доктрины к реальности.

Принципы и власть

На самом же деле большевики постоянно металась между этими двумя полюсами,

причем нередко они выживали благодаря своей способности к резким переменам курса, когда обстоятельства того требовали. Образцом такой перемены является и провозглашение в марте 1921 года новой экономической политики, которая должна была сменить политику «военного коммунизма».

В годы военного коммунизма (1918–1921) большевики воображали, что очень близки к достижению своей социалистической цели. Промышленность и банки были национализированы, частная торговля отменена, вся организация и управление экономикой централизованы. Крестьяне оказались во власти «продовольственной диктатуры», принуждавшей их к сдаче «излишков» (иногда речь шла практически обо всем собранном урожае). Только государство могло производить, распределять блага и распоряжаться рабочей силой. Деньги утратили какую бы то ни было ценность. Казалось, капиталистическую систему можно было считать окончательно преодоленной.

На этом фоне бóльшая часть большевиков восприняла переход от военного коммунизма к новой экономической политике, основные линии которой Ленин провозгласил на X съезде большевиков, как весьма болезненное поражение. В партии нэп сравнивали с униженным брест-литовским миром, заключенным в марте 1918 года. Тогда Ленин отказался от территории, чтобы выиграть время для спасения режима. Теперь критики упрекали Ленина в том, что он, дабы получить передышку, жертвует социалистическими принципами.

Отказ от «социалистических завоеваний», якобы достигнутых в ходе гражданской войны, нелегко дался Ленину, одному из авторов политики «военного коммунизма». В его политическом поведении было очевидно то же противоречие, что и в курсе созданной им партии: догматик, чуждый реальности, постоянно боролся в нем с трезвомыслящим политиком, стремящимся к власти.

И именно как защищающий власть политик Ленин понял в 1921 году, что путем уступок большевики смогут достичь гораздо большего, чем догматическим упорством. Ибо продолжение террористической политики «военного коммунизма» после победы большевиков в гражданской войне (конец 1920 года) в глазах подавляющего большинства населения было лишено какого бы то ни было оправдания. Спротивление крестьянства этой политике повсеместно нарастало, в нескольких губерниях крестьянские волнения уже достигли размаха новой гражданской войны.

Но последним предупреждением, которое получили большевики, было вспыхнувшее 1 марта 1921

года восстание кронштадтских матросов. С 1917 года Кронштадт был самым надежным бастионом революции. Четыре года подряд кронштадтские матросы воевали на всех фронтах гражданской войны. И вот теперь, после победы, «самый надежный бастион революции» восстал против большевистской диктатуры во имя советской демократии. Восставшие обратились к населению с воззванием: «Совершая Октябрьскую революцию, трудящиеся массы надеялись достичь своего раскрепощения. В результате же создано еще большее порабощение личности человека... стало очевидным, что РКП не является защитницей трудящихся, каковой она себя выставляла, ей чужды интересы трудового народа, и, добравшись до власти, она боится лишь потерять ее... Здесь, в Кронштадте, заложен первый камень третьей революции».

Уже в дни восстания Ленин провозгласил, что диктаторские меры в экономике были оправданы только на период гражданской войны. Теперь гражданская война окончилась, и поэтому продолжение прежней политики невозможно. Ее отвергает большинство русского населения, прежде всего крестьяне. Поэтому большевистское правительство должно пойти на максимальные уступки недовольным массам, с тем чтобы вновь завоевать их поддержку.

Одновременно в речи провозглашались основные принципы новой экономической политики, ядром которой составляло освобождение крестьян от принудительной государственной системы. Обязательства крестьян по отношению к государству ограничивались сдачей «натурального продналога». Излишки своей продукции они вновь могли продавать на свободном рынке. Нэп устранил ограничения и для частной экономической инициативы в некоторых других секторах. Были вновь приватизированы многие предприятия, национализированные в период «военного коммунизма». Единственным исключением была тяжелая промышленность. В этой области все предприятия оставались в руках государства.

Одним из результатов новой экономической политики было весьма быстрое восстановление русского сельского хозяйства. Если в 1920 году Россия достигла только 25 процентов от сельскохозяйственного производства 1913 года, то в 1925 году она уже вновь была на довоенном уровне. Крестьянские восстания, которые в 1921 году были повсеместным явлением, в 1922-м практически прекратились.

В оппозицию к себе

На ранней фазе перестройки, когда

борьба против сталинизма велась еще с помощью ленинизма, перемене курса в ленинской политике в 1921 году придавалось чрезвычайно важное значение. Многие авторы указывали на то, что в противоположность Сталину Ленин был наделен способностью открыто признавать собственные ошибки. Катастрофическое положение, в котором находилась страна в 1921 году, он не приукрашивал. Сталин в таких же ситуациях вел себя иначе.

И в самом деле, создание ложного пропагандистского мира, в котором действительность буквально была перевернута с ног на голову, можно вполне считать «вкладом» Сталина в развитие большевизма. Апологиеты Ленина, однако, упускали из виду одно обстоятельство. Хотя основоположник Советского государства и в самом деле был временами способен на самокритику, он был одновременно убежден, что только большевики имеют право исправлять собственные ошибки. Отсюда и перемены курса, которые так часто случались в истории советского режима и которые представляли собой эквивалент смены правительства. Выживание однопартийных диктатур зависит от того, в состоянии ли они в кризисных ситуациях как бы встать в оппозицию к самим себе.

Ленин обладал этой способностью и поэтому тем более не считал нужным идти на уступки настоящей, подлинной оппозиции. Сразу же после введения нэпа последовал запрет партий меньшевиков и социалистов-революционеров — последних легальных политических группировок в России, сохранившихся наряду с большевиками. Любая политическая деятельность вне большевистской партии была строго запрещена. И лишь за большевиками как «авангардом рабочего класса» сохранялась «ведущая роль» во всех важнейших политических организациях страны: в Советах, профсоюзам и так далее.

Усилия отдельных коммунистов — например, так называемой «рабочей оппозиции» — вывести эти органы из-под контроля партии или даже контролировать с их помощью партию извне Ленин категорически отвергал. Он клеймил такого рода попытки как пережитки анархосиндикалистского мышления в большевизме. В итоге партия, которая в 1924 году (в год смерти Ленина) насчитывала в своих рядах около 470 000 человек, представляла собой единственный политический субъект в огромной империи.

Именно поэтому идеологические дискуссии, сотрясавшие партию в 20-х годах, имеют непреходящее политическое и судьбоносное значение для страны. А в центре этих дискуссий стояла новая экономическая политика. К ее наиболее неприми-

Нэп был уничтожен одним росчерком пера. Предостережение реформаторам?

римым критикам относились левые коммунисты во главе со Львом Троцким, считавшие, что создание социалистической экономики, индустриализация возможны лишь за счет усиленной эксплуатации крестьян.

Особенно четко эти идеи были сформулированы единомышленником Троцкого — Евгением Преображенским в 1924 году: только за счет снижения жизненного уровня всего русского сельского населения можно найти средства для индустриализации Советского Союза. Крестьяне, считал Преображенский, должны стать своего рода внутренней колонией Советского правительства.

Такого рода тезисы решительно отвергались сторонниками нэпа, прежде всего Николаем Бухариным. Он неизменно подчеркивал, что в условиях России промышленность можно создать только на базе процветающего сельского хозяйства. В 1925 году он обратился к русскому крестьянству с призывом: «Обогащайтесь!», вызвав возмущение левых. Для них бухаринская программа означала реставрацию капитализма в России.

Сталин, занимавший с апреля 1922 года пост генерального секретаря РКП(б), сначала поддерживал линию Бухарина. Большинство членов партии считали так называемую «левую опасность» главной угрозой режиму. В декабре 1927 года, на XV съезде большевистской партии, левые окончательно были лишены власти, и сразу же вслед за этим Сталин вместе со всей своей фракцией круто изменил курс. В июле 1928 года он взял на вооружение тезисы

Преображенского и провозгласил, что финансировать индустриализацию России возможно только за счет снижения жизненного уровня сельского населения. На крестьян должна быть возложена своего рода дань. Это наверняка вызовет сопротивление крестьян, в первую очередь богатых, но умирающие классы, как учил Сталин, никогда не сдаются без борьбы.

История повторяется?

Стало ясно, что за «мягкие» годы нэпа большевизм ни в коей мере не отстал от своей воинственности времен «военного коммунизма». Его волонтеристско-утопическая энергия не угасла. Именно к этой энергии апеллировал Сталин. Он знал, что прокрестьянский курс Бухарина был абсолютно непопулярен у большинства большевиков. Этот курс как бы приговаривал партию к бездействию, к приспособлению к самым примитивным силам русского общества, что противоречило разработанной Лениным концепции партии как авангарда, который должен передавать и даже навязывать свою волю массам.

Бухарин настоятельно предостерегал партию от разрушительных последствий, которые мог повлечь за собой отход от новой экономической политики. Сталин намеревается возобновить военно-феодалную эксплуатацию русских крестьян, говорил он на пленуме ЦК в январе 1929 года. Для своей безопасности, продолжал Бухарин, Советский Союз гораздо больше нуждается в доверии крестьян, чем в создании тяжелой промышленно-

сти, ибо в случае войны пассивность, а тем более враждебность масс может быть крайне опасной для режима. 12 лет спустя, когда Красная Армия отступала под ударами немецких войск, это предостережение приобрело особую актуальность.

Однако до общественности драматические призывы Бухарина не дошли. Дискуссия по поводу новой генеральной линии партии и тем самым — о судьбе страны протекала почти исключительно внутри высших партийных инстанций. О наличии раскола внутри руководства общественность узнала только после официального осуждения фракции Бухарина на 16-й партийной конференции большевиков в апреле 1929 года. Так русские крестьяне потеряли последних защитников внутри властвующей элиты. Путь к экспроприации ста миллионов крестьян был открыт.

Та легкость, с которой противникам новой экономической политики удалось ее ликвидировать, воспринимается сейчас многими сторонниками перестройки как предостережение. Перед лицом усиливающихся реставраторских тенденций в стране внимание аналитиков все больше привлекают причины краха нэпа и гораздо меньше — истоки. Все отчетливее видны недостатки этой политики, прежде всего то, что ей не удалось обеспечить вновь введенные механизмы рыночной экономики нормами правового государства сверху и общественной автономией снизу. Произволу государства не были поставлены формальные пределы и после 1921 года. Поэтому властвующая элита смогла в 1929 году безнаказанно вернуться к доктринальному курсу.

Судьбы страны и народа — под угрозой, если они настолько зависят от расстановки сил в верхнем эшелоне. Сама эта расстановка неустойчива и изменчива, пока не работают демократические механизмы. Это наблюдение относится к печальному концу реформаторского курса Никиты Хрущева, но его можно без колебаний перенести и на нэп, и на перестройку Горбачева. Эти повторяющиеся сценарии свидетельствуют, что процессы реформ, проводимые как «революции сверху», обладают внутренней логикой. Они очень быстро переходят в реставрацию прежних порядков, если перемены начинают создавать мало-мальскую угрозу интересам правящего слоя.

Резидент возвращается... в ГУЛАГ

Дмитрий Александрович Быстролетов родился на рубеже века в семье графа Александра Николаевича Толстого. Получил принятое в аристократических семьях домашнее воспитание, которое шлифовалось в стенах Петербургского кадетского морского корпуса, затем первой мировой войной, двумя революциями, гражданской войной и эмиграцией. В 1925 году его привлекают за рубежом к работе в советской внешней разведке, и через 5 лет он становится профессиональным разведчиком, сотрудником нелегальной резидентуры в Европе. 12 лет закордонной работы, из которых 7 — под видом то разорившегося венгерского графа, то английского лорда, то афериста с греческим паспортом. С риском для жизни Быстролетов добывал ценнейшие разведывательные материалы, включая дипломатические шифры.

Во второй половине 30-х годов, когда сотрудники разведки подвергались жестоким репрессиям, когда некоторые разведчики оставались за границей, он без колебаний вернулся в Советский Союз. Искалеченный пытками (у него были переломаны ребра, пробит череп), подписал сочиненные следователем показания и был осужден на 20 лет заключения.

Как полный инвалид он был в 1954 году досрочно освобожден. В 1956 году реабилитирован, а в начале 1968 года завершил работу над своими воспоминаниями «Пир Бессмертных» — это 12 книг.

В 1968 году по долгу службы мне довелось рассматривать очерк, написанный Быстролетовым. С профессиональной точки зрения сюжет показался авантурным и мало правдоподобным. Обратился к архивам — материалы подтвердили реальность описываемых событий и незаурядность личности автора.

Мы встретились на служебной квартире. В гостиную неторопливой, слегка шаркающей походкой (следствие инсультов) вошел высокий седой старик с мягкой улыбкой, которую не скрывали усы и волнистая борода. Улыбались и голубые глаза, доброжелательно, но несколько настороженно.

Почувствовав в собеседнике заинтересованного коллегу по прежней профессии, с которым, не нарушая установленных в разведке принципов, можно открыто говорить, Дмитрий Александрович стал вспоминать. За несколько часов неторопливой беседы он рассказал о своих юношеских годах, нищете и унижениях в эмиграции, опасностях, неожиданных поворотах и радостях успехов в нелегальной разведке, муках в тюремных застенках, борьбе за выживание в лагерях.

Он не озлобился. «С работой в разведке связаны лучшие годы моей жизни. Я горжусь ими. Я рад, что вернулся в СССР, пусть на гибель, но сознательно вернулся, выполняя долг патриота. Я считаю, что прожил жизнь хорошую, и готов ее прожить так же еще раз», — писал Быстролетов.

После освобождения из лагерей Дмитрий Быстролетов не нашел поддержки и сочувствия у руководителей своей прежней службы, занятых реорганизацией послебериевского периода. Они ограничились соболезнованием. Ему назначили мизерную пенсию по инвалидности, дали комнатку в коммунальной квартире. Только после нашего знакомства в 1968 году к Быстролетову проявили внимание, заинтересовались его разведывательным опытом. КГБ помог получить квартиру.

Воспоминания Дмитрия Быстролетова будут опубликованы в журнале «Пограничник» и издательстве «Граница».

Георгий Соколов,
полковник

Дмитрий Быстролетов

Газик мчался по Ленинградскому шоссе от поселка Сокол к площади Дзержинского. Я сидел между чекистами и глядел на розовые тучки — занимался прохладный и светлый осенний день. Никто из спешивших на работу москвичей не знал, что мимо них везут невинно арестованного советского человека и этот человек... безмерно счастлив!

Да, в эти страшные минуты я был счастлив... Кончилось ожидание неизбежного ареста!

Я жил в новом доме, выстроенном Народным комиссариатом внутренних дел отчасти для своих сотрудников, находившихся в длительной командировке, преимущественно заграничной. Последние месяцы каждый вечер, как только темнело, к дому подъезжали машины и начинались аресты. Наутро управдом, встав на табурет, черной краской замазывал фамилии арестованных в списке жильцов, по тогдашним правилам висевшем у каждого подъезда. Позднее такие таблицы по всей Москве сняли.

Сначала в Иностранном отделе Главного управления государственной безопасности, где я работал, арестовывали малоизвестных мне людей. Придя домой, в разговорах с женой я только разводил руками: «Откуда у нас столько изменников и шпионов?» Но потом один за другим исчезли все старые начальники и мои товарищи, а сам я был переведен в совершенно гражданское учреждение, хотя и связанное с заграницей, — в Торговую палату. Но и там волны арестов уносили нужных и проверенных людей, опытных работников. Арестовывали явно по какому-то плану...

Жена приготовила узелок теплых вещей, миску и ложку, кое-какую еду — сахар, масло. Вечером мы ложились спать, но не могли заснуть до появления первой движущейся по стене полосы света. Вскваливали и бросались к окну, к щели между занавесями...

Мы топтались у окна всю ночь, пока под утро снова не включались моторы, темные фигуры сходили от подъездов к машинам, мазок мертвого света проползал по стене, и все стихало до следующей ночи.

И вот этот чудовищный кошмар вдруг кончился.

**«Оденете ватник,
возьмете лом...»**

На Лубянке меня заперли в «конверт» — помещение, похожее на телефонную буд-

ку, но теснее. Я услышал, как сотрудники НКВД переговариваются между собой, осматривая добычу.

— Костюмчики — сила.

— Об чем вопрос, тряпки правильные.

— Подай мне кожаную ту-
журку — я попробую!

— Сымай — порвешь, гад.
Кидай мне, я поуже в пле-
чах.

На мгновение я вспомнил
Лондон, магазин на Рид-
жент-стрит, где я купил эту
куртку... Было ли это в са-
мом деле?

— Сильный платок, а,
Иван? Смотри сюда!

Потом меня повели по узеньким
коридорчикам и сунули в неболь-
шую камеру на четыре койки без
окон. Там уже сидел стриженный
мужчина в черной телогрейке, ват-
ных брюках и грубых сапогах. Мы
обменялись рукопожатиями и на-
звали себя.

— Не слыхали моей фамилии? —
удивился незнакомец. — Я началь-
ник строительства в Норильске. И
такого города не знаете? Там
строится огромный завод и при нем
город на полтора тысяч жите-
лей. После суда вас, если не расстре-
ляют, могут послать туда.

— Зачем?

Незнакомец криво усмехнулся.

— Работать, милый мой иностран-
ец. Оденете ватник и будете ломом
бить вечную мерзлоту.

Я пожал плечами:

— Глупости! Я не виновен. Вас
арестовали и привезли сюда, веро-
ятно, по какой-то серьезной причи-
не. Вы и должны ожидать жесткого
приговора. А у меня — другое дело.
Меня пугают как следует, провер-
ят, убедятся в невинности и вы-
пустят. В Советском Союзе не осу-
ждают без вины. Это вам не капита-
листические страны.

Мужчина в черном скриннул зуба-
ми.

— Значит, я виновен, а ты нет?
Собака!

Он поднялся с постели. Я тоже.

— Не советую переходить на та-
кой тон. Я недурной боксер...

У него дрожали губы. Я вынул
пачку американских сигарет, заку-
рил и предложил ему. Бывший на-
чальник тяжело перевел дух.

— Отсюда никого не выпускают!
Раз вы зарубежный работник и арес-
тованы, значит, получите расстрел
или большой срок. За что? Вот за
то, что были за рубежом и много
знаете. Вас упрячут подальше. Вы
конечный человек! Как и я. Как ты-
сячи и тысячи белых негров на
стройке в Норильске. Тундра вас
быстро отработает без расстрела...

Начался скучный день. Меня все
время вызывали в отдел приема арес-

Дмитрий Быстронов до ареста и в последние годы жизни

тованных для тщательного обыс-
ка, заполнения анкет, фотографи-
рования, снятия отпечатков паль-
цев, мытья и стрижки наголо, для
медицинского осмотра. Всем этим
процедурам я подчинился совер-
шенно равнодушно. Какое мне де-
ло? Проверят и выпустят. Скоро я
буду дома. Но, несмотря ни на что,
проявил осторожность: в графе
«специальность» поставил только
«юрист» и не добавил «врач». Юри-
стом, судя по пьесе Погодина «Ари-
стократы», я могу устроиться где-
нибудь на стройке, а врачи в заклю-
чении, как я понял, свои, казенные.
К тому же окончившие два факуль-
тета у нас редки, им завидуют и не
доверяют.

Я аккуратно выполнял все фор-
мальности и возвращался в камеру
неохотно, потому что мой напарник
трещал без умолку, рассказывая
мне о лагерном быте. «Он боится за
себя, за свое будущее. Наверно, не-
спроста», — думал я, равнодушно
рассматривая его желтое, осунув-
шееся лицо.

Как чеховские три сестры

Почти тринадцать лет я проработал
за границей как сотрудник Ино-
странный отдела ГУГБ НКВД
СССР. Привлекли меня из аппарата
Торгпредства в Праге, я инсцениро-
вал отъезд в Москву и перешел на
нелегальное положение — стал про-
фессиональным разведчиком. Всту-
пать в партию, находясь за рube-
жом, я не хотел, оформляться в
кадры ГУГБ — тем более. Я писал
книги, которые надеялся издать до-
ма, в Москве, а также готовил свои
графические работы для выставки:
в последний приезд стал членом Со-
юза советских художников. Знание
многих иностранных языков, уме-
ние ладить с людьми сделали из
меня хорошего разведчика. Однако
сам я эту работу считал временной и
горячо мечтал уйти о Москве, как
чеховские три сестры, но только с

большим основанием. По-
путно окончил два факуль-
тета, побывал во многих
странах. «За выполнение
крупного задания большого
оперативного значения»
был награжден именован-
ным оружием, а позднее добро-
вольно остался один в стра-
не, где провалился очень
важный источник и откуда
отозвали всех других членов
нашей подпольной группы.
И это испытание кончилось
удачно.

Мне были обещаны вызов
в Москву, награждение ор-
деном, уход с работы и воль-
ная волюшка — живи дома и

занимайся чем хочешь! Я привез го-
товые материалы для двух книг и
пятьдесят картин, в основном из
Африки.

Но Родина остается Родиной, и тя-
желое время требует личных жертв.
Мне напомнили, что на данном мне
почетном боевом оружии не на-
прасно выгравирована надпись: «За
бесстрашие и беспощадную борьбу
с контрреволюцией». Я получил новое
задание — под видом голландца
выехать с женой в голландскую Ин-
дию, купить там плантацию и всту-
пить в голландскую профашист-
скую партию, затем перебраться в
Южную Америку и вступить там в
местную организацию гитлеров-
ской партии. Конечная цель комби-
нации — возвращение в Европу, где
на случай войны с Германией меня
свяжут с очень важным источником
в немецком генштабе.

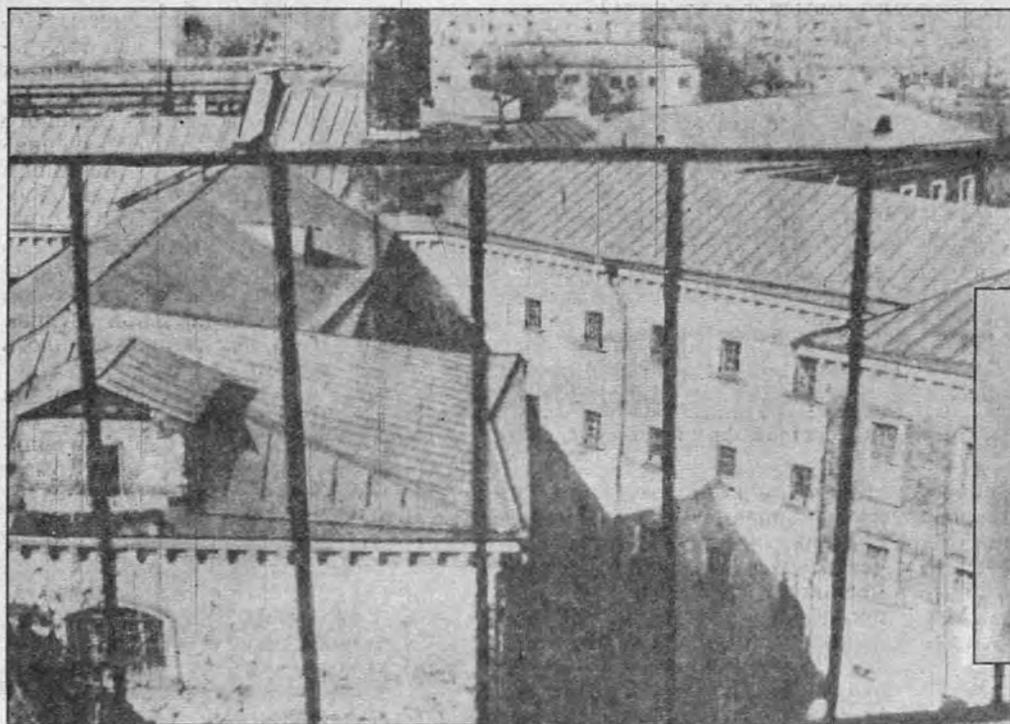
«Сталин и Родина вас не забудут»

В моем присутствии доклад об этом
назначении сделал наркому Ежову
начальник иностранного отдела
Слудский. Ежов внимательно выслу-
шал, взял синий карандаш, разма-
шисто написал на первой странице
доклада: «Утверждаю. Ежов», по-
том сказал:

— Мы даем вам лучший источник.
Цените это. Вы зачисляетесь в
кадры с присвоением воинского за-
вания. Подавайте заявление о приеме
в партию. О матери не думайте —
мы во всем ей поможем. Спокойно
поезжайте за границу. Помните:
Сталин и Родина вас не забудут. Ни
пуха ни пера!

Обнял, три раза поцеловал. Я вы-
шел взволнованный и воодушевлен-
ный.

...Потом начались повальные
аресты. При таинственных обстоя-
тельствах скоропостижно скон-
чался Слудский. Арестовали полков-
ника Гурского, начальника отделен-
ия, к которому я был приписан.
Были арестованы два моих зару-

Лефортово, где Быстрелетову переломали ребра и пробили череп

Нарком Ежов: «На кого вы работаете?»

бежных начальника — Базаров и Мали. Арестовали вызванных из-за ружья подпольщиков. Из наших рядов выхватывали самых лучших, талантливых и храбрых. Я стал ждать своей очереди. И вот — дождался...

Чернилами или кровью?

Под утро дверь начинала тяжело громыхать снова: она выплевывала обратно в камеру измученных допросами людей.

Дней через десять и днем (и то и другое считалось старыми опытными арестантами очень благоприятным признаком) вызвали наконец и меня. Я собирался как на бой и ожидал увидеть старого опытного следователя-иезуита или зверского молодого громилу с орудиями пытки в красных волосатых лапах. Но следователем оказался миловидный молодой человек без знаков отличия в петлицах — практикант, еще не получивший звания в аппарате ГУГБ. Просто и вежливо он попросил сесть и показал мне одиннадцатый выписок из протоколов допроса людей, учившихся в мои годы в Праге и вместе со мной состоявших в пражском отделении Союза советских студентов, бессменным секретарем которого я был до поступления на работу в торгпредство. Все одиннадцать утверждали, что я их завербовал на антисоветскую работу и давал шпионские или террористические задания. Когда и какие — неизвестно. Так, в общей форме — давал и все. Только один указал год и месяц, и я обрадовался: меня тогда не было в Че-

хословакии, я возвратился на месяц позднее.

— Ах так, — миловидный юноша равнодушно исправил дату.

— Как вы можете исправлять чужие показания?

— Я все могу, — промямлил он и углубился в чтение романа.

С тех пор каждую неделю он вызывал меня к себе часа на два и молча читал книгу, а я томился на стульчике против его стола.

— Часы набирает, они нужны вам обоим, — пояснил сокамерник. — Ему — как практиканту, тебе — как последственному. Жди спокойно, не волнуйся и не торопись: кости тебе будут ломать позднее, уже в Лефортовской! Здесь, в Бутырьках, это не разрешается.

Привыкнув к дневным вызовам, я спал с каждой ночью все спокойней и уверенней, пока однажды в полночь неожиданно вызвали и меня. Начинается!

Я сжался как пружина.

Но ничего не началось. Приятный молодой человек как всегда уселся за стол с книгой. Вдруг в комнату вошел приземистый пожилой чекист с тремя шпалами в петлицах. Его красное, угреватое лицо, очки и широкий рот мне не понравились: они делали его похожим на жабу.

Следователь и я встали.

— Признается? — бросил следователю вошедший, осматривая меня с ног до головы.

— Нет, — равнодушно промямлил юноша.

— Сколько допрашиваете?

— Три месяца.

На следующую ночь меня вызвали снова, но на этот раз с вещами.

Семьдесят голов повернулись за мной вслед, пока я пробирался к выходу. «Во внутреннюю!» — слышал общий шепот.

«Черный ворон». Лубянка. Хороший кабинет. Усыпанный орденями седовласый человек с розовым интеллигентным лицом поднимает голову и мягко разъясняет:

— Разговор с вами сегодня у нас будет короткий. Три месяца вы валялись дурака, пора и честь знать! На днях вы начнете давать нам нужные показания. Я вызвал вас, чтобы справиться, чем вы желаете их писать — чернилами или собственной кровью? Подумайте и решите сами. Это ваше дело, а не наше. Свою судьбу выберете сами. Если чернилами, то завтра днем попроситесь к следователю. Ваше дело поведет тот же человек и там же, в Бутырьках. Если вам нравится писать кровью, то не проситесь, и ровно в полночь вас доставят в Лефортовскую военную тюрьму...

Сначала ежовец, потом — коммунист

В Бутырьках на допрос вводят: арестованный, наклонив голову и заложив назад руки, идет по широкому, чистому и светлому коридору, устланному красным ковром-дорожкой. В Лефортово на допрос в олокут: два дюжих мордобойца заламывают руки назад так, что спина и голова сами собой наклоняются книзу, и бегом тащат арестованного по железному балкону и узкой винтовой лестнице в подвал. Там толчком ноги раскрывают дверь следо-

вательского кабинета и швыряют на стул перед столом следователя. Швырнут — и вытянутся сзади в ожидании, как два пса: следователь скажет, когда начинать р а б о т а т ь.

Так случилось и со мной.

Отдышавшись, я поднял голову и увидел за столом Жабу и рядом с ним молодого человека без знаков отличия в петлицах, еще одного практиканта, как две капли воды похожего на моего следователя в Бутырьках. Позднее по распискам в книге вызовов у входа в подвал я установил, что Жаба именуется полковником (капитаном госбезопасности) Соловьевым, а практикант — Шукшиным.

— Дай этому гаду лист бумаги и перо, — сказал Жаба помощнику. — Ты, фашистская морда, обвинение знаешь? Ты заговорщик, шпион, диверсант и террорист. Писать в означенном разрезе будешь?

— Нет.

— Я так и думал. Ты еще не понял, что здесь Лефортовская военная тюрьма, а не мусорный ящик, называемый Бутырькой. И допрашивать тебя будет ежовец. Слышал про Ежова — ежовы рукавицы? Слышал? В «Правде» дружеский шарж Бориса Ефимова видел? Заметил, что рукавицы с железными шипами? В этом разрезе заметил? Ну так вот я — сначала ежовец, а только потом коммунист! Ежовцы выше всех коммунистов и беспартийных, они опора товарищу Сталину, его гвардия. На любого человека в нашей стране есть закон и управа. Но не на ежовца. Мы сами закон! Мы сами для себя управа! Выше нас никого нет. Только Сталин.

Кулаки в крови и комсомольские значки

Он встал и подошел ко мне. Остановился. Я замер. Два парня крепко скрутили мне руки.

Одним ловким, сильным и метким ударом Жаба выбил мне несколько зубов. Я выплюнул их на ковер вместе с кровью и слюной.

Еще один удар.

Выплюнул зубы с другой стороны.

Жаба повернулся ко мне вполборота и стал рантами и каблуками сапог бить меня спереди по костям голени. Это было очень больно, и я даже не заметил, как практикант стал на колени, расшнуровал мои ботинки и снял их.

— Смотри дальше, фашистская гадина!

Жаба начал каблуками топтать мне пальцы на ногах.

— Думаешь, все? Нет! В этом разрезе только начинается!

Надзиратели зашли с двух сторон

и принялись бить меня так, что все поплыло перед глазами; моя голова моталась во все стороны, я видел только их красные от моей крови кулаки и комсомольские значки на груди. Потом меня свалили со стула и били сапогами в живот.

Острая боль от отдельных ударов слилась в одну протяжную тупую боль. Стало легче — сознание понемногу выключилось, и я чувствовал себя как мешок, который туда и сюда швыряет какая-то мощная машина.

Наконец они устали. Разогнули спины. Подошли к раковине, смыли кровь с рук, умылись. Плескались долго и с наслаждением.

— Будешь писать?

Я хотел сказать «нет», но не смог — губы опухли и не шевелились. Глаза заплыли.

— Ладно, на сегодня в этом разрезе с него хватит.

Мордобойцы волоком оттащили на койку...

Русский Марат

Я начал давать показания, которые они от меня требовали.

Во время одного из допросов дверь сзади меня открылась. Соловьев вскочил, вытянулся и щелкнул каблуками:

— Товарищ народный комиссар, допрос арестованного шпиона Быстролетова ведет следователь капитан госбезопасности Соловьев.

Ежов подошел к столу. Я изумился: так сильно он поседел и пожелтел за это время.

— Признается?

— У меня они все признаются. Работаю в таком разрезе, товарищ народный комиссар!

— Правильно. В пользу скольких держав?

— Четырех, товарищ народный комиссар.

Ежов косо посмотрел на меня. Наши взгляды встретились. Узнал?

— Мало.

И маленький человечек со шрамом на лице, русский Марат, как он любил величать себя, засеменил из комнаты.

Мы сели.

— Сильно сдал Николай Иванович: поседел, пожелтел...

— А ты его знаешь?

Я рассказал о трехкратном поцелуе.

— Я недавно в вашей следовательской уборной мельком видел себя в зеркале и сейчас понимаю, что эти месяцы мне дались легче, чем ему, — сказал я.

Соловьев исподлобья взглянул на меня и ничего не ответил. Потом молча dokonчил оформление дела и нажал кнопку звонка...

ВНИМАНИЮ ДЕЛОВЫХ ЛЮДЕЙ!

ВЫ ХОТИТЕ начать производство товаров и услуг, взяв на вооружение оригинальные, нетрадиционные идеи умельцев и новаторов?

МЫ ГОТОВЫ ВАМ ПОМОЧЬ!

**В наш каталог
«СОВЕТЫ
УМЕЛЫХ»**

отобрано более 800 публикаций с описаниями, схемами и чертежами поделок, инструмента, станков, приспособлений, малой техники и другого оборудования для быта, строительства, изготовления простейшей мебели, домов, дач, саун, хозяйственных построек, теплиц, хранилищ, водоемов, скважин, описания старинных ремесел.

В каталоге Вы найдете оригинальные и нетрадиционные решения стоящих перед Вами задач, основанные на опыте известных мастеров и умельцев. Информация проста, доступна всем для внедрения.

Вы получите доступ к этой информации, ознакомившись с нашим каталогом «Советы умелых»!

Каталог можно заказать по адресу: 117279, Москва, а/я 77.

Для получения каталога необходимо перечислить МП «Эра» 200 руб. на счет 345179 в Трансэкспобанке, корр. счет 161829 в МГУ Госбанка РСФСР г.Москвы, МФО 201791.

Наш каталог — ключ к бесценному кладу народной мудрости и смекалки!

© НОВОЕ ВРЕМЯ DESIGN

Рубрику ведет
обозреватель «НВ»
Ростислав Золотарев

Иван Христофорович Озеров — выдающийся русский экономист, юрист, политический деятель, а к тому же еще и литератор (его беллетристика публиковалась под псевдонимом З.Ихоров). Сведений о жизни Озерова после 1922 года нет, дата кончины не установлена (наши разыскания тоже результата не дали). Можно предположить и худшее: выжить со своими убеждениями, не подхитившими властью предрержащим, удавалось не столь многим. Вожди, правда, предлагали «жить дружно», звали «спецов» к сотрудничеству (занимаясь при этом и «спецееством»). Товарищ Бухарин, например, при этом добав-

лял: «Надо повернуть только в определенную сторону». И в отличие от кота Леопольда ненавязчиво напоминал «мышам» (так частенько называли «спецов»): «Мы так захватили позиции, что никто не сможет повернуть против нас».

Экономисты, которые не утратили здравого смысла, которые надеялись, что с нэпом возможен будет поворот к нормальному развитию хозяйства, те ученые, которые объединялись вокруг питерского «Экономиста», московского «Экономического возрождения» и других, — все они так или иначе были обречены. И те, кто ратовал за возврат к «капитализму» (не вкладывая в это слово никакого идеологического смысла), и те, кто отстаивал социализм на «нормальных», то есть рыночных, экономических основах. Вожди считали, что «иметь» никому не надо, но они-то могли

позволить себе внешне быть почти аскетами: зачем обладать мелочью, когда у ног — вся страна...

Те же, кто заботился о стране — и о ее богатстве, и о благополучии народа (да еще либо говорили о «капитализме», либо пользовались такими кощунственными словами, как «прибыль», «капитал», «оборот»), — представлялись врагами. Среди них оказался и Иван Озеров, сын бедного крестьянина Костромской губернии, проделавший путь до профессорской кафедры, ставший одним из крупнейших в стране авторитетов по финансовому праву, бюджетной политике и налогообложению, избранный в 1909 году членом Государственного совета...

Сегодня мы знакомим читателя с сокращенной версией его очерка «О регулировании денежного обращения», опубли-

ИЗ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
МЫСЛИ

XX

ВЕКА

ликованного в 1922 году в печальной судьбы журнале «Экономист» (№3). Статья общает опыт первых лет нэпа и показывает тщетность «гибридизации» хозяйственных укладов — естественного и искусственного. И хотя иные суждения автора для нынешнего момента не особенно актуальны (нет уже золотого стандарта, изменились многие факторы хозяйствования), звучит статья необычайно современно.

Деньги, товар и хозяйственный кошмар

Иван Озеров (1869 — ?)

В атмосфере катастрофического падения рубля и общих ненормальных условий все приобретает спекулятивный характер. Прежняя политика советской власти в денежном вопросе с точки зрения создания коммунистического государства была правильной, если бы этот строй осуществился, то есть если бы назрели для этого условия, но их, увы, не оказалось... И теперь деньги мы почти аннулировали (или сильно обесценили), а коммунистического строя не создали, наоборот — возвращение к капитализму выдвигает вопрос о необходимости восстановления здорового денежного обращения. Когда Витте у нас решил восстановить денежное обращение, какая система сложных мер потребовалась! Прежде всего он сделал бюджет бездефицитным, жестоко урезывая требования ведомств, пренебреженно исчисляя доходы, и таким образом получил превышение доходов над расходами. Это было жестоко, но, быть может, в известной степени необходимо...

У нас бюджет долгое время будет дефицитным: теперь происходит в нашем народном хозяйстве разрушение ценностей — мы не сменяем шпал, не ремонтируем домов, складочных помещений и тому подобное; когда же процесс разрушения достигнет известных размеров, мы должны будем произвести эти расходы, и тогда сразу откроется зияющая дыра в нашем бюджете, которую нечем будет заткнуть. Труд служащих и рабочих у нас недоплачен, и опять, с течением времени, когда организм будет истощен, надо будет здесь повысить норму оплаты (на почве истощения организма у нас повышенная заболеваемость, пониженная работоспособность и так далее). Это дефицит не только в бюджете, но и в народном хозяйстве — и дефицит растущий. И мы с новой бюджетной политикой уменьшения дефицита загоняем теперь дефицит из бюджета в народное хозяйство...

Чтобы поднять курс рубля, надо усилить работу для него, то есть поднять темп экономической жизни, и вот почему Витте повел политику развития экономической жизни, привлечения к нам иностранных капиталов... Была установлена вывозная политика (с понижением железнодорожных тарифов на вывоз товаров). Приняты были меры к накоплению золотых запасов, введены депозитные квитанции и, наконец, были разрешены сделки на золото. Эмиссия была сокращена.

В настоящее же время эмиссии безграничны. Денег — много, но количество объектов сократилось, так нельзя делать сделки с землей, с бумагами, с валютой, с домами и так далее, и самое количество товаров сократилось. Итак, объем работы для бумажных денег сократился, а количество последних неизмеримо возросло. И, несмотря на это возрастание эмиссии, ценность массы выпущенных бумажных денег падает... Кроме того, и цены многих предметов, будучи выражены в золоте, выше, чем это было ранее. Этим объясняется оригинальное явление: много, неизмеримо много выпущено кредитных билетов, а в то же время — общее безденежье.

С новыми выпусками кредитных билетов полезная работа всей суммы бумажных денег, выпущенных у нас в обращение, будет сокращаться, и, следовательно, еще острее будет чувствоваться безденежье: тогда еще резче и быстрее будут рваться связи между отдельными хозяйственными ячейками, и скоро может наступить общий паралич экономической жизни страны: товары, как сгустки крови в организме, будут залеживаться в разных местах народнохозяйственного организма страны и не будут в состоянии перебрасываться туда, куда нужно. Новым выпуском не угнаться за обесценением денег. Новая экономическая политика, вызвав старые запасы на рынок, сделала опять в процессе обесценения денег зигзаг вниз, а когда эти запасы будут истреблены, эта линия будет подниматься вверх.

Деньги у нас падают и от инфляции, и от недопроизводства. Правительству следовало бы опубликовывать хотя раз в месяц размеры своей эмиссии, иначе эта таинственность подает, быть может, повод к преувеличенному толкам. Гласность была бы лучше всего...

При безграничном выпуске бумажных денег мы имеем дело с так называемым *пессимистическим вычетом*. Об оптимистической надбавке писал профессор Петражицкий, говоря о бирже (Л. Петражицкий — известный юрист, социолог, психолог. — Ред.). Каждый игрок на повышение должен делать такую надбавку, веря в повышение своих бумаг. Теперь же делают пессимистический вычет, так как знают, что деньги будут падать, и тем больше будет этот вычет, чем дольше известной группе лиц придется отсрочить момент превращения получаемых ими денег в товары; так крестьянин продает сейчас хлеб, яйца, молоко, но при неорганизованности нашей торговли он далеко не всегда найдет на рынке нужные ему продукты: ему приходится откладывать их покупку, и он инстинктивно делает скидку с денег. При истощении товарных запасов и при разобщении покупателя и товара ценность бумажных денег будет падать; пессимистическая надбавка будет расти.

Итак, для урегулирования денежного обращения нам нужно сократить эмиссию, поставив ее в *определенные рамки*; но этого мы теперь сделать не можем, так как наш бюджет дефицитен; сейчас все хотят торговать, но не работать. Нам нужен активный торговый баланс (и при Витте у нас он был), а мы имеем пассивный, нам нечего вывозить. Мы вывозили хлеб, яйца, ячмень; теперь у нас нет ничего, нам надо еще восстановить наше хозяйство, а товары, которые у нас имеются за границей, неособенно приобретаются, многие пока отшатываются от них...

Да мы не можем вообще поднять нашу промышленность теперь: для этого нужен кредит, а для кредита нужен объект, обеспечивающий заемные суммы, а его нет — без частной собственности; в этой области военный коммунизм еще не ликвидирован по существу, хотя начатки ликвидации и имеются. В коммунистическом государстве нет и не может быть кредитной системы, правильно и широко поставленной, здесь может лишь быть кредит, покоящийся на *личном доверии*; но когда люди живут в тисках голода и холода, то и честность у них атрофируется, ибо вообще в тяжелых условиях умирание начинается с высших клеточек, как более тонких, а мы все теперь сифилизируемся бациллами лени-ничего неделания, воровства и взяточничества.

А без кредита наша промышленность обескрылена, *обескрылены* все мы, мы не понимали прежде этого значения собственности, как *крыльев* для нашей работы: риск потерять свою собственность стимулировал к работе, заставляя людей напрягать все свои силы...

В прежнее время банки и сберегательные кассы играли роль предохранительных клапанов, роль почек в организме, подхватывающих его отбросы; при болезни почек происходит заражение организма этими отбросами. Так и при разрушении банков и сберегательных касс произошло заражение народного хозяйственного организма излишками выпущенных кредитных билетов. У нас все эти *предохранители* уничтожены, здесь скапливались эти отбросы, эти «гуляющие» деньги, и министерство финансов легко могло их изымать, *нейтрализовав* путем выпуска внутренних займов. Теперь некому выполнять эту целительную функцию, и вся промышленная жизнь — в параличе, так как нет у нас твердого измерителя себестоимости. Мы, как мудрый брамин, видя, что дело с себестоимостью обстоит плохо, разбили этот измеритель, как брамин разбил увеличительное стекло, когда ему его подали, и он увидел, что, как он ни остерегайся, а при питье воды он поедает

много живых существ: чтобы совесть его не беспокоила, он разбил этого немощного свидетеля его неуспеха в достижении исполнения закона. Так поступили и мы.

У нас деньги не есть орудие накопления средств, это было правильно в коммунистическом государстве — там надо было поставить препоны к созданию новой буржуазии, но если мы вынуждены возвращаться к капитализму и ... не имеем *твердого измерителя* ценностей, то такой капитализм — ни Богу свечка, ни черту кочерга, так как без твердого измерителя невозможна калькуляция, невозможна правильная работа, а без легкого портативного орудия накопления нет и прочного стимула к работе.

Деньги у нас теперь лишь простое *циркуляционное средство* (т.е. средство обращения. — Ред.), все от них отмахиваются, все как бы боятся долгое время держать их в руках. С этим нельзя не согласиться, ибо держать в руках падающую валюту — бессмысленно, это все равно что стремиться сохранить тающий снег в руках.

Опять для урегулирования денежного обращения нужно развитие нашей золотой промышленности, но здесь требуется создание крупных комбинированных (т.е. совместных. — Ред.) предприятий, а мы опять сами одни сделать ничего не можем. У нас теперь и прежние предприятия плохо ра-

ботают, создавать же новые нам одним не под силу... Но упавшая валюта свою разрушительную работу уже сделала, она разорвала связи полученных ячеек между собой, ослабила хозяйственную энергию, а общие условия нашей общественной жизни парализовали наше сердце, то есть желание работать, я имею в виду паралич частной энергии. Золотые же запасы растаяли, так как мы больше ввозили, а мало вывозили...

И пока мы не создадим устойчивой валюты, к нам иностранный капитал в *сколь угодно* значительных размерах не пойдет, потому что полученные им денежные знаки (лишь расчетные к тому же) ему не нужны, он на них не может купить ни земли, ни дома в городе, ни акции, и, следовательно, дело у нас хуже, гораздо хуже, чем в любой *капиталистической* стране с упавшей валютой; там можно полученные вами бумажки стабилизировать, закрепить, превратить бумажные деньги в реальные ценности (в землю, в дома, акции и так далее). У нас же круг этих объектов очень ограничен...

Правда, у нас эти наши деньги могут-де превращать в *сырье* и его вывозить, но сырья-то нет, надо его еще произвести, затем при национализации внешней торговли (пока она еще существует) и расстройстве экспорта самый вывоз сырья затруднителен. Я не отрицаю, что известное количество прибыли, получаемой в бумажных деньгах, может быть опять реализовано, но опять сфера его приложения очень ограничена, и, следовательно, сфера приложения у нас иностранных капиталов очень узка. Россия непривлекательна для иностранных капиталов даже с этой стороны. Я уже не говорю о других запорах с железными замками, хотя бы о нашем рабочем законодательстве — ведь не даром давно уже вопрос был поднят о создании международного рабочего законодательства, защищающего труд; в этой области сепаратные резкие отклонения недопустимы... Нужно с этим считаться, иначе иностранный капитал к нам не пойдет.

В аренду предприятий идет у нас не солидный капитал, а *спекулятивный* (даже и тот потом часто отказывается), строящий здесь свою прибыльность нередко на преуменьшенном исчислении инвентаря арендуемого предприятия: этой разницей он пользуется или намерен воспользоваться; правда, вся эта работа капитала у нас рискованна, но в этом огне рождается новая буржуазия с хорошо развитыми *защитительными* органами (этих последних наша прежняя буржуазия не имела — она вы-

Национализированная промышленность — это нахлебник-вампиры, который тянет соки и из экономики, и из людей

рачивалась в тепличной атмосфере, вот почему она и не могла защищать свои позиции и при первом же наступлении на нее их бросила — новая буржуазия будет более вооружена для защиты завоеванного ею положения при таких тяжелых условиях)...

Вообще в нашей атмосфере нет места для здорового производства; есть производства, где львиную долю будет играть незаконное приобретение (указанное выше неправильное составление инвентаря или незаконное приобретение топлива, сырья), а может быть лишь торговля, то есть операция коротким ударом. И то с торговлей у нас много хлопот, и приятнее заняться просто спекуляцией на золото, алмазы и тому подобное. Это — сифилизация России, Россия превращается в спекулятивный дом и этому будет способствовать посылу, то есть в силу своих средств, и Госбанк. В этой атмосфере невозможен даже целевой промышленный кредит: всегда будет соблазн дать другое назначение полученной ссуде — употребить ее на спекуляцию, и нельзя же за каждым заемщиком установить постоянный надзор, чтобы он не купил на данную ему ссуду золота или товара. И товарный кредит получил спекулятивный характер в значительной своей части в Госбанке... Работа продуктивная невозможна будет в России, пока не притекут иностранные капиталы к нам и пока не пробудится наша энергия к работе, а эта последняя будет, когда на деньги можно будет купить что-нибудь постоянное (настоящую реальную ценность), чтобы работа получила стимул. И характер человека у нас портится: сейчас выращиваем не людей-творцов, а спекулянтов, как при старом режиме мы выращивали людей-зайцев, теперь, правда, мы растим не спекулянтов-зайцев, а головорезов-спекулянтов... (Хотя), положим, в этом выращивании дерзостной воли к жизни есть плюс...

...До сих пор бюджет был сплошной дефицит, одна дефицитная дыра, и пока что об урегулировании эмиссионного права у нас не может быть и речи. Правда, вводится много тяжелых налогов, но не создается источника, из которого можно их уплачивать, и когда население для уплаты налогов расстанется и с последними своими пожитками, то у него ничего не останется...

С обесценением денег будут разрываться те каналы, по которым товары переходят из одного хозяйства в другое, и питательные вещества, нужные для народного хозяйства, долго будут оставаться неиспользуемыми, в форме товаров, не находящихся себе покупателей; с обесценением денег не будет той силы, которая могла бы их привести в движение и предоставить в пользование других, и это приостановит всякую продуктивность работы, и теперь в России — один большой игорный спекулятивный дом, где одни делают вид, что работают, — и не работают, другие берут взятки — и этим живут, третьи — спекулируют.

Но все же в этом есть и хорошая сторона, так как наш апатичный характер делается более подвижным и санкционируется всякий труд, и в будущем это войдет в привычку, и у нас не будет рантье...

Сила вещей приводит нас опять к капитализму, и мы вочию убеждаемся, что, пока люди таковы, как они есть, народное хозяйство, пожалуй, напоминает известную куклу под названием «Ванька-встанька»: как ее ни отклони в другую сторону, она все равно после известных колебаний примет прежнее положение...

Итак, надо признать, что бумажные деньги катастрофически обесцениваются и может наступить время, когда они не в состоянии будут выполнять даже роли циркуляционного средства. И потому надо принять решительные меры к поднятию их ценности и сокращению эмиссии.

Но, помимо всего этого, расстройство валюты при-

дает часто у нас всему спекулятивный характер, отвлекает от производства, и потому надо создать немедленно устойчивое мерило ценности, а это можно сделать, за невозможностью придать устойчивый характер нашему бумажно-денежному обращению, лишь допустив сделки на золото, серебро и иностранную валюту (доллары, фунты, франки и т.п.) и тем самым дав им работу, иначе они, как безработные, бегут из России за границу; получив же здесь работу, они останутся здесь и будут накопляться, и это будет окрылять к работе русских людей. Надо допустить вклады в золото, серебре и тому подобном с начислением процента опять-таки в этих ценностях. Это вызовет из кубышек металлические деньги, и, в известной степени, заполнятся ими капиталы обращения. Необходимо допустить экспорт товаров частными лицами, ибо это является средством привлечения к нам из-за границы золотой и серебряной монеты и иностранной валюты. Всякое промедление здесь вредно: много уйдет от нас золота за границу...

Деньги стали только номинальным средством обращения — да их-то и в руки взять неловко: не металл, даже не бумага — просто воздух

Теперьшая система народного хозяйства, сочетая элементы коммунистического строя и капиталистического, является уклонком, объединяющим в себе лишь невыгодные для продуктивной работы черты того и другого порядка, а именно: из коммунизма мы ввели и удерживаем уничтожение института частной собственности (с национализацией предприятия), что лишает лиц основного стимула и самого сильного хозяйственного глаза, личной заинтересованности...

От капиталистической системы хозяйства мы взяли опять худшее — испорченную денежную систему, придающую всей нашей деятельности спекулятивный характер, и потому наше народное хозяйство сейчас — в положении неустойчивого равновесия, в положении усеченного конуса, стоящего острием, и оно должно мотаться направо или налево. По-видимому, мы склоняемся направо, тогда нужно быть решительными здесь и взять все предпосылки капиталистического строя — вплоть до восстановления института частной собственности, который даст стимул к плодотворной работе.

И наш бюджет нельзя сейчас исправить при такой уклоночной системе народного хозяйства. Наш бюджет дефицитен — его поедает национализация промышленности, этот дорогой нахлебник-вампир... Этот вампир поел все и в карманах населения, и нет у населения источника, из которого оно могло бы платить налоги, и потому у нас сфера обложения очень сужена (то есть обложения такого, какое может выдерживать плательщик), недаром мы и видим закрытие магазинов, булочных и тому подобное.

Итак, нам надо прежде всего восстановить к себе доверие, как внутри страны, так и за границей, и добиться признания власти за границей, и тогда, быть может, мы получим за границей заем, обеспеченный нашими естественными богатствами, что поможет нам стабилизировать курс нашего рубля, а это откроет дорогу ко внутренним займам, путем коих мы в состоянии будем извлекать излишние бумажные деньги.

Нам надо, далее, вернуть населению привычный для него стимул к работе и создать условия хозяйственного ведения дела. Нам надо разгрузить наш бюджет от высасывающих из него кровь вампиров. Нам надо ввести обложение в должные рамки, чтобы оно не превратилось в орудие ухудшения начинающейся у нас торговли и промышленности... Обложение должно сообразоваться с доходом плательщиков. Всякая иная политика близорука и убийственна для страны...

Одна из наиболее скандальных личностей времен перестройки, основатель и лидер Демократического союза **Валерия Новодворская** записалась в Радикальную партию (на 1991 год).

Возглавляемый Новодворской Демократический союз всегда пользовался у официальных властей дурной славой. Его члены чаще представителей других партий попадали в камеры предварительного заключения в отделениях милиции, например, в окрестностях Пушкинской площади. Не раз задерживали и саму Новодворскую.

Не поддерживают Демсоюз и умеренные демократы. Этому в немалой степени способствовали высказывания лидеров ДС. В одном из интервью Новодворская, например, говорила: «Наши «демократы»? Да это несчастные кролики, которые просят, чтобы удавы их освободили: а удавы их в это время кушают».

Демократический союз чаще других политических организаций обвиняли в экстремизме и нетерпимости. На что Новодворская отвечает так: «Нетерпимость становится недостатком, если она переходит в «материальные отношения», в насилие. Но при чем здесь ДС? Наша нетерпимость имеет лишь одну форму внешнего выражения: презре-

ние». Тем не менее в марте этого года над Валерией Новодвор-

ской состоялся суд. Ей было предъявлено обвинение в публичном оскорблении чести и достоинства Президента СССР и в оскорблении Государственного флага СССР. Суд счел невозможным осудить Новодворскую по первой части обвинения, поскольку в ее действиях и выступлениях отсутствовали нецензурные выражения, а по второй части обвинения осудил ее на два года исправительно-трудовых работ и удержание 20 процентов из зарплаты. Вступая в Радикаль-

ную партию, Новодворская показала себя не такой «экстремисткой», какой ее обычно представляют:

— Это партия свободы и гуманизма, партия совести... По моему мнению, Ганди, профиль которого изображен на эмблеме Радикальной партии, был великим революционером и борцом за свободу. Ненасилие радикалов — не проявление трусости или слабости, но отваги и силы, так как радикалы жертвуют своей жизнью за права человека.

65-летний японец **Кодзо Нисино** изобрел новый способ сделать жизнь полноценной, а здоровье — крепким даже в старости. Он считает, что для этого необходимо лишь одно — правильно дышать. Основу его учения можно перевести на русский язык знаменитой фразой: «В здоровом теле здоровый дух». При этом теорию свою он не объясняет, а для словесного выражения использует знаменитое восточное понятие «ки» — физическое и духовное просветление человека. «Ки», по Нисино, — это то, что наступает, если правильно вдыхать и выдыхать воздух.

Кодзо Нисино учился на медицинском факультете Университета в Осаке. Но бросил учебу и посвятил свою жизнь балету. Танцевал весьма успешно и даже создал собственную труппу — Балет Нисино. А в 50 лет неожиданно для всех увлекся японской и китайской борьбой, стараясь через нее найти «правду жизни». Нисино постиг, что правильное дыхание расслабляет тело и высвобождает скрытую энергию организма. «Только вдумайтесь в слова **«ВДОХ»** и **«ВЫДОХ»**, — говорит он. — Повторяя вдохи и выдохи, обмениваясь энергией с окружающим миром, вы получаете **ВДОХНОВЕНИЕ**, то есть стимул к созидательной и эффективной деятельности».

Женщины — жертвы пыток

Невруз Тюркдоган, Эмбарка-мент Талебулд Хусейн, Мариа Нонна Санта-Клара — имена трех женщин, в защиту которых выступила правозащитная организация «Международная амнистия».

Невруз Тюркдоган работала казначеем Ассоциации женщин за демократию в Турции. Она и ее муж были арестованы полицией осенью прошлого года, когда распространяли журнал ассоциации. Невруз была на третьем месяце беременности... После пяти дней избиений Невруз освободили, переведя в больницу. Она потеряла ребенка. Несмотря на то что Невруз потребовала привлечь к ответственности виновных в применении пыток и избиений, дело так и не возбуждено.

В январе 1990 года турецкая полиция арестовала нескольких активисток Ассоциации демократических женщин после рейда в штаб-квартиру ассоциации. По сообщениям «Международной амнистии», их допросы также проводились с применением пыток.

Эмбарка-мент Хусейн работала радиодиктором в Лаайуне, Западная Сахара. Ее никто не видел с того дня в сентябре 1979 года, когда ее арестовал полицейский в штатском. Она — одна из сотен «исчезнувших» на юге Марокко и Западной Сахары людей: их заподозрили в оппозиции марокканскому правлению на территории Западной Сахары. «Международная амнистия» полагает, что некоторые из арестованных живы и содержатся в тайных местах заключения.

Мариа Санта-Клара, служащая сектора социальных услуг Филиппин, была схвачена в апреле 1989 года, когда возвращалась с работы. Видела, как Мариа кричала о помощи из военного джипа. Военные, однако, отрицают свою причастность к исчезновению Марии. После пыток выяснить ее судьбу ее родственникам стали угрожать расправой.

В ноябре 1988 года на Филиппинах была арестована и подвергнута пыткам активистка правозащитной организации «Спецгруппа заключенных».

Применение пыток к женщинам, в том числе изнасилований под стражей, практикуется во многих странах. Часто женщины страдают лишь потому, что они жены, матери, дочери тех, кого власти считают «неблагонадежными».

нений советских композиторов.

Но для начала Синайскому придется решить самую важную проблему, которая перед ним стоит, — кадровую. Происходит массовый отъезд советских музыкантов за рубеж, и в их числе немало артистов его нового коллектива.

Л. Долгачева

43-летний **Арнольд Шварценеггер**, как и все мы, внимательно наблюдал по телевидению за ходом боевых действий в районе Персидского залива. В одном из репортажей он увидел боевой бронетранспортер многоцелевого использования «Хамви», который ему ужасно понравился. Несмотря на то что бронетранспортер, состоящий на вооружении армии США, в частные руки не продается, Шварценеггеру удалось догово-

риться. Правда, с одним условием — башню с пулеметом пришлось убрать. Но и без башни «Хамви» потрясающе действует на жителей Лос-Анджелеса, когда с грохотом перемещается по улицам города. Говорят, что бронетранспортер с его всевозможными качествами великолепно подходит для лос-анджелесских «пробок» в часы пик.

Около двадцати лет назад австриец Арнольд Шварценеггер

появился в Соединенных Штатах, успев до этого завоевать множество мировых и европейских призов по культуризму. Но Америка уготовила обладателю фантастических бицепсов дружную карьеру. Он стал киноактером, снялся в огромном количестве фильмов, таких, как «Красная жара», «Вспомнить все», «Хищник». Став одним из самых популярных актеров в мире, он еще раз изменил призванию. С недавнего времени Шварценеггер — советник президента США по физической культуре.

К. Шухнов

Когда в 1979 году экономист внешнеторгового объединения «Совинтерспорт» **Андрей Патрики** впервые взял в руки дротик, чтобы поразить мишень из сиза-

левого волокна, он вряд ли предполагал, что дартс вынудит его отказаться от удачной карьеры. Игра, которая с незапамятных времен известна любому жителю Британских островов, с недавних пор стала довольно популярна и в Советском Союзе. А для Андрея она превратилась в профессию.

Сейчас он работает исполнительным директором Федерации дартса СССР, а параллельно со всей серьезностью постигает премудрости этого увлекательного вида спорта. И успехи 35-летнего Андрея Патрики поразительны: недавно он во второй раз выиграл чемпионат СССР. Двукратный чемпион утверждает, что уровень его соперников растет тоже стремительно. «На прошедшем чемпионате я с большим трудом обошел 128 претендентов», — говорит он.

Обладатель почетного приза намерен в ближайшее время сразиться с именитыми мастерами дартса на международном турнире. А в свободное от соревнований время Андрей координирует деятельность более 40 клубов дартса, разбросанных по всей стране.

В. Аношкин

Новый генерал в ООН

52-летнему бригадному генералу **Гюнтеру Грайндлю**, занимавшему с сентября 1989 года пост военного атташе посольства Австрии в Берне, пришлось срочно паковать чемоданы. Причина спешного сбора — новое назначение. По решению генерального секретаря ООН Переса де Куэльяра австрийский генерал стал командующим контингентом наблюдателей и войск ООН в районе иракско-кувейтской границы (UNIKOM).

В его подчинении теперь почти полторы тысячи человек, в том числе 300 военных наблюдателей, 600 пехотинцев, 200 саперов, подразделение летчиков, военные медики... Основу войск составят представители Австрии, Дании, Непала, Финляндии и Островов Фиджи. Впервые среди наблюдателей — офицеры всех стран — постоянных членов Совета Безопасности, в том числе СССР. Контингент несет боевую вахту вдоль 240-километровой границы, разделяющей Ирак и Кувейт. Условия не из легких: пустыня...

Грайндль начинал с тирольской пехоты и дослужился до должности в генштабе австрийской армии. За его плечами большой опыт службы в войсках ООН. В 1979—1981 годах он возглавлял группу «голубых беретов» в горячей точке израильско-сирийской границы — на Голанских высотах, а с 1981 по 1989 год командовал войсками ООН на Кипре.

Без отрыва от своих основных военных обязанностей генерал получил и гражданское образование: он дипломированный инженер. В Вене его ждут жена и трое детей.

А. Ковригин,
соб. корр. «НВ»
ВЕНА

Как Оруэлл пошел в народ,

или «Операция Гутенберг»

Лариса Лисюткина

Античные философы изрекли, что книги, как и люди, имеют свою судьбу. Иногда вдруг обнаруживается, что «отцом» был вовсе не тот, чье имя стоит на обложке. Книги, как люди, могут умереть в детстве или прожить долгую жизнь. У них есть юность, зрелость и старость. Иногда им приходится уходить в подполье. Иногда книги-золушки становятся книгами-принцессами, и наоборот.

У меня есть знакомая книга с удивительной биографией. Ее автор — английский писатель Джордж Оруэлл. В 1949 году он опубликовал роман под названием «1984 год».

В Советском Союзе у романа не было никаких шансов на жизнь. Чтение или хранение этого романа, пусть даже на непонятном для большинства советского населения английском языке, каралось как государственное преступление.

В начале 80-х мир готовился отметить необычную литературную дату: не годовщину выхода в свет книги, и не юбилей ее автора, а вымышленный автором и вынесенный в заглавие исторический рубеж — то есть 1984 год.

В Советском Союзе на это тоже отреагировали. Издательство «Прогресс» выпустило закрытый, спецхрановской серии роман Оруэлла в несколько сот экземпляров. Книга рассылалась по специальному списку людям, которых называли «верхушкой номенклатуры», или, говоря словами Оруэлла, «членами внутренней партии». Жизнь пошла на поводу у романа. Во всяком случае, книга Оруэлла оказалась героиней истории, описанной в ней же.

Одновременно с тайным изданием романа Оруэлла была предпринята еще одна акция: сотрудники Академии наук, специалисты по странам Западной Европы и Америки, получили от партийных инстанций задание изучить и проанализировать, что пишет пресса по поводу приближающегося юбилея. Как они на нас клеветают?

Этим должны были заняться мы с подругой: она — англоязычными странами, а я — Германией.

Вражеские газеты и журналы мы читали в больших библиотеках, где был спецхран: тюрьмы для книг и журналов, которые населению за-

прещалось читать. Но нам для работы нужны были не только эти секретные журналы, но и сама книга Оруэлла. Мы провели массовый опрос друзей и знакомых: нет ли у кого эмигрантского издания запрещенного романа? Тамиздата ни у кого не нашлось, зато у нас в руках оказалась секретная книга издательства «Прогресс», беспардонно украденная у большого советского начальства. Этот уголовно-номенклатурный раритет легкомысленно принесла наша знакомая, побывавшая накануне в гостях у одного из адресатов рассылки.

Нашей радости не было предела. Но радовались мы недолго. Через пару дней моя подруга потеряла эту секретную книгу в мясном магазине, в котором в те времена еще было мясо.

Оставалось только гадать, кого посадят первым — мою соавторшу, меня, нашу посредницу или ее высокопоставленного знакомого, которому книга была вручена под соответствующим номером.

Начались страшные будни. Мы каждый день ждали разоблачения и ареста — как в 30-е годы.

Тем временем анализ западной

прессы был дописан и сдан начальству. Его публиковали в специальном журнале с грифом «Для служебного пользования». Нам с незадачливой подругой выписали премию. Этот факт только усилил ужас перед предстоящей расплатой.

Наконец наши нервы не выдержали и мы рассказали о случившемся той знакомой, которая по доброте душевной раздобыла нам книгу для работы.

Теперь мы не спали ночами уже второе.

Она тоже не выдержала и рассказала обо всем мужу. Это был веселый и находчивый молодой художник, герой нашего подпольного авангарда. О его карнавальных выходках можно написать отдельную книгу.

Например, у него было такое хобби: каждый месяц он собственноручно рисовал себе проездной билет на все виды московского транспорта. Для него это был вопрос принципа. «Нечестно, когда игра идет в одни ворота», — объяснял он. Впоследствии, когда нас стали выпускать за рубеж, он попытался нарисовать в паспорте немецкую визу. Но в визу клеивается голографический знак, и, потрясенный таким коварством, художник капитулировал перед немецкой скрупулезностью. «С немцами даже пошутить нельзя, тяжелый народ», — сказал он разочарованно и пошел стоять в многодневной очереди к посольству.

Подпольный авангардист обругал нас последними словами, из которых самыми мягкими были: «Коселки, кобылы, клюквы». Мы не стали спорить, а жалобно ныли: «Что ж нам делать?»

Секрет расплылся как чернильное пятно по скатерти. Через пару дней мы уже проводили оперативное совещание, на котором присутствовал с десятком посвященных. Мы задумали «операцию

Рисунок Виктора Богорода

Гутенберг» — повторение подвига великого первопечатника.

Надо найти еще одну точно такую же, как утерянная, книгу. Ее придется быстро перекопировать на доступном нам секретном копировальном аппарате — на нем работала в КГБ любимая девушка одного нашего приятеля — безработного актера. Затем с помощью знакомых активистов самиздата копию надо переплести, оформить титульный лист с личным номером адреса рассылки и после этого потихоньку поставить книгу на прежнее место.

Поиски образца для запланированной подделки продолжались примерно неделю. В один прекрасный вечер мы, десять заговорщиков, молча стояли вокруг кухонного стола и смотрели на беленькую скромную книжку, которая оказалась нам самодельной. До утра мы читали вслух правдивую историю, описанную Оруэллом, которая на самом деле произошла с нами.

Рано утром актер положил книгу за пазуху и пошел к зданию КГБ.

После шести часов вечера у нас дома уже лежали разрозненные листы романа, с любовью и заботой изготовленные на Лубянке. Двадцатилетняя сотрудница КГБ, подруга богемного безработного актера, как могла утешала нас и удивлялась тому, как мы боимся случившегося: «Все обойдется. Люди только думают, что все у КГБ на крючке. А на самом деле комитет на каждом шагу прокалывается. Вот, пожалуйста, я сегодня весь день работала на вас, сначала печатала, а потом читала. И ни фиги».

Для обложки мы достали ту самую гляцевую бумагу, в которую была переплетена настоящая прогрессовская книжка. При этом, конечно, опытные самиздатели по собственным каналам наделали бесчисленное количество копий с нашей копии. Оруэлл «пошел в народ».

Отличить самодельную книжку от настоящей было практически невозможно. Наш художник блеснул в любимом деле.

Прошло чуть больше года, и первые амнистированные книги стали появляться на обычных библиотечных полках. Шестиугольные штампы с секретными номерами перечеркивали или заклеивали белой бумагой.

Еще через год роман Оруэлла был опять издан тем же издательством «Прогресс» и продавался на каждом углу.

Мы не знаем, что стало с нашей самодельной книгой. Прочел ли ее хоть один человек?

Жаль, что не существует, к примеру, премии Гутенберга за лучшую самодельную книгу. По-моему, у нас были бы шансы ее получить.

31 мая в Москве в Центральном доме кинематографистов состоится благотворительная акция «Анираль-шоу», которую проводит группа «Анираль Ютек» в связи с 10-летним юбилеем работы в Советском Союзе. «Анираль Ютек» — известная французская фирма, которая организовала в СССР одно из первых совместных предприятий в области вычислительной техники «Интерквадро» и Международный медицинский центр «SANA».

В рамках этой акции в Государственном музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина состоится открытие выставки известного французского миниатюриста Дэви Тушинского. А теперь несколько слов об одном из участников группы «Анираль Юте» — Международном медицинском центре «SANA».

Medcal
Centre

МЕЖДУНАРОДНЫЙ МЕДИЦИНСКИЙ ЦЕНТР «SANA»

- специализированное, высококвалифицированное медицинское обслуживание в поликлинике, стационаре;
- Медико-фармацевтический центр предлагает самые современные зарубежные лекарственные препараты, модного дизайна французскую косметику, изысканную французскую лечебную и декоративную косметику, парфюмерию, предметы санитарии и гигиены;
- «Assistance» доставит больного из любой точки Советского Союза и сопроводит в любую страну мира;
- информационные базы данных помогут в выборе необходимого Вам медицинского оборудования и зарубежных фирм-поставщиков;
- к Вашим услугам консультации и оперативное посредничество в приобретении зарубежной медицинской продукции.

Центр расположен в живописном уголке Измайловского парка 105203, Москва, Нижняя Первомайская, дом 60.
Телефон 464-12-54 Телекс: 412246 SANA SU, факс 464-45-63

Коэффициент порядочности

Невероятно, но в последней четверти XX века градация человеческих ценностей — «честный и порядочный» — вырвалась у нас вперед на целый корпус. Явление было столь неожиданным, что растерялись даже те товарищи, кому по профилю их ведомства положено никогда не терять, а железно блюсти.

Появились личности! Незаурядные личности иного измерения.

Появились из запасников политические «ятели, писатели, журналисты, публицисты, режиссеры, которые пошли на идеологическую амбразуру не вооруженные ничем, кроме своей гражданской порядочности системы Серванта.

Амбразура почт отстреливалась холостыми. Что-то в идеологах изменилось... Точнее, не в самих идеологах, а в обстановке вокруг. Только вдруг «ре-стали «шлепать» и сажать. Пробуют новый метод социалистического гуманизма — с почетом изгонять. То, что это прогресс, что это на порядок выше, чем было, — смешно даже спорить. Как бы присутствуешь при закладке нового правового фундамента на кладке времен Юрия Долгорукого.

Опять-таки похвально, что не обнаженный принцип партийной принадлежности положен в основу, а степень порядочности: чем выше ее коэффициент, тем с большим почетом изгоняют.

Ну, кристально честных, бескомпромиссных людей — как крупных бриллиантов — раз-два и обчелся. Как-то так получается, что они долго не задерживаются на грешной земле. Землян раздражают живые праведники, само существование которых дискомфортно для окружающих. Преставился — другое дело! «Какой светильник разума угас!»

Если по сегодняшнему курсу принять за единицу порядочности академика Сахарова, то всем остальным надо вводить понижающий коэффициент.

Тут главное определить — у кого сколько баллов по «шкале Сахарова». Может ли премьер-министр иметь коэффициент ниже министра внутренних дел?.. Или

крупнозвездный маршал — коэффициент, скажем, 0,7, а безлампасный майор — 0,75? Ведь так же невозможно работать, товарищи! Пригласили, к примеру, прекрасного экономиста Явлинского, думали, что у него нормальная средняя отечественная порядочность 0,6—0,7 (не вор, не алкаш, морально устойчив, политически грамотен, предложат сделку с совестью — согласится, не предложат — возникать не станет). А оказалось у него аж 0,9! И он ни в какую не идет на снижение...

Понижать коэффициент порядочности до уровня программы «Время».

Ах, не хотят снижать? Хотят лелеять свои 0,95, держаться гордо, как балерина в первой позиции?! Ну, товарищи, тогда мы просто не знаем. Просто не знаем, товарищи!

Знают. Даже при среднем коэффициенте порядочности — коэффициент сообразительности может быть такой, что ни один советолог не успевает уследить за движениями рук и мыслей.

Ныне вообще все всё хорошо знают и понимают. Благодаря проклятым средствам массовой информации и крупным планам цветного телевидения коэффициенты отлично прочитываются, просматриваются и сразу всем видно: кто несет чушь, но трепетно и искренне, как гимназистка (0,9); кто рассуждает здраво и державно, как Пилат, но и готов умыть руки (0,8); кто врет, но еще краснеет как первомайский лозунг (0,7) и кто врет не моргнув глазом (0,5—0,25).

И я вполне понимаю беспокойство нашего Центрального телевидения, которое разбавляет этот поток жесткого реализма изрядной порцией мягкого мороженого. Бесконечно приятно видеть в пожилых художественных фильмах кристальных следователей, которых вечно торопит начальство, но истина им дороже... Благородных генералов в штатском, которые и таракана не тронут без

санкции прокурора... Мудрых секретарей обкомов с народной лукавинкой в мосфильмовских глазах народного артиста.

А вожди?.. Какой необычайной доброты вожди! Феликс Эдмундович — уж на что, говорили, железный, а посмотришь фильм — золотой.

Наша замечательная творческая интеллигенция за отчетный период талантливо создала такие образы, у которых коэффициент порядочности — 1,5! И я решительно переключаю канал с сессии на кино и смотрю, смотрю, смотрю... И плачу от восторга. «Ах, обмануть меня не трудно!.. Я сам обманываться рад!»

Юрий Соколов

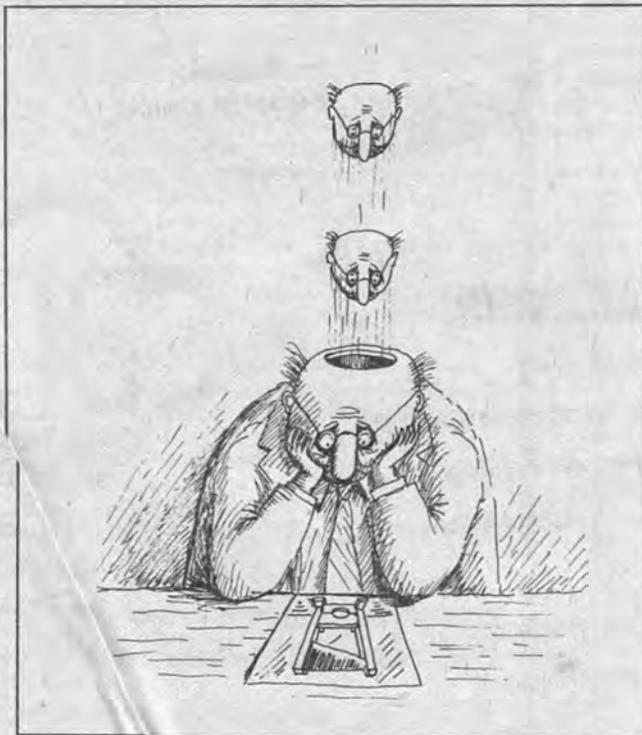

Рисунок Виктора Богорада

Ему, видите ли, почетнее отставка...

Или благородный, как король Лир, бывший министр иностранных дел, рассчитывали на 0,7, ну на 0,75... И все было хорошо... Но просто рок какой-то преследует наш Кабинет! Вы будете смеяться — оказалось, у него знаете сколько?! 3,095 перевалило!

Что делать в такой шекотливой ситуации? Поднимать свой коэффициент?.. Это от Бога. Оклад жалованья — традиционно земная привилегия, можно поднимать и поднимать. А порядочность — ее Оттуда спускают и никакого диплома или хотя бы справки не выдают. И курсов повышения квалификации нет. Что делать?

НЕТ СЕКРЕТОВ

Д Л Я

Тайные операции КГБ и некоторых буржуазных компетентных органов, исторические документы под стать детективам и триллерам, политические эссе и многое другое — в уникальной газете «Совершенно секретно» — читают в США, Германии, Чехословакии, Израиле, Польше и, конечно, в СССР — 3 500 000 человек.

☎ в Москве: 202-20-11, 291-98-62, 291-51-44
Телефакс: 230-21-70. Телекс: 411323

П Р И М А

Совместное советско-итальянское
предприятие в области охраны
окружающей среды.
107005 Москва, Плещеевский пер., 22,
тел. 261-26-75, телефакс: 975-20-50
СП «ПРИМА»

- Экологический мониторинг
- Вычислительная техника
- Очистка сточных вод
- Переработка промышленных и бытовых отходов
- Очистка аэрозольных промышленных выбросов

Основано Моссоветом и крупнейшей промышленной ассоциацией экологического сектора Италии — группой «АКУА». Является Вашим надежным помощником по решению любых экологических проблем.

ДЛЯ ДОМА И ОФИСА

ИНТЕРОКО

Москва, Фрунзенская набережная, 30, павильон 12 Строительной выставки ВДНХ.
Тел.: 242-89-41. Факс: 938-20-33. Все товары — за свободно конвертируемую валюту.

- — Новейшие виды оргтехники, оборудование офисов, современные рабочие места менеджеров, их техническое обслуживание;
- — Надежное, изящное, создающее комфорт санитарно-техническое оборудование, наборы инструментов, изделия из стекла, канцелярские принадлежности, карнизы, ковровые покрытия, женскую и детскую верхнюю одежду и другие товары народного потребления.

В «ИНТЕРОКО» можно приобрести по среднерыночным ценам на условиях лизинга от одного до двух лет компьютеры типа «Laptop» 286, AT-286 и Super AT-386 Sx, 16 MHz, 2 MB, У6А, периферию, включая INK Jet Printer, и оформить соглашение о сервисном обслуживании.

Цена 60 коп. Индекс 70621

